

Марина
Клинггенберг

Отражи Рассвета

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

16+

Марина Клингенберг
Королевская кровь

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Клингенберг М.

Королевская кровь / М. Клингенберг — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Пока Ретилос воевал с Асбелией в попытке добраться до Врат Рассвета и захватить Этериол, братья Балиан, Кристиан и Юан вынужденно провели четыре года в Дилане. Однако по возвращении домой им становится ясно, что держать оборону необходимо не только за Вратами – похоже, в Эндерглиде снова появился предатель. Кто он? Чего добивается враг? Что на самом деле происходит в Асбелии, и какие тайны скрывают от стражей те, кого они считали верными друзьями? Продолжение серии «Стражи Рассвета». Предыдущие книги серии: «Золотой пергамент», «Проклятия Градерона», «Возвращение в Дилан».

Содержание

Глава первая. Воспоминания	5
Глава вторая. Допрос	15
Глава третья. Казнь	24
Глава четвертая. Первая миссия	33
Глава пятая. Встреча	42
Глава шестая. Происшествие в библиотеке	52
Глава седьмая. Загадочный визитер	62
Глава восьмая. Планы Ретилоса	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марина Клингенберг

Королевская кровь

Глава первая. Воспоминания

Колючие заросли своими побегами создавали самую настоящую темницу. Словно сзади подкрался огромный паук и вытянул вперед длинные лапы, чтобы заключить жертву в смертельные объятия. Находясь в этих дебрях, невозможно было смириться с мыслью, что со стороны это всего-навсего красиво подстриженный цветочный куст. Кроме того, справа от него, в каком-нибудь полуметре, белела калитка, соединяющая два небольших двора, чтобы соседям было удобнее навещать друг друга. Но для Этель такой путь был слишком простым и потому унижительным, так что она предпочла пролезть под забором и продрасться сквозь колючий куст. Обычно дети ищут подобных неприятностей в более старшем возрасте, однако трехлетнюю Этель это нисколько не волновало. Сейчас ее вообще ничего не волновало, кроме виднеющегося впереди двухэтажного дома, до которого ей нужно было добраться во что бы то ни стало.

Глубоко вздохнув, девочка храбро ринулась прямо навстречу шипам и после кровавого сражения выбралась в соседний двор. Вид у нее теперь был что надо — вся в земле, руки и лицо в многочисленных царапинах, волосы с застрявшими в них листочками и веточками встрепаны. Этель гордо вскинула голову, так как была уверена, что теперь выглядит неотразимо, прошествовала на крыльцо и изо всех сил забарабанила во входную дверь. Это было отдельное удовольствие, еще большее, чем лазить под забором и продирасться сквозь страшные «лапы», как Этель называла ветви кустов.

Из глубины дома послышались торопливые шаги. Этель для порядка стукнула еще раз и отступила на шаг. Неделю назад в гостях у Демиана был Рилан, и он, услышав, как она барабанит, вероломно распахнул дверь так, что Этель не удержалась, влетела в дом и растянулась на полу. Но что хуже всего, ей не удалось сдержать слез, и хотя Демиан отругал друга, это было слабым утешением. Унижаться второй раз Этель не собиралась. Зато собиралась улучшить момент и отомстить Рилану.

Дверь, однако, приоткрылась тихонько, и на пороге показалась Сату Рейта. Любой другой взрослый пришел бы в ужас от того, в каком виде ребенок, но она только жалостливо улыбнулась — стоило Этель одной выбраться на улицу, и девочка мгновенно обретала подобный облик.

– Я к вам, — объявила Этель.

– Хорошо. Зачем?

Обычно Этель приходила, чтобы передать какое-нибудь поручение от взрослых. Реже — когда ей становилось скучно и она надеялась застать дома Демиана. Но сейчас девочка еще сильнее насупилась и без малейшего стеснения заявила:

– Есть хочу.

Рейта посмотрела на нее удивленно и растерянно, но посторонилась, пропуская ее в дом.

– Заходи... А где твоя мама?

– Спит! — возмущению Этель не было предела, и она, переступив порог, заодно громко топнула ножкой. — Не просыпается. А я есть хочу.

Рейта скрыла тревогу за улыбкой и позвала Демиана. Тот вышел из комнаты, на ходу пытаясь распутать длинные золотистые волосы — хотя утро давно миновало, он проснулся всего четверть часа назад.

– Покорми Этель, — попросила Рейта.

– Ладно. Пойдем! — Демиан взял Этель за руку и повел на кухню. Но девочке вдруг подумалось, что она показала себя не слишком хорошей дочерью, поэтому она остановилась и сказала:

– Мама там не одна. Она с Балианом.

Этель скривилась. Ей не нравилось, что в последние дни Балиан стал околачиваться около ее матери. Она очень ревновала.

– Если с Балианом, то она в безопасности, — кивнула Рейта.

Успокоившись, Этель последовала за Демианом. На полпути он оглянулся и вопросительно посмотрел на Рейту. Но она только пожала плечами и, знаком сообщив о своих намерениях, вышла на улицу.

До соседнего дома было рукой подать — достаточно завернуть за угол и пройти с десяток шагов до калитки, которая располагалась за уже весьма потрепанным цветущим кустом. Рейта быстро преодолела этот недолгий путь и направилась к дому, который был почти точной копией ее собственного. Два этажа, белые стены, отдающие легкой синевой, обычные прямоугольные окна. Разве что по размеру он был немного меньше.

Дверь была не заперта, и это лишний раз подтверждало, что Этель убежала без ведома матери. Такое случалось уже не впервые, и обычно бегство малышки никого не тревожило — она скоро возвращалась, обязательно в грязи, царапинах и с лихорадочно блестящими глазами. Но еще ни разу не было такого, чтобы вместо родного дома она пришла к Сату Рейте.

Встревоженная Рейта вошла в дом, пугающий своей тишиной, поднялась по лестнице на второй этаж и без стука распахнула одну из трех дверей. Здесь было довольно просторно и очень светло. У дальней стены, возле самого окна, стояла кровать, и первое, что бросалось в глаза при входе в комнату — это разлегшийся на одеяле кот, рыжий в белую полоску. Разбуженный приходом Рейты, он потянулся и широко зевнул, но не встал. Наоборот, свернулся в клубок и закрыл глаза.

Рейта подошла вплотную к кровати и присела на край. Лейан действительно спала, дыхание было ровным, и поводов для беспокойства, казалось, не возникало. Но Рейта все равно приложила ладонь к ее лбу и даже без применения целительной силы поняла, что у нее не сильная лихорадка — должно быть, от чрезмерной усталости. Рейта посмотрела на стоящий у другой стены стол и осуждающе покачала головой: тот был завален разнообразными рукописями, документами, книгами и недоделанными картами, так что половина бумаг грозилась свалиться на пол.

Лейан явно нуждалась в очередной назидательной лекции, но сейчас у Рейты вырвался облегченный вздох. Она уже успела вообразить себе невесть какие ужасы, но, к счастью, все было более или менее в порядке. Она знала о том, что Лейан проваливается в глубокий сон даже при незначительном повышении температуры.

Рейта уже хотела сходить за жаропонижающим, но Лейан вдруг приоткрыла глаза.

– Рейта? — сонно пробормотала она, заслоняясь ладонью от лучей солнца, падающих через окно прямо на ее бледное лицо.

– Я, — улыбнулась Рейта. — Этель подняла тревогу — прибежала и сказала, что ты не просыпаешься.

– А сколько времени?.. Господи! — Лейан рывком села на кровати и кинула на окно взгляд, полный ужаса. — Уже так поздно?

– Только не говори мне, что должна сделать то-то и то-то, — покачала головой Рейта. — Тебя лихорадит — очень слабо, но все же.

– Ну, вообще-то... — Лейан несколько смутилась, увидев, как посуровело лицо Рейты, и сочла за лучшее не продолжать. — А где Этель?

– Демиан ее кормит.

– Ясно... Извини, что так получилось.

Лейан умолкла и снова посмотрела в окно. Что-то в ее лице успело насторожить Рейту. Слишком уж печальной она выглядела. Ошибки быть не могло — только тщательно скрываемая грусть могла заставить ее голубые глаза так остекленеть.

– Что случилось?

– Ничего. Просто мне снился Балиан.

– Неудивительно, — Рейта почесала кота за ухом. Он все еще с комфортом лежал в ногах у Лейан.

– Да не этот!

Они с Рейтой не выдержали и засмеялись. Примерно с год назад Лейан, стоя в саду, глубоко задумалась и, уверенная, что ее никто не видит, непередаваемо тоскливым взглядом созерцала небесные дали. Этель находилась под присмотром Тристана и, прочувствовав настроение матери, спросила у него, почему та такая грустная. Тристан в это время и сам задумался о том же и машинально ответил, что наверняка из-за Балиана. Этель оставила это объяснение без комментариев, зато на следующее утро протянула Лейан здорового рыжего кота, весьма флегматично воспринявшего свою судьбу, и с чувством выполненного долга заявила:

– Вот тебе Балиан. Теперь не грустно?

С тех пор кот жил у них в доме и носил гордое имя легендарного стража Рассвета. Поначалу в городе даже поднялся переполох, потому как когда люди проходили по улице, то частенько слышали крики вроде «Балиан, нельзя!», «Балиан, прочь со стола!» и так далее. Но вскоре все улеглось — люди приняли к сведению, что Балиан — кот, а не страж, да и сам Балиан более или менее перевоспитался и привык к жизни в доме.

Словно почувствовав, что над ним смеются, кот снова потянулся, хмуро мяукнул, спрыгнул на пол и неспешно направился к выходу из комнаты.

– Не переживай, Лейан, — сказала Рейта. — Надо просто подождать...

– Надо. Я повторяю себе это почти всю жизнь. Сначала — когда их отправили на миссию в Дилан. Ну, это пустяки. Но потом — десять лет, пока на Балиане лежало проклятие. А теперь... — Лейан умолкла, считая. — Еще четыре года. Пока четыре. Может, будет все десять. Или двадцать. А может, они вообще не вернуться.

Ее голос не дрогнул, но в нем, против обыкновения, звучала всепоглощающая безнадежность. Будто ничто на свете не имело значения.

– Не говори так. Они бы сразу вернулись, если бы могли.

– Врата держат в осаде четыре года?... Плохо наше дело, — маска наигранного равнодушия стала прозрачнее, и Лейан закусила губу, не желая выдавать своего состояния.

– Могу дать тебе один совет, — сказала Рейта. — Если сомневаешься в Балиане, выходи замуж за Ангелора. Он будет счастлив.

– Дело не в этом. Совсем не в этом... — Лейан устало вздохнула и приложила руку ко лбу.

Раздумав встать, она снова опустила голову на подушку. Рейта сказала, что все-таки сделает лекарство, и вышла из комнаты. Продолжать невеселый разговор ей не хотелось, оно и понятно. Лейан мысленно обругала себя, напоминая, что Рейте тоже нелегко. Должно быть, даже еще тяжелее — ведь если на нее теперь смотрели с откровенным презрением и неприкрытой насмешкой, то Рейте доставались взгляды, полные страха и самой настоящей ненависти, что было, по мнению Лейан, гораздо хуже.

Она закрыла глаза. Ей вспомнился день, когда все началось — и тут же рухнуло.

Тогда, четыре года назад, кто-то должен был отправиться через Врата Рассвета в Дилан, чтобы помочь королю Роланду в войне с Ретилосом и, что было особенно важно, защитить Врата с другой стороны. Окончательный состав участников миссии еще не был утвержден, и Лейан всеми силами старалась убедить Гволкхмэя, правителя Эндерглида и своего деда, позвать ее пойти вместе с Балианом, Кристианом и Юаном. Уговоры давались нелегко: у нее

на лице все еще виднелись багровые полосы — шрамы от недавней битвы, — и они очень уж ярко напоминали деду о том, какие опасности грозят стражам.

– Нет, нет и нет! — прогремел Гволкхмэй, когда Лейан пришла к нему на решающий разговор.

– Я все равно пойду!

– Нет, не пойдешь! — взревел Гволкхмэй и встал с трона, показывая, что разговор окончен. — Запру тебя в башне, пока будут через Врата проходить... В Дилан она пойдет! На войну! Ну нет, хватит с тебя!

Он спустился с лестницы вниз и, возмущенно пыхтя, направился к выходу.

– Дедушка, стой!

Лейан метнулась было за ним, твердо настроенная выбить его согласие, но у нее перед глазами вдруг все поплыло. Ничего не понимая, она опасно качнулась и стала падать.

– Лейан! — Гволкхмэй чудом успел подхватить внучку. — Что с тобой?! — запаниковал любящий дед. — Тристан! — он осторожно усадил ее на нижние ступени лестницы, ведущей к трону.

Тристан уже подлетел к ним и приложил руку ко лбу Лейан. Та сидела смирно и недоуменно хлопала глазами, в которых плясали цветные круги. Но через секунду все прошло — так же неожиданно, как и началось.

– Все нормально! — заверила Лейан. — Просто голова немного закружилась. Уже прошло. Все отлично!

Гволкхмэй пропустил ее слова мимо ушей. Он с ужасом смотрел на Тристана, который, убрав ладонь, оторопело уставился на Лейан. Лицо его страшно побледнело и как-то странно дрогнуло, словно это ему стало плохо.

– В чем дело? — Лейан немного испугалась. Что, если она чем-то серьезно заболела? Тогда ее точно не отпустят в Дилан.

Гволкхмэй же и вовсе до смерти перепугался и хриплым голосом велел:

– Говори, Тристан.

Тристан вместо ответа опять приложил ладонь ко лбу Лейан. Снова полыхнуло синее свечение и снова погасло. Лейан стало совсем не по себе. На ее памяти Тристан так вел себя только однажды, когда осматривал Демиана — потом оказалось, что он смертельно болен, спасти его удалось лишь чудом.

Гволкхмэй, видимо, подумал о том же. Еле ворочая языком, он совсем тихо — что для него вообще было поразительно — вымолвил:

– Говори, Тристан. Я приказываю.

– Я бы рад, повелитель, но я не уверен... — пролепетал Тристан, метнул быстрый взгляд на Лейан, снова приложил руку к ее лбу, а потом и к своему собственному. — Господи! Но не могу же я ошибиться? — спросил он сам себя, тупо глядя на свою руку.

– Говори, Тристан! — взвыл Гволкхмэй. — Что с ней?!

– Она... Ты... — Тристан посмотрел на Лейан так, словно впервые ее увидел. — Ты... Ждешь ребенка?

Лейан уставилась на него в полнейшем изумлении, но — от Тристана это не укрылось — в какой-то момент на ее лице отразились растерянность и смущение, но ни тени испуга или расстройства, что непременно было бы, случись все без ее согласия.

Однако в сравнении с шоком Гволкхмэя удивление Лейан практически ничего не значило. Правитель в мгновение ока побагровел до корней седых волос, глаза его округлились, образовывая почти идеальные «о», рот беспомощно распахнулся. Казалось, он вот-вот упадет в обморок.

Но этого не случилось. Потому что Тристан, первым немного придя в себя, чрезвычайно посуловел и холодно спросил:

– Кто отец ребенка, Лейан?

Лейан была так поражена новостью, что, закрыв покрасневшее лицо ладонями, неосторожно прошептала:

– Балиан.

Позже говорили, что бешеный рев Гволкхмэя был слышен даже за пределами Эндерглида. Впрочем, это наверняка было преувеличением, потому что никто из трех братьев, тренировавшихся неподалеку в закрытом помещении (удары намеренно отрабатывались в полутьме), крика не услышал. Хотя, быть может, Балиан и Юан пропустили его, увлеченные битвой, а наблюдающие за ними Кристиан, Демиан и Рейта просто не придали значения. Так или иначе никто и не помышлял об опасности, когда в здание вломился разгневанный правитель Эндерглида.

– Балиан!!! — прогремел он, на сей раз точно на всю округу.

Виновник, не успев сообразить, что к чему, был немедленно схвачен за шкуру. От неожиданности он споткнулся и упал бы, если бы не железная хватка Гволкхмэя.

– Обалдел? — возмутился Балиан. — А ну пусти! Совсем спятил?

– Считаю, что ты труп! — взревел Гволкхмэй, безжалостно тряся его за плечи.

– Дедушка, хватит! — в полутемный зал вбежала Лейан. Следом за ней едва поспевал Тристан. — Перестань!

– Да пусти ты ее в Дилан! — Балиан совершенно неправильно истолковал поведение Гволкхмэя. — Я не убеждал, она сама хочет... Чего с ума-то сходить?

– Потому что, да будут прокляты все твои предки вместе с тобой, она ждет от тебя ребенка! — взвыл Гволкхмэй. — Как ты это объяснишь, мерзавец?!

Балиан изумленно раскрыл рот, почти в точности повторяя недавнюю реакцию самого Гволкхмэя. Но не успел он осмыслить, что к чему, как на него накинута с тычками и упреками со всех сторон.

– Как ты посмел! — Кристиан ощутимо вдарил его по затылку.

– Как ты мог?! — Рейта была разгневана лишь немногим меньше, чем Гволкхмэй.

– Это непростительно, Балиан, — тоном, которым Тристан сказал это, вполне мог быть вынесен смертный приговор.

И только Юан радостно хлопнул Балиана по плечу со словами:

– Мои поздравления! Только хорошо бы, вообще, после сочетания. Чего это ты так?

– А как делаются дети? — воспользовавшись случаем, спросил Демиан.

– Кстати, да, — кивнул Кристиан. — Не вполне уверен, что Балиан знает ответ на этот вопрос, что немного его оправдывает.

– Да иди ты! — взвился Балиан. — Я!.. Да вы!.. — его взгляд упал на Лейан, и он осекся.

В зале повисла тишина, которую разрушало только тяжелое дыхание Гволкхмэя — бедный правитель находился на грани сердечного приступа. Он был уверен, что кошмар всей его жизни, когда дочь вернулась из градеронского плена и выяснилось, что она беременна, просто не может повториться. И вот — пожалуйста. Все в точности, словно срисовано искусным художником.

– Слушай, — наконец, кое-как собрался с мыслями Балиан. — Я просто не подумал... Ну... Так получилось... Свадьба, сочетание то есть, просто в голову не пришло. Я, конечно, без проблем. Да хоть сейчас!

Лейан вспыхнула и опустила глаза. Но Гволкхмэй разрушил готовящееся торжество момента.

– Ты?! Ну нет! — он нервно, почти истерически расхохотался. — Нет... Через... Через мой труп! Который прямо сейчас здесь и будет! — Гволкхмэй схватился за сердце. — Но нет, нет и нет! Лейан никуда не пойдет... Никакого Дилана... А вы отправитесь туда, теперь уж

точно! Видеть тебя не хочу! И чтобы ты там помер, а она всю жизнь одна воспитывала ребенка? Ну нет! Никакого сочетания!

— Почему это? — возмутился Балиан. — Не собираюсь я помирать! А если вдруг чего... Ну... — на его лице отразилось глубокое страдание — представить Лейан с другим было выше его сил.

— В Этериоле, в отличие от Дилана, есть закон, Балиан, — сказал Кристиан. — Второй раз соединять себя с кем-то строжайше воспрещается. Даже если причина разлуки — смерть.

— Ну и черт с ним! Я-то вернусь!

— Я снова дам Кристиану тайное задание! Пусть позаботится о том, чтобы ты не вернулся! — рывкнул Гволкхмэй. — Как ты посмел! Нет, это невысказано! Непростительно! Да я тебя своими руками придушу! — в доказательство своих слов он, хрипло дыша от ярости, снова протянул руки к Балиану, и выглядело это так угрожающе, что Тристан вцепился в него с одной стороны, а Кристиан — с другой.

— Повелитель, перестаньте! — попытался воззвать к его разуму Тристан. — Смертью Балиана ничего не исправить... И ребенку нужен отец...

— Что ты сказал? — Гволкхмэй вдруг замер. — Ну конечно! Это же идеально! Все Розенгельды на одно лицо... Юан — ты остаешься в Эндерглиде. Я все равно хотел поженить вас с Лейан. Никто не догадается, что это ребенок Балиана! Решено!

— Обалдел, что ли?! — возопил Балиан. — Только попробуй!

— И попробую! О, будь проклят тот день, когда тебя разморозили! — рвал и метал Гволкхмэй. — Какой позор!

— Хватит! — Лейан всеми силами старалась перекричать его, но ей это не удавалось. — Балиан не виноват!

— Ну конечно! — Гволкхмэй саркастически расхохотался. — Поразительное совпадение — твоя мать точно так же говорила об этом проходимце Руэдейрхи! Конечно, не виноват! Его заставили! Вынудили!

— Действительно, Балиан виноват в любом случае, — согласился Тристан.

— Этому нет оправдания! — вторил ему Гволкхмэй.

— Ну хватит же! — голос Лейан предательски дрогнул.

Слезы вдруг сами собой хлынули по щекам. Стараясь их скрыть, Лейан отвернулась, а потом, после секундного колебания, бросилась прочь.

— Лейан! Стой! — запаниковал Гволкхмэй. — Что встал, мерзавец? — напустился он на Балиана. — Это все из-за тебя! Немедленно успокой ее!

Балиан ошалело посмотрел на него и послушно кинулся следом за Лейан.

— Нет! Стой! — спохватился Гволкхмэй. — Не смей к ней подходить!

Но Балиан даже не обернулся. Гволкхмэй хотел пуститься в погоню, однако Тристан решительно загородил ему дорогу и что-то тихо проговорил. Гволкхмэй сжал кулаки в бесильной ярости, но от погони воздержался.

Сату Рейта, Демиан, Кристиан и Юан находились в полнейшей растерянности.

— Юан, ты знал, что между Балианом и Лейан что-то есть? — спросил Кристиан.

— Ну да... Трудно было не заметить, по-моему.

— Я заметил, но не думал, что все так серьезно.

— Я тоже не думал, — признался Юан. — Лейан ничего не рассказывала... Ох, ну, теперь Балиану достанется.

— И подделом! — Рейта все еще не могла отойти от шока. От Балиана она такого никак не ожидала.

Лейан тем временем успела добежать до Главной башни и укрыться в саду. Остановившись за живой изгородью, она спешно пыталась справиться с собой. Но слезы продолжали литься, руки предательски дрожали, и сдерживать всхлипы, которые могли бы ее выдать, уда-

валось с огромным трудом. Причиной этого была вовсе не неожиданная новость, а то, как об этом узнал Балиан — и не только он. Не оставалось сомнений в том, что теперь это выльется во всеобщее обсуждение. Пусть и только между близкими ей людьми, все равно это было неприятно, унизительно и как-то нечестно. Неужели все не могло выйти по-другому?

— Лейан! Да подожди же ты! — призыв Балиана был излишним, но он опасался, что Лейан снова бросится бежать. Он остановился, пытаясь отдышаться.

За живой изгородью послышались голоса: кто-то прогуливался по соседней аллее. Балиан молчал, дожидаясь, пока они смолкнут. Лишь после этого он с некоторой опаской коснулся плеча Лейан, но она к нему не повернулась.

— Лейан, — выдал из себя Балиан, в голове которого все еще царил полный сумбур. — Ну, не плачь...

— Я не плачу. — Лейан глубоко вздохнула и, сделав над собой очередное усилие, развернулась и посмотрела ему в глаза. Слишком свежа была память о том, как он раньше реагировал на ее — да и вообще чьи-либо — слезы.

— Тем более, — Балиан немного приободрился. — Я подумал... Ну... Что, все так плохо? Ты не хочешь за меня замуж?

Лейан покраснела и опустила взгляд.

— Хочу, конечно.

— Вот видишь! Значит, порядок, — остался очень доволен Балиан. — Я еще тогда хотел тебе сказать... Предложить... Отвлекло что-то.

— Юан? — предположила Лейан.

Разговор состоялся на следующий день после того, как Балиан после многократных, но бесполезных попыток все-таки прорвался к Лейан — Гволкхмэй наотрез отказывался пускать к ней кого-либо, — и по вине нахлынувших на них обоих чувств произошло непоправимое. Лейан, запинаясь, сказала, что такого ни в коем случае не должно повторяться — во всяком случае, до определенного времени. Балиан, и сам немного растерянный, торопливо заверил, что прекрасно это понимает. Он собирался еще что-то сказать, но в этот момент их окликнул Юан, и волнующую беседу пришлось прервать. Мысль о том, что он собирался сделать ей предложение, согревала сердце Лейан, но она изо всех сил боролась с этим чувством. Больше всего на свете она боялась, что Балиан говорит все это только из-за банальных обязательств, которые свалились ему на голову.

— Точно, он! А потом я подумал, что рано... — лицо у Балиана стало очень забавным, словно он сам удивился собственной глупости. — Чего рано-то? Так что все, решено!

— Остается сказать об этом Гволкхмэю, — Лейан улыбнулась сквозь остатки слез.

— И скажу. Вот прямо сейчас и скажу!

Он схватил ее за руку и решительно повел за собой. Как выяснилось, Гволкхмэй и Тристан уже успели вернуться в Главную башню, где Тристан срочно отпаивал правителя лучшим вином, какое только имелось в Эндерглиде.

Поначалу Гволкхмэй, конечно, начал кричать на Балиана, но потом его ответные крики о том, что Гволкхмэй «совсем обалдел», что он женится на Лейан, и что он ее «между прочим» любит в сочетании с вином несколько смягчили ситуацию.

Однако Лейан ждал новый удар.

— Даже если так, — Гволкхмэй после очередной дерзкой реплики Балиана вновь начал заводиться, — все равно это произойдет не раньше того, как ты вернешься из Дилана. Это мое окончательное решение!

— Лейан пойдет с нами, — заявил Балиан.

— Да, — твердо сказала Лейан.

Тристан и Гволкхмэй молча переглянулись, после чего наградили ее пристальными взглядами. И так холодны и серьезны были их глаза, в которых едва уловимо сквозила жалость, что

даже Балиан почувствовал неладное и спросил, в чем дело. Ему не верилось, что Гволкхмэй и Тристан могут быть столь категоричны в подобном вопросе.

– С сегодняшнего дня, — отрывисто начал Тристан с разрешения Гволкхмэя, — ты, Лейан, лишаешься воинского статуса.

– Что? — обомлела Лейан.

– Совсем спятили?! — накинулся на них Балиан. — Если вам принципиально нужно над кем-нибудь поиздеваться, издевайтесь надо мной!

– Выискался защитник! — Гволкхмэй в гневе треснул кулаком по подлокотнику кресла. — А ну отойти отсюда, пока не прибил! — оттолкнул он Балиана, поскольку тот в порыве возмущения уже перегибался через стол, за которым они сидели.

– Это не наше решение, — сухо проговорил Тристан. — Это закон. Если женщина ждет ребенка, она лишается воинского статуса. Никаких исключений. Разумеется, после родов она может заново получить звание. Но только после прохождения всех вступительных испытаний.

– Что за идиотские законы?!

– Ах, идиотские? — прогремел Гволкхмэй, поднимаясь во весь свой огромный рост. — Нет, вы посмотрите на него! И эта легкомысленная бестолочь будет отцом? — Балиан невольно задел больное место правителя — его дочь, мать Лейан, умерла от родов. — Ну нет! Забудь! На Лейан женится Юан. Точка!

– Оставь ты Юана в покое! — в сердцах бросил Балиан.

Он порывался еще что-то прокричать, но вдруг умолк, стиснув зубы. Потом повернулся и направился к выходу; дошел до двери, вернулся обратно, взял Лейан за локоть и вместе с ней вышел в коридор, после чего громко хлопнул дверью. Лейан молчала. Ей нетрудно было понять, что чувствует Балиан. Слова Гволкхмэя унизили его, но он знал — в них имелась доля истины. И с этим никак нельзя было поспорить, по крайней мере до тех пор, пока у него в голове все не уляжется. А сознание того, что он станет отцом, укладываться никак не хотело.

– Как думаешь, — проговорил Балиан почти с ужасом, — он это серьезно насчет Юана?

– Вполне. Но даже если он очень постарается, ничего не выйдет. Юан не согласится, а я тем более. Не обращай внимания. Мы пять лет подряд твердили ему, что мы друзья и ничего большего не будет, но он просто не слушает.

– А твой статус?

– Закон есть закон, — Лейан стоило немалых усилий не измениться в лице. — Ничего, потом получу заново.

Балиан сжал ее руку в своей. Все навалилось таким неожиданным, непередаваемо тяжелым грузом, что он чувствовал острую потребность что-нибудь сделать — лучше всего очертя голову броситься в битву и выплеснуть скопившиеся эмоции, в первую очередь — мерзкое чувство вины. Он знал, что Лейан не считает его виноватым, но вот так сразу отделаться от этого ощущения не мог. Кроме того, Балиан, по обыкновению, не был способен сам разобраться в причинах и следствиях своего настроения. Он просто чувствовал себя не лучшим образом и понимал, что Лейан тоже плохо.

Стук снизу и голос Сату Рейты вывели Лейан из плена воспоминаний. Кто-то пришел. Она встала с постели и стала приводить себя в порядок. Расчесывая перед зеркалом свои волнистые светлые волосы, Лейан думала о том дне, когда Балиан, Кристиан, Юан, Сантерил, Арес и еще трое градеронцев прошли через Врата Рассвета. С тех пор от них получили от силы три весточки, из которых только одна была непосредственно от Балиана. Его письмо, спешно переданное Аресом — ему единственному удалось ненадолго прорваться в Этериол до того, как Врата полностью окружили, — Лейан до сих пор бережно хранила у себя. Балиан подробно описывал ситуацию, в которой они оказались, явно мучительно подбирая каждое слово и столь же мучительно выводя его красивым почерком на бумаге. Он дал понять, что предприятие сильно затягивается, и лишь в конце приписал неловкое «надеюсь, будешь ждать». Лейан

попросила Ареса передать ему – писать ответное письмо не было времени, – что она непременно его дождетя. Но сейчас уже сомневалась в этом. Конечно, здесь у Кристиана были Сату Рейта и Демиан, но в ночных кошмарах Лейан постоянно видела его с королевой Диантой (страшно было подумать что, в таком случае, снилось Сату Рейте), а Балиана почему-то с Розеттой, любовницей короля Роланда. Эти страхи терзали ее, и все же Лейан оставалась тверда и не собиралась связывать свою жизнь ни с кем, кроме Балиана, хотя Гволкхмэй с горя уже начал поглядывать в сторону Ангелора и делать внучке недвусмысленные намеки о том, что Этель нужен отец. Иногда Лейан даже думалось, не воплотил ли дед свою угрозу в реальность и не решил ли оставить братьев в Дилане навсегда. Но она быстро приходила в себя и понимала, какой глупостью была эта мысль. Несмотря ни на что, Гволкхмэй любил их, особенно Балиана, и очень переживал из-за неожиданно долгого отсутствия.

Изредка на волшебном пергаменте, связывающем оба мира, появлялись строки о том, что война с Ретилосом все еще не кончена, но это мало утешало. Всех терзала одна и та же мысль — почему об этом пишут не стражи Рассвета, а кто-то другой? Никто из них так и не написал на пергаменте ни единого слова.

Чтобы как можно меньше думать обо всем этом, Лейан пыталась забыть в работе. Меньше чем через год после рождения Этель она вернулась в форму, снова получила статус стража и успела выдержать не одну серьезную битву. Потом, изучив книги, подаренные Роландом, и пытаясь представить и проиллюстрировать происходящее в Дилане, увлеклась продумыванием стратегий и составлением карт. Тристан случайно заметил ее работы и был приятно удивлен их качеством. Лейан по его предложению прошла особое обучение и вскоре уже не только стояла на посту у Врат Рассвета, но и давала воинам миссии — словом, занимала в правительстве Эндерглида весомое место. И хотя Гволкхмэй и Тристан, а также Сату Рейта, постоянно напоминали ей, чтобы она зря себя не утруждала, Лейан, наоборот, всегда старалась взять и сделать как можно больше работы. Это хоть немного отвлекало от грустных мыслей.

В дверь постучали. Но еще прежде, чем Лейан успела разрешить войти, в комнату вихрем ворвалась Этель. Следом за ней с куда большим достоинством прошли Рейта и Тристан.

– Когда стучишь в дверь, надо дожждаться разрешения и только потом открыть, — сделал ей строгое замечание советник.

– Мне не надо, — заявила Этель, дергая Лейан за подол ее голубого платья. — Тебе плохо?

Лейан, посмотрев на нее, только вздохнула. Глаза Этель сияли радостью и, судя по всему, главным образом из-за того, как много царапин на ней было. Демиан их обработал, и теперь они устрашающе краснели. Но объяснять девочке, что есть такая замечательная вещь как калитка, было попросту бесполезно. Она с умным видом кивала, а потом, когда выдавался случай, снова продиралась через колючие кусты. Гволкхмэй за глаза называл ее «Балианом в юбке» и, в общем, никто не мог ему возразить. Волосы Этель были немного светлее, чем у отца, зато глаза и упрямый и вспыльчивый характер словно с него списали: в свои неполные четыре года девочка уже успела влезть не в одну драку.

– Уже нет, — Лейан села на кровать, посадила дочь к себе на колени, с благодарностью приняла из рук Рейты стакан с лекарством и вопросительно посмотрела на Тристана.

Тот скользнул взглядом по заваленному столу, невесело усмехнулся и спросил:

– Доработалась?

– Да ну тебя. Извини, карту к вечеру сделаю...

– Это вполне может подождать. Я пришел не за этим. Возникло неотложное дело. Не уходи, — Тристан кивнул Рейте, вознамерившейся уйти. — Твое присутствие не помешает.

– Что-то случилось? — встревожилась Лейан. Сердце болезненно екнуло: неужели из Дилана пришли дурные вести?

– Похоже, что да. Сообщение из Дилана... Не волнуйтесь. О наших вестях пока нет. Но король Роланд дал нам знать, что Врата Заката были открыты. Вы понимаете, что это значит?

Лейан и Сату Рейта переглянулись.

– Что из Врат Рассвета кто-то вышел в Этериол, разумеется, — сказала Лейан. — Но это невозможно. То есть, я имею в виду, оттуда никто не выходил. Ты же сам знаешь, Тристан. За последние годы из Врат вообще никто не показывался. Нам приходилось сражаться с отступниками, но они как раз пытались пройти в Эндерглид...

– Да, я знаю. Но я не мог оставить это без внимания и велел опросить жителей. Многие говорят, что несколько дней назад видели золотое сияние.

– Может, кто-то из стражей из любопытства приоткрыл Врата? — несмело предположила Рейта.

– Вполне вероятно, — не стал отвергать ее версию Тристан. — Сами знаете, не так давно было пополнение в рядах...

– Слишком большое совпадение, — возразила Лейан. — Если бы не было сообщения от Роланда — тогда да. Но наверняка зная, что во Врата Заката кто-то заходил? Нужно допросить всех, кто стоял на посту за последнюю неделю. Включая меня, разумеется, — вспомнилось ей, что буквально позавчера она сама была на дежурстве. — Возможно, кто-то вступил в битву, заснул или потерял сознание, а признаться побоялся. Я могу...

– Не хватало тебе еще и с этим разбираться, — покачала головой Рейта.

– Рейта права, Лейан, — сказал Тристан. — Собственно, я пришел только потому, что последние списки дежурств составляла ты. У тебя есть копии? Мы все порядочно встревожились, вплоть до того, что наши списки подделали.

– Думаете, в Эндерглиде опять завелся предатель? — изумилась Рейта. — Что кто-то добровольно пропустил отступника в Этериол?

– Мне хочется думать, что Лейан права и это просто чей-то недосмотр, — Тристан взял из рук Лейан протянутый список и, просмотрев его, хмуро добавил: — Но если говорить честно, я уверен в обратном.

Глава вторая. Допрос

Отведя Этель домой, Демиан направился к библиотеке, где его, нетерпеливо притоптывая ногой, подждал Рилан. Обычно подобные места второму сыну Рэвенлира были совершенно чужды, но на этот раз отвертеться от визита сюда не удалось: вот-вот должны были состояться экзамены, сдав которые, Демиан и Рилан надеялись получить статус. Хотя им обоим было всего по одиннадцать лет, преподаватели возлагали на них большие надежды, особенно на Демиана. Они сами предложили его кандидатуру на допуск к финальным экзаменам, но Рилан дико возмутился этому, во всеуслышание объявил, что они «потакают Розенгельдам» и вообще «дискриминаторы». Демиан несколько смутился, потому что, в общем и целом, понимал, что Рилан прав, а остальные ученики поддержали его обвинительную речь бурными воплями.

Преподавательский состав, посоветовавшись, устроил дополнительные, крайне жесткие испытания. Прощедшие их получали шанс получить статус в этом году. Демиану, Рилану и еще одному мальчику удалось их пройти, и их внесли в список допущенных до экзаменов. Тристан посмотрел на имена совсем юных ребят с сомнением, но все-таки поставил напротив них свою подпись. Друзья ликовали. Правда, чуть позже выяснилось одно досадное обстоятельство: дополнительные испытания были введены только по боевым искусствам, а языки, историю и прочие предметы проигнорировали. Когда до Рилана дошло, что всю эту «чепуху» придется сдавать на самом серьезном уровне, он пришел в настоящий ужас. Демиан тоже ужаснулся, потому как, во-первых, знал, что дела по этим дисциплинам у его лучшего друга идут из рук вон плохо, а, во-вторых, и в своих силах сомневался, хотя его всегда хвалили. Поэтому вот уже несколько дней они по несколько часов просиживали за книгами, да и ночами не забывали повторять пройденное.

– Что ты так долго? — Рилан весь извелся.

За последний год Демиан успел обогнать его в росте и, чтобы смерить друга взглядом, полным негодования, Рилану пришлось отступить на шаг. Его глаза, как обычно, лихорадочно блестели, нестриженные светлые вихры торчали во все стороны. Вообще-то ученикам запрещалось носить длинные волосы, считалось, что для неопытных воинов это серьезная помеха во время боя. Однако в последний год Рилан успешно сбегал от матери, когда та подступала к нему с лезвием, а отцу было не до бесконечных жалоб преподавателей. Демиан же просто отказался от стрижки, Рейта с ним спорить не стала, и ее никто не тревожил: обсуждать этот вопрос с градеронкой никому не хотелось. Впрочем, ему приходилось не легче, чем Рилану — укротить необычайно густые волосы было крайне трудно, и они постоянно лезли в глаза. Но мальчишки не сдавались, беря за пример своих отцов. Демиан смутно помнил, что волосы у Кристиана Розенгельда спадали ниже пояса (потом он укоротил их до локтей), да и у Рэвенлира, отца Рилана, уже были внушительной длины. Демиан недавно спросил у Рилана, почему он снова начал отращивать волосы, на что Рилан, хмыкнув, открыл отцовскую тайну: оказалось, Рэвенлир пять лет назад остриг свой длиннющий хвост только потому, что его «попортили» отступники.

– Извини, — сказал Демиан. — Лейан приболела, пришлось за Этель присмотреть.

– Девчонки! — возмущенно фыркнул Рилан и, скривившись, добавил: — Мамочка Демиан.

– Зато ты этот экзамен провалил.

Рилан ткнул его локтем в бок. У него было два младших брата, и с пару недель назад ему велели в очередной раз присматривать за пятилетним Рэвенделлом и двухлетним Силлеаном. Поначалу ничего не предвещало беды, но потом Рилан чем-то увлекся и не заметил, как

брatья затеяли драку. Ценой неравного противостояния малышей стали две шишки, с десяток синяков, разбитая ваза и долгосрочное отстранение Рилана от присмотра за детьми.

Напоминание об этом хорошем настроении Рилану не прибавило, и на протяжении недолгого пути до главного зала библиотеки он громко возмущался.

– Ну ладно, потише, — осадил его Демиан при входе. — А то выгонят... Что сегодня повторяем?

– Историю, — прошептал Рилан с трагическим видом. — Ты выучил этих идиотских правителей Градерона?

– Да, как раз хотел с кем-нибудь посоветоваться. Понимаешь, там в книге одного пропустили, а у одного имя неправильно написали. Как думаешь, надо будет говорить как в книге или как правильно?

– Ты там не особо умничай! Градеронец выискался!.. Говори по книге, а то переписут ее из-за тебя, учи потом заново.

– Ладно, попробую, — улыбнулся Демиан. Так как детство он провел в Градероне, ему уже не один раз приходилось отмечать неточности в информации, имеющейся у Эндерглида. И, действительно, пару раз Тристан, посоветовавшись с его матерью и убедившись, что Демиан прав, внес правки.

Они вошли в зал, взяли по внушительной стопке книг и погрузились в работу. Рилан поминутно вздыхал и спрашивал о чем-нибудь Демиана — исторические термины оставались для него загадками, тексты документов, написанные на Святом языке, не поддавались пониманию. Но дело спорилось, и привычный объем работы они закончили гораздо раньше, чем обычно.

– Давай даты повторим, — предложил Демиан.

– Ну их, — лениво потянулся Рилан. — Устал... Давай лучше о самом легком: современной истории... Я слышал, в прошлом году об этом спрашивали. Даже о том нападении отступников, помнишь? Когда они через Врата прорвались.

– Еще бы не помнить. Если бы не это, стражам Рассвета и уходить бы не пришлось.

– Как думаешь, они вообще живы?

– У меня такое ощущение, что они обязательно должны вернуться, — задумчиво проговорил Демиан, делая пометки напротив особо важных дат. — Хотя я, конечно, могу и ошибаться.

– Как-то ты не слишком переживаешь.

– А что переживать? Это ничего не изменит. Разумеется, я безумно хочу, чтобы они вернулись. И маму мне жалко, и Лейан особенно — ей совсем тяжело... Но если не вернуться, что тут поделаешь?

– Нужно идти в Дилан, — важно проговорил Рилан. — Искать!

– Наверное, — согласился Демиан. — А для этого надо получить статус. Сейчас, погоди, я у Эксентара попрошу военные отчеты за последние годы. Вдруг даст?

Он встал из-за стола и направился напрямиком к библиотекарю, который с жутко рассеянным видом заполнял какую-то книгу. Рилан, подперев щеку, издали наблюдал за переговорами.

Раньше он никогда не заводил эту тему. Когда стражи только ушли, Демиан с год воодушевленно и с надеждой говорил «когда отец вернется», «потом спрошу у отца», «может, Балиан и Юан помогут», а потом как-то постепенно замолчал и вот уже два года не говорил об этом вовсе. Бывало, о них упоминали, задавали ему какие-то вопросы, и на все Демиан отвечал спокойно, с несколько смущенной улыбкой, но развитию темы не способствовал. Иногда Рилану казалось, что воспоминания об отце у него окончательно поблекли, а иногда он думал, что Демиан просто не хочет тешить себя дурацкими надеждами.

— Вот! — довольный Демиан возвратился к столу с устрашающе толстой книгой. — Только сказал, чтобы никому не показывали.

— А то сами не знаем! Дай сюда! — Рилан с большим воодушевлением вырвал фолиант из рук Демиана, но, поймав на себе взгляд Эксентара, положил его на стол и стал с преувеличенной осторожностью листать страницы. — Сейчас мы посмотрим, как у них дело двигалось. А давай я тебя поспрашиваю? Вроде как на экзамене.

— Давай.

— Так. — Рилан остановился на последних заполненных страницах. — Когда и почему состоялось массовое нападение на Врата Рассвета?

— В четыреста шестьдесят восьмом году нашего тысячелетия, — Демиан, заложив руки за голову, уставился в потолок. — Отступник Таранос, бывший градеронский преследователь, поделился с другими изгнанниками информацией, которую он сам получил в Дилане несколько лет назад... Предположительно, — Демиан подсчитал в уме, — в четыреста пятьдесят шестом году, незадолго до кражи Солфорджа. Согласно этой информации, в Дилане имеется государство Ретилос, которое интересуется Этериолом и потому дает приют сбежавшим оттуда. А еще Таранос дал понять отступникам, что Дилан вовсе не такое ужасное место, как о нем говорят, и что многие сбежавшие там живут в свое удовольствие. Другой отступник, Эридан, объединил рассеянных по Этериолу людей и организовал нападение, чтобы все могли сбежать в Дилан.

— Молодец, тебе бы книги писать! — проговорил Рилан с большим уважением. — Итоги нападения?

— Ну-у, — Демиан немного растерялся. — Очень многие погибли, шестерым отступникам удалось прорваться в Дилан.

— Угу. — Рилан, уткнувшись в книгу, водил пальцем по строчкам. — Кстати, тут какой-то кретин вписал в погибших твоего отца.

— Да? — Демиан чуть вздрогнул — воспоминания о времени после битвы у него сохранились самые ужасные. — Ну, на самом деле, неудивительно. Его сначала правда считали погибшим... У него были страшные раны, несколько дней он лежал при смерти.

— Но выжил же! Нет, ну что за идиоты? — дивился Рилан. — И тут же ниже пишут, что он был отправлен в Дилан на миссию, — он взял перо, окунул его в чернильницу и, украдкой поглядев на Эксентара, решительно вычеркнул имя Кристиана Розенгельда из списка погибших в битве у Врат. — Вот так-то лучше. Продолжим... Какие действия были предприняты правительствами Эндерглида и Градерона в отношении сбежавших?

— Это я знаю слишком хорошо, — Демиан вздохнул. — Было решено отправить стражей Рассвета и воинов Заката, чтобы они вернули украденный пергамент, и, самое главное, не дали жителям Дилана пройти в Этериол.

— Чего? — обалдело уставился на него Рилан.

— А ты не знал? — удивился Демиан.

— Нет! — помотал головой Рилан. — Что за чушь? Причем тут эти... диланцы?

Демиан на всякий случай огляделся. Неведение друга стало для него полной неожиданностью, и он решил убедиться, что их никто не услышит — мало ли, вдруг это государственная тайна?

— Когда мой отец, его братья и Лейан были в Дилане, — подавшись вперед, зашептал Демиан, — они узнали, что этот Ретилос очень интересуется Вратами Рассвета и даже хочет из-за них развязать войну. Считается, что это был план отступников... Найти способ открыть Врата с той стороны, чтобы сюда могли прийти люди из Ретилоса и захватить Этериол. Они нашли — серебряный жезл.

— Он может Врата открывать? — еще больше изумился Рилан.

— Ну да. И те, и другие. — Демиан вздохнул. — Так что охрана с другой стороны просто необходима. Поэтому мой отец и остальные все еще там... Да? — вдруг вскинул он голову.

Рилан обернулся, чуть не упав при этом со стула. Позади него стоял Тристан, и его вид не предвещал ничего хорошего.

– Эксентар сам нам ее дал! — немедленно возложил вину на библиотекаря Рилан, тыча пальцем в книгу. — А имя градеронского Розенгельда тут и было зачеркнуто.

– Если хотите хорошо сдать экзамен, — взгляд Тристана мельком скользнул по книге, — то вам лучше бы уделить внимание ее началу, а не концу. Демиан, — он хмуро посмотрел на мальчика. — Пойдешь со мной.

– Хорошо, — Демиан, аккуратно сложив свои записи, поднялся на ноги.

– Я покараую, — вызвался Рилан. — Посмотрю тут это... Начало книги.

Демиан кивнул и, пожав плечами в ответ на его вопросительно-сочувственный взгляд, пошел следом за удаляющимся Тристаном. Он понятия не имел, в чем дело, и теперь перебирал в голове все, что могло бы вызвать недовольство советника. Демиан всегда был строг к себе, поэтому поводов набралось немало, и он всерьез заволновался. Что, если его не допустят до экзаменов? «С другой стороны, — подумалось ему, — я же столкнулся с ним у дома Лейан — он ничего не сказал...»

Они направились напрямик в Главную башню, но не в зал, а в большую комнату, где обычно проходили правительственные совещания. Это еще сильнее взволновало Демиана, однако виду он старался не подавать. Что бы там ни было, ударить лицом в грязь было нельзя.

– Заходи, — Тристан открыл перед ним двери.

Демиан послушно переступил порог и замер. В комнате за длинным столом собралось семеро человек, своеобразное ядро правительства. Здесь были Рэвенлир, отец Рилана, отвечающий за всех воинов Рассвета, и Нилендер, не так давно назначенный ответственным за хранителей Врат. Рядом расположились Элидон, в последние годы являющийся не только медиком, но и главой преподавательского состава, и глава рода Ауриин — Альдеран, в котором добрая половина воинов и стражей видела только отца Эридана, отступника, долгое время державшего в страхе весь Этериол. У самого края сидела Лейан — она ободряюще улыбнулась Демиану, — а место рядом с Гволкхмэем занял Тристан.

Перед ними всеми, словно обвиняемые, стояли Эгрэндерл, воин Рассвета, и еще какой-то незнакомый Демиану человек средних лет в простой одежде. По указанию Тристана Демиан встал в один ряд с ними, и это его совсем не ободрило. Он уже подозревал, в чем дело, и теперь его подташнивало от дурного предчувствия — похоже, мимолетный испуг того, что статуса ему не видать, был вовсе не безосновательным.

– Ну, что встал? — Альдеран вдарил кулаком по столу. Демиан вздрогнул, но замечание относилось не к нему. — Смотри, он или нет?

Незнакомец, тоже порядком перепугавшись, вышел из ряда, повернулся и посмотрел прямо на Демиана. Тому стало еще хуже, но ему удалось ничем этого не выдать.

– Да-да! — воскликнул мужчина. — Он самый.

– У нас тут проблема! — рявкнул Гволкхмэй, глядя на Демиана. — Дежурил у Врат Рассвета три дня назад? Ну?

– Да, повелитель, — ответил Демиан, чуть запинаясь. Это было его второе дежурство у Врат — как ученик, он должен был стоять у них под руководством опытного стража. Но среди них остро ощущалась нехватка, и в тот день он дежурил с воином, Эгрэндерлом.

Внутри у Демиана снова все сжалось. Дежурство даже по самым мягким меркам прошло из рук вон плохо.

– Ты открывал Врата? — спросил Тристан.

– Нет, конечно, — Демиан немного удивился.

– Ничего подозрительного не происходило?

– Вначале... Вначале нет.

– А потом? — уставились на него все.

– Я... Я не знаю, — Демиан сделал глубокий вдох и нашел в себе силы сказать: — Я ушел домой.

Можно было с полной уверенностью сделать вывод, что такого откровенного заявления никому из присутствующих слышать еще не приходилось. Даже обычно невозмутимый Тристан выронил из рук перо, да и Лейан посмотрела на Демиана так, словно не могла поверить в услышанное. Подобных слов нельзя было ожидать даже от самого последнего ученика, а Демиан всегда был в числе первых и вызывающих особенное доверие.

Демиан совсем растерялся. Он был уверен, что его вызвали только потому, что прослышали об этом, но, судя по всему, ничего такого и не подозревалось. Хотя, быть может, они просто ждали достойного оправдания. Демиан совсем упал духом. Эгрэндерл не вступился за него. Значит, он был неправ, когда оправдывал сам себя и утешался мыслью, что поступил правильно, уйдя домой.

– По какому праву ты оставил пост? — отрывисто проговорил Тристан, первым обретший дар речи.

– Я... Мне стало плохо, — Демиан не выдержал и опустил глаза. Приступы головной боли уже не раз и не два заставляли его чувствовать себя ущемленным. — Я бы продержался, но господин Нилендер предложил мне уйти. И я... Я ушел. Простите. Этого больше не повторится.

– А! — Нилендер с таким грохотом захлопнул книгу, в которую он смотрел все это время, что все присутствующие вздрогнули. — Извините, я совсем забыл. Да, господа, это правда. Я пришел проверить пост и нашел Демиана в самом ужасном состоянии. Нет, я не отрицаю, может, он и выстоял бы, да только зачем мучить ребенка, если он, так сказать, на подхвате?

– Предупреждать надо, умник! — возмутился Гволкхмэй. — А то мы навоображали тут!..

– Прошу прощения, — Нилендер добродушно улыбнулся. — Совсем вылетело из головы со всеми этими новостями. Почему ты мне не напомнил, Эгрэндерл?

Эгрэндерл молча пожал плечами, всем своим видом показывая, что это не его дело.

– В любом случае, нужно было зафиксировать уход Демиана, — сказал Тристан. — И назначить ему новое дежурство.

– А вот возьму и зафиксирую, и назначу тоже, — Нилендер спокойно сделал пометку в записях. — В следующий раз сделаю своевременно, конечно. Демиан, подойди завтра, скажу, когда и что.

– Ладно. Можешь идти, Демиан, — сказал Тристан. — Проводи заодно нашего гостя. Спасибо за вашу бдительность, Ориел.

Мужчина неловко поклонился и поспешил выйти. Демиан последовал за ним. Он уже догадался, что этот человек был обычным жителем окраины, который случайно увидел его, когда он уходил домой.

– Ты извини, — сказал Ориел. — Они такую панику подняли из-за этого света, и я просто побоялся скрывать что-либо...

– Нестрашно, я же и правда ушел. А что там был за свет? — поинтересовался Демиан.

– Говорят, Врата открыли, а кто — не знают. Опрашивали всех... Я видел свет, так и сказал. Спросили, не заметил ли чего подозрительного, а я вспомнил, что перед этим тебя видел, хотя время-то вроде не для смены... Вот и... настучал, — совсем сконфузился Ориел.

Демиан заверил его, что все сделано правильно. За разговором они вышли из башни и там простились. Демиан побежал в библиотеку, на бегу думая о том, что нужно предупредить Рилана и как можно скорее вернуться к Главной башне, чтобы, как только заседание окончится, расспросить Рэвенлира или Лейан о том, что произошло у Врат Рассвета.

Рилан сидел за тем же столом. Уютно устроившись на огромном томе, он сладко дремал. Эксентар издали тоскливо поглядывал на него, но сделать мальчику замечание ему не позволяла совесть: он и сам проснулся всего пять минут назад, а вместо подушки использовал куда более важные отчеты.

– Рилан, — Демиан легонько потряс друга за плечо.

Рилан с ошалелым видом вскочил на ноги и немедленно схватился за меч. Стул с грохотом упал на пол, и все немногочисленные посетители обернулись на шум.

– Тихо ты! Пойдем, дело есть.

Они навели порядок на своем столе, взяли сделанные записи, с благодарностью и извинениями вернули книгу Эксентару и вышли на улицу. По пути Рилан объяснял, почему уснул и так бурно отреагировал на попытку Демиана его разбудить.

– Там какой-то тип книгу спрашивал! — бурчал он. — Вот эту самую, с отчетами. Я ее отложил пока — такая муть в начале!.. Этот подходит, книгу ему подавай... Так и отдал! Эксентар меня сверлил взглядом. Ну, я на книгу лег и все... Отрубился. А потом подумал, что он вернулся.

– Это ты правильно, — рассеянно проговорил Демиан, думая о прошедшем допросе.

– Уже не впервые книги из-под носа забирает, и все с отчетами. И чего нейметя? Мало ему приговора было!

– Какого еще приговора?

– Ну, это же этот... Как его? Не помню, — Рилан почесал затылок. — Которого в предательстве давным-давно обвинили. Брат того мелкого отступника, забыл, как его. А, Астериона, точно. Архитектор.

– Ангелор?

– Точно, он.

Демиан промолчал. Он, мягко говоря, не любил Ангелора, но, разумеется, никогда не подавал виду. Первое отвращение возникло еще давно, когда этот человек получил обвинение в предательстве и передаче информации отступникам. Тогда Демиан стеснялся высказывать какие-либо мысли вслух, но в душе был согласен с Балианом, который рвал и метал, говоря, что такому низкому предательству не может быть никаких оправданий, и неважно, запугивали обвиняемого или нет. Впрочем, такового мнения придерживались и все остальные, с той только разницей, что старались об этом не думать и убеждали себя, что судят предвзято. Позже Демиан невольно стал свидетелем того, как пятилетний Астерион, только что усыновленный родом Аурин, случайно попался на глаза воину Рассвета, Аррону. Он без всякого повода так ударил ногой малыша, едва оправившегося от болезни, что тот отлетел в сторону и врезался в каменную стену. Ангелор, сопровождающий Астериона, и не подумал вступить — наоборот, довольно усмехнулся и не сказал ни слова. Лейан, шедшая с Демианом и видевшая все, но не успевшая вмешаться, обрушилась на них с гневной речью, и если Аррон, схватившись за голову, пробормотал, что не понимает, что на него нашло, и попросил прощения у Астериона, то Ангелор все ее упреки встретил с вежливым недоумением, говоря, что ведь это не он ударил мальчика. Было понятно, что он не считает, что сделал что-то плохое. Тем вечером, возвращаясь домой, Лейан, кипя от ярости, в порыве чувств рассказала Демиану о том, что когда он потерял сознание, она была с Ангелором, но он не выказал ни малейшего беспокойства и отказался позвать помощь, только задумчиво протянул в ответ на призыв — «Разве это не градеронский ребенок?» Демиан ни разу не видел Лейан такой разгневанной, как в тот день.

Последней каплей стало то, что Ангелор, несмотря на все это, и теперь смел пытаться ухаживать за ней. Демиан, видя Лейан рядом с ним, неизменно испытывал желание вклиниться между ними и сказать Ангелору, чтобы он больше ни на шаг не подходил к ней. Но, конечно, это было невозможно. Демиану оставалось только с болью наблюдать и недоумевать, почему она сама не скажет Ангелору подобные слова — ведь он постоянно говорил вскользь о том, что Розенгельды никогда не вернутся, да и вообще мало чего стоят.

Теперь, внимательно выслушав рассказ Рилана о маленьком происшествии в библиотеке, Демиан невольно связал Ангелора с открытием Врат Рассвета. Чем черт не шутит, вдруг он опять предал Эндерглид, на сей раз без всякого запугивания?

Демиан поведал Рилану о том, как его допрашивали в Главной башне, и изложил ему свою версию.

– А чего? — Рилан ничуть не удивился. — С него станется! Только ведь Врата вроде с другой стороны открылись?

– Я понятия не имею. Но он в любом случае мог отвлечь Эгрендерла... Хотя, нет, — спохватился Демиан. — Нельзя обвинять человека только потому, что однажды он...

– Да ну тебя! — Рилан отвесил ему звонкий подзатыльник. — Вечно ты у нас эта... сестра милосердия. То есть брат. Только отец мой ничего нам не скажет, он чего-то на нервах в последнее время. Пойдем лучше к Лейан.

Они нашли местечко неподалеку от башни и в ожидании окончания заседания устроили небольшую тренировку. Несмотря на то, что учителя частенько выделяли именно Демиана, сам Демиан прекрасно знал: их с Риланом силы абсолютно равны, и ему достаются лавры только из-за того, что он принадлежит к роду Розенгельд и — немаловажная деталь — никогда не нарушает дисциплины. Рилан, по счастью, понимал это и не обижался, зато очень любил «показать Розенгельду», и на тренировках пытался одержать победу любыми путями. Вот и на этот раз он, заорав, что Лейан выходит, бросился на Демиана в тот момент, когда он обернулся. Друг не успел разгадать уловку и оказался на земле.

– Нечестно, Рилан! Ты бы еще мечом!

– Да что ж я, изверг? — Рилан, откровенно довольный собой, помог ему подняться. — Вас, Розенгельдов, проучивать надо!.. Ой, Лейан выходит.

– Ну конечно, — пробормотал Демиан, отряхивая тунику.

– Нет, серьезно!

Демиан быстро оглянулся. Рилан не врал, Лейан действительно выходила из башни, неся в руках огромную стопку книг. Но, словно назло, она была не одна, а в тесной компании Ангелора.

– Уже тут! — разозлился Рилан. — И откуда взялся?

– Пойдем, — Демиан решительно вскинул голову.

Он первым быстро направился напрямиком к Лейан. Рилан не особо пытался догнать его: ему было любопытно, как Демиан отделается от Ангелора.

Но никакого плана у Демиана не имелось. Он просто на ходу окликнул Лейан по имени и, когда она остановилась и обернулась, сказал:

– Извини, ты занята?.. Мы хотели поговорить.

– Пойдемте, — улыбнулась Лейан. — До встречи, Ангелор.

Ангелор кивнул ей, хмуро глядя, как Демиан и Рилан делят пополам ее ношу. Ему она взять книги не позволила, заверив, что прекрасно справится сама.

На протяжении недолгого пути до дома Демиан и Рилан по просьбе Лейан рассказывали, как у них идут дела с подготовкой к экзаменам, а когда впереди замаячили белые стены, Лейан предложила:

– Только пойдем, Демиан, к тебе в гости. Рейта присматривает за Этель.

– То Демиан, то еще кто! — возмущенно запыхтел Рилан. — Почему родители сами за своими детьми не присматривают, а?

– Потому что отцам вечно не до этого, а матери разорваться не могут, — объяснила Лейан. — Вот и приходится просить других. Я бы не прочь брать Этель в башню, но сегодня это было невозможно... Демиан, наверное, уже рассказал тебе о нашем заседании. Не хочу даже думать о том, что Альдеран сказал бы касательно ее присутствия.

Демиан и Рилан рассмеялись. Несмотря на то, что пожилой и непередаваемо суровый Альдеран, к изумлению всего Эндерглида, усыновил маленького Астериона, ребенка отступников, с детьми отношения у него были сложные. Он относился к ним с уничтожающей стро-

гостью и остро реагировал на любое нарушение порядка. Несложно было представить, как бы на него подействовала Этель, которая и минуты не могла посидеть спокойно.

Сату Рейта приняла их, как всегда, приветливо, чего нельзя было сказать об Этель. Она пожертвовала Балианом: спустила кота прямо под ноги Рилана. Рилан, громко выругавшись, споткнулся и растянулся на полу.

– Ты! Ты!.. — вскочил он на ноги, держась за ушибленный подбородок.

– Глупый Рилан! — Этель, взмахнув руками, убежала куда-то в недра кухни.

– Сам виноват! — Демиан, смеясь, удерживал друга от погони. — Нечего было тогда ее подставлять.

– Вот же злопамятная! — никак не мог прийти в себя Рилан.

– Так в чем дело, почему был допрос? — начал Демиан, когда страсти немного поутихли, Рилан немного успокоился, а Этель, вернувшись с кухни с набитым ртом, уютно устроилась на коленях у матери.

– Ты, Демиан, даже не представляешь, как всех перепугал, — сказала Лейан и пояснила удивленной Рейте: — Взял и сказал, что ушел с дежурства домой... Вот так просто.

– Ну ты даешь! — Рилан залиvisto расхохотался. — А мне ты этого не рассказывал!

– Ему стало плохо, и ему разрешили уйти, — вспомнила Рейта.

– Да, но мы-то этого не знали, — улыбнулась Лейан. — Во всех записях указано, что он стоял на посту, и раз — такое заявление. Сейчас уже, конечно, разобрались. Но, в общем, дело плохо. На пергаменте и впрямь появилось сообщение из Дилана о том, что некто прошел через Врата Заката. Людей опросили, многие видели свечение, уже после ухода Демиана с поста. Получается, кто-то прошел в Этериол.

– Но ведь Эгрэндерл ничего не видел, — пробормотал Демиан, про себя кляня свою болезнь, которая так не вовремя потревожила его.

– Не видел, — задумчиво проговорила Лейан. — И Нилендер был там примерно в то же время, и тоже ничего...

– Значит, они пропустили!

– Здесь сложно делать выводы, Рилан. Те, кто видел свет, расходятся во времени. Кроме того, остается вариант, что страж просто отвлекся. Ведь если кто-то вышел из Врат, он совсем необязательно сразу бросился в бой. Так что и сейчас он может быть здесь. А может, пробрался через стену.

– Но город обыскивают? — встревожилась Рейта.

– Да, конечно. И Руэдейрхи письмом уведомили. Но, честно говоря, не думаю, что это хоть что-нибудь даст... Мы же даже не знаем, кто это был. Что хуже всего, — Лейан опустила взгляд, — теперь все друг друга подозревают.

– Совсем, что ли? — возроптал Рилан. — Демиан верно говорит! Это этот... Ангелор!

– Я не говорил, — Демиан под пристальным взглядом Лейан залился краской. — То есть, я просто подумал, что если он однажды предал Эндерглид...

– Нельзя исключать, конечно, — к его удивлению, спокойно ответила Лейан. — Но, во-первых, Ангелор весь тот день был у меня на глазах, а, во-вторых, неясно, как тут вообще кто-то мог замыслить дурное. До сих пор никто не знает, какая разница во времени передачи сообщений через пергамент. Кто и как мог предположить, что Врата Рассвета откроются в определенный момент, даже нет, хотя бы в определенный день? Никто. Хорошо хоть ты, Демиан, теперь вне подозрения.

– Его подозревали в предательстве? — оторопела Рейта.

Демиан и сам онемел от ужаса. Рилан готов был разразиться возмущенными воплями, но Лейан поспешила всех успокоить:

– Нет, конечно, не в предательстве. Просто подумали, что раз он был там в тот день... Ну... — Лейан смущенно кашлянула в кулак. — Что захотел самовольно отправиться в Дилан,

и потому приоткрыл Врата. Эгрендерл молчал по этому поводу — думали, остановил и не хочет выдавать.

– И ты тоже так думала? — расстроился Демиан.

– Нет, — Лейан улыбнулась. — Но, если честно, я бы не удивилась, если бы Рилан надумил тебя искать Кристиана.

– А я пытался! Только не очень вышло.

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Этель, пригревшись, дремала; на остальных навалилась тяжесть прошедших лет. Даже Рилан притих, прочувствовав всеобщую тоску и тревогу. Сату Рейта переводила беспокойный взгляд с Демиана на Лейан: в последнее время она все больше переживала за них. За Лейан — потому что она все больше времени проводила с Ангелором и, не ровен час, могла прислушаться к его словам и поверить, что Балиан никогда не вернется к ней. За Демиана — потому что в последние годы он не то забыл об отце, не то затаил на него обиду. В душу Рейты уже успели закрасться подозрения, что когда Кристиан вернется — в том, что он и его братья непременно вернуться, она не сомневалась ни на минуту, — их жизнь отнюдь не станет проще.

Однако Демиан рассеял добрую половину ее страхов, приглушенно сказав:

– Какой толк идти за ними в Дилан? Мы еще ничего толком не умеем. Даже если мы их найдем, будем только мешаться и не сделаем ничего полезного.

– Твоя рассудительность будет тебе плюсом на экзаменах, — Лейан секунду подумала и добавила: — А нерассудительность Рилана станет огромным минусом.

– Да я вам дам минус! — грянул Рилан.

Все засмеялись. Своим бурным нравом Рилан неизменно напоминал им Балиана.

Они еще с полчаса обсуждали произошедшее, потом Лейан сказала, что ей пора работать. Она взяла с Демиана и Рилана слово, что они никому не расскажут об этой беседе, и ребята торжественно поклялись хранить молчание.

Глава третья. Казнь

«Притворись мертвым».

Эти слова битый час звучали в голове, как какое-нибудь заклинание. От них уже выворачивало наизнанку. Создавалось впечатление, что раны были нанесены ему не затем, чтобы выудить из него важную информацию, а чтобы он притворился мертвым. Глухой, устрашающий хруст сломанной кости — «притворись мертвым». Впивающееся в кожу раскаленное железо — «притворись мертвым». Что ж, этот приказ он вполне готов был выполнить, почему бы и нет? Только вот сколько он ни притворялся, толку не было. Ему не верили. До сегодняшнего дня.

Сантерил бредил. Он сам это чувствовал и лихорадочно стискивал зубы — не дай бог у него вырвется что-нибудь вроде этого «притворись мертвым»! Тогда все планы точно уж коту под хвост. Насколько бы реальны ни были его травмы, произнеси он что-нибудь в этом роде, и его предпочтут оставить здесь навсегда, чем предоставить ему хотя бы невзрачную тень надежды на спасение.

«Притворись мертвым»... Сантерил усмехнулся. На каменный пол закапала кровь. Он почти ничего не соображал, но у него хватило сил подумать о том, что все кончено. Его неспроста решили убить именно сегодня. Не потому что он *притворился* мертвым. Он не притворялся. Он действительно умирал, и все это понимали.

Разум заволокло мутной пеленой боли, за которой зияла темная пропасть. Размышлять о чем-либо уже не получалось. Шаг за шагом, неспешно, но верно Сантерил продвигался к концу. Мелькнула мысль — он последний раз теряет сознание. Сожаления? Их не было. Сантерил не жалел, что согласился отправиться в Дилан как страж Рассвета. Не жалел, что именно ему досталась столь прискорбная участь. Если о чем и жалел, то только о том, что все усилия друзей пропадут впустую, ведь он не успел им сообщить, что спасать его уже не требуется. Но они наверняка не слишком обидятся.

И вдруг — резкий проблеск света. Сантерил почувствовал, как его осторожно приподняли. Издалека до него доносился знакомый утешающий голос. Руки несмело коснулись пропитанных кровью повязок.

– Прости... — прошло еще какое-то время, прежде чем Сантерил очнулся настолько, чтобы понять, что ему говорят. — Они велели не позволять тебе умирать... Я... Я перевяжу раны... Потерпи...

Руки снова прикоснулись к грязным бинтам и испуганно отдернулись, когда Сантерил вдруг рассмеялся. Он смеялся, корчился от боли, кашлял кровью, но унять смех не мог довольно долго, несмотря на проклятия и угрозы охранника за крепкой, обитой железом дверью, и не говоря уже о том, что смех и в здоровом-то состоянии был его редким спутником.

Номер, подумал он, благо разум волей-неволей прояснился, не удался. Впрочем, можно было предположить, что ему не позволят умереть так легко. В Дилане, в отличие от Этериола, были совсем иные, изошренные жестокостью законы — даже в той стране, за которую они воевали. Более того, в ней-то и были самые извращенные и самые жестокие наказания и пытки. Так что, по существу, ему, Сантерилу, еще повезло: он дожидался казни в Ретилосе, а не в Асбелии.

– Слушай, — кое-как выговорил он и поморщился, услышав, как слабо и жалко звучит его голос. — Передай Кристиану, что не надо...

– Нет, — еле слышно ответил Ин, паренек, служивший связующим звеном между заключенным и людьми короля Роланда. — Я ничего не смогу передать об... Об этом. Уже нет. Я

бы мог завтра или даже сегодня вечером, но... — он не договорил, но Сантерилу и так все было ясно.

Понятное дело, сегодня вечером он будет уже много часов как мертв. Оказывается, ему оставалось гораздо меньше, чем он думал. Умереть сам уже точно не успеет, что, в общем, было несколько грустно. Сантерил, как страж Рассвета, глубоко презирал публичные убийства на потеху людей и предпочел бы не быть жертвой этого унижительного действия.

«Притворись мертвым».

Слова Кристиана, переданные всеми возможными путями, снова эхом отдались в голове и чуть не вырвались наружу вместе с хриплым криком — Ин, которому выпала не прибыльная работа присматривать за заключенными, слишком сильно надавил на рану. Он тут же заизвинялся. Другое такое искренне сопереживающее всем и вся существо было не сыскать не только во всем Дилане, но и в Этериоле. Ин жалел убийц, волновался за грабителей и предателей, умудрялся одновременно беспокоиться о короле, который подписывал вышеупомянутым смертные приговоры — короче говоря, был замечательной компанией в подобном месте. Людям Роланда почти ничего не стоило переманить его на свою сторону, по крайней мере, на какое-то время.

Больше двух часов Ин обрабатывал ему многочисленные раны, накладывал тугие повязки на переломы, давал мерзкие настои, и, к своему сожалению, Сантерил почувствовал себя гораздо лучше. Но по сравнению с его без преувеличения предсмертным состоянием это «гораздо лучше» на деле было «еле стоял на ногах». Правда, ходить он все равно почти не мог. Помимо того, что ноги не слушались, у него адски кружилась голова, и даже когда он сидел, в глазах плыло. Разум был практически ясен, но лишь периодами, которые длились секунд по десять. Так что правительству Ретилоса, мрачно думал он, придется надеяться, что проблески сознания будут именно в те моменты, которые помогут им получить удовольствие от зрелища.

Сантерил не сомневался: что бы его ни ждало, он не дрогнет. Не из принципа, просто был не таким человеком. Сильные эмоции были ему неведомы. Умирать не хотелось, но страх отсутствовал напрочь. Да и откуда ему было взяться, когда при малейшем движении все ревело дикой болью, и сознание насильно вырывалось из забытья лишь с помощью каких-то, явно кратко действующих, лекарств?

Дверь скрипнула. Ин, подумать только, обнял его, а в следующий момент Сантерил смутно осознал, что его ведут — или, вернее сказать, тащат — под руки солдаты Ретилоса. Их дурацкие зеленые плащи за четыре года так въелись в память, что он мог узнать их и при смерти — и узнал.

Пройдя всего десяток шагов, солдаты остановились и взволнованно зашептались, после чего двинулись дальше чуть ли не бегом. «Притворись мертвым». Да, план мог сработать, только вот Сантерил не притворялся, и потому получилось слишком уж достоверно. Солдаты, обеспокоенные его состоянием, спешили изо всех сил, и в этом был смысл — до конца недолгого пути он мог и не дожить. Проблески сознания, которых они не могли видеть, становились все короче и реже. Поднять голову и посмотреть, что происходит вокруг, просто не было сил.

Он видел до смерти (про себя Сантерил усмехнулся) надоевший каменный пол, путь по которому отмечался каплями крови, потом пыльную землю, затем неровную кладку — видимо, то была площадь, наконец — деревянные доски. Вокруг, должно быть, было много народу, но Сантерил не слышал говора. Из правого уха, он чувствовал, текла кровь. Неудивительно, что, доходя до него, голоса превращались даже не в гул, а неразборчивое жужжание. Еще немного — и смерть наступила бы. По крайней мере, он бы потерял сознание и уже не смог очнуться. В глазах потемнело; сломанные ребра, казалось, впились во все органы сразу. По подбородку потекла кровь.

Кто-то попытался заставить Сантерила поднять голову, но его глаза уже почти ничего не видели и только смутно различили немалое собрание людей. Пока громкий торжествующий

голос зачитывал приговор, пришло еще одно просветление. Сантерил понял, что видит Ирла. Тот был мрачнее тучи. Фантастика — градеронцу не нравится, что убивают эндерглидца. В последние годы этот парадокс стал повторяться слишком уж часто.

Сознание снова померкло. Солдаты даже не подумали отпустить Сантери́ла, иначе он бы просто упал в толпу. На миг прямо перед его лицом возникли чьи-то глаза — подошли убедиться, что он все-таки еще жив и казнь имеет смысл. Человек утвердительно кивнул, но засуетился и почти паническим ором поторопил нерадивых помощников. На шею Сантерилу быстро накинули веревку, и солдаты, наконец, спешно его отпустили — даже нет, прямо-таки отшатнулись в разные стороны, чтобы не испортить зрелища. Он упал, но не вперед, а вниз: из-под ног вдруг исчезла опора. Веревка больно врезалась в шею, вырвала слабый хрип, сдавливая горло, но и только. Сантерил понимал, что задыхается, что тело его беспомощно качается в воздухе и несвязанные руки лишь слабо подергиваются, но не предпринимают ни одной попытки ослабить смертельную петлю — перед сломанными и раздробленными костями пришлось отступить даже рефлексам. Но, как ни странно, Сантери́ла это нисколько не волновало. Волновали проклятые ребра, причиняющие куда более сильную боль.

Мир, в котором ему сейчас был заметен только Ирл, перед остекленевшими глазами слился в размытую, неразличимую картину. Легкие, лишённые воздуха и, похоже, заполненные кровью, словно сжало стальными тисками. Ничтожное напряжение вдруг враз испарилось, веревка, казалось, затянулась еще сильнее, огненным жгутом врезаясь в горло. Наконец, тело сотрясла судорога; разум, будто только этого и ждал, неудержимо сорвался в темноту...

Но внезапно — в это было невозможно поверить — до почти угасшего сознания Сантери́ла донеслись голоса. Целый взрыв голосов.

– Убить их!!! — вопил в иступлении самый громкий из них.

– Попробуй, умник! — вторил ему другой, лишь немногим тише. — Как он там, Рад?

Сантерил с огромным трудом чуть приоткрыл глаза. Перед ними мерцало слабое синее свечение.

– Плохо, — ответили ему с мрачностью, которой мог бы позавидовать сам Сантерил. — Но, может, выживет.

– Я тебе дам «может»! А ну хватайте его и брысь отсюда!

– Раскомандовался, — проворчал еще один голос.

Сантерил узнал Ирла. Пересилив себя, он попробовал повернуть голову — шея отчаянно ныла — и сфокусировать взгляд. Попытка была удачной, а усилия вознаграждены — на такое, определенно, стоило посмотреть.

На площади царило полное безумие. Люди, испуганно крича, метались туда-сюда в дикой панике. Точь-в-точь так же вела себя — и это было самое забавное — охрана королевского представителя, который и отдал приказ убить нападавших, а сам он, растерянный, замер посреди трибуны и явно не знал, куда податься. Это выглядело комично, но не удивительно. Из-за трибуны валил черный дым, буквально в паре десятков метров от нее уже бушевал настоящий пожар — горел дворец Ретилоса.

Все это Сантерилу удалось увидеть более чем хорошо. Его несли на руках, причем прямо к неистовствующему пламени. Путь им с остервенением расчищал кто-то с развевающейся на ветру гривой угольно-черных волос. Сантерил его не знал. Среди четырех градеронцев из их команды не было никого, кто бы так размахивал мечом. С десятков человек пытались его остановить, но тщетно. Справа прикрывал Ирл, слева наверняка еще кто-то. Но по мере того, как приближалось пламя, необходимость защиты сходилась на нет. Пара смельчаков бросилась за ними, но уже через минуту погони преследователи, кашляя от едкого дыма, попятились обратно к площади.

Стало невыносимо жарко. Дым терзал глаза, забирался в горло. Будь Сантерил хоть сколько-нибудь способен говорить, он непременно поинтересовался бы, с чего это градеронцы предпочли его смерти коллективное самоубийство.

В его глазах снова потемнело. Показалось, прошла какая-нибудь секунда, но когда он очнулся, то был уже в совершенно другом месте. Никакого огня, ни намека на дым. Вокруг приветливо зеленели деревья, совсем рядом журчала речка. Это напоминало на редкость нереальный сон.

– Ты записываешь? — говорил Рад. — Так, дальше... Правая рука — перелом в двух местах. Левая — кости раздроблены. Правая нога тоже сломана. Ребра...

– Шею хоть не сломали? — с явным сарказмом спросил Балиан.

– Зря смеешься, вполне могли. С прыжками с веревкой на шее шутки плохи.

Сантерил, шурясь от солнечного света, постарался приподняться. Это удалось ему лишь с большим трудом. И каково же было его удивление, когда рядом с Радом вместо Балиана он увидел ту самую черноволосую бестию.

– Очнулся! — восторжествовала бестия голосом Балиана. — Чего уставился?.. А, черт.

Он выругался, плюхнулся наземь и, недолго думая, опустил голову в ручей. Потоки воды вмиг стали черными, зато когда Балиан снова сел, его волосы были уже привычного золотистого цвета.

– Учти! — заявил он Сантерилу. — Только ради тебя я мог это сделать.

– Да врешь ты все, Балиан, — Сантерил обернулся и увидел Юана, который, сидя на траве, записывал неутешительные замечания Рада. На нем не было лица. — Ради любого бы сделал, куда делся... Ты лежи, Сантерил. Ты весь переломанный, а с ожогами и всяким там колото-резаным мы со счета сбились.

– Да уж, — Рад был более чем недоволен. — Кристиан явно не совсем это имел в виду, когда просил тебя притвориться мертвым.

– Старался как мог, — усмехнулся Сантерил. Усмешка отозвалась тупой болью во всем теле, и ему пришлось лечь.

– Я заметил, — хмыкнул Рад. — Еще какая-нибудь минута — и все. И с этой идиотской казнью они совершенно зря старались. Ты бы и так помер, даже задохнуться бы как следует не успел.

– Так им принципиально было, — разъяснил Балиан. — Кристиан на это и рассчитывал. Сантерил притворится мертвым — ну, в плане, умирающим, — они поторопятся его убить собственноручно, пока он сам не умер, и выведут прямо к нам. Кто ж знал, что они *так* поторопятся?

– А как вы проникли в Ретилос? — с трудом проговорил Сантерил.

– Так потому и нужно было побыстрее, — вразумил и его Балиан. — Сигфрид был в Асбелии со своим личным войском, ну, мы и попросили его напасть. А он тут же, не терпится ведь. Даже недели подождать не захотел. Все войска на него понеслись, так что казнили тебя, можно сказать, в приватной обстановке. Только меня все равно заставили замаскироваться! — он был возмущен до глубины души. — Выделяюсь, видите ли! Хорошо хоть в девчонку не переодели, Юан порывался.

– Девчонка из тебя уже не очень, — Сантерил криво улыбнулся.

– Ну!.. Эй, что значит уже? — Балиан хотел наподдать ему, но вовремя спохватился, что друг еще вчера был при смерти и бить его не следует.

Сантерил смотрел на него со своей обычной мрачной ухмылкой. За годы, прошедшие в Дилане, Балиан умудрился здорово вымахать, и теперь, несмотря на спадавшие до локтей длинные золотистые пряди, принять его за девушку мог только человек неадекватный. Впрочем, в мире таких было достаточно, о чем он и сообщил Балиану.

– И это твоя благодарность за спасение? — возмутился тот.

– А что мне сделать? Признаться вам всем в любви? Признаюсь. Доволен?

Всех троих сотряс нервный смех. Сантерилу он достался большой ценой — ребра снова дико заныли, а в грудной клетке раздался очень нехороший звук, похожий на хруст. Рад, спохватившись, приложил к его груди руку, и синее свечение постепенно уняло возникшую боль. После этого Сантерилу дали воды.

– В общем, — продолжил Балиан, — мы рассчитывали драку начать, думали, ты сам отобьешься — и к нам. А тут тебя буквально вытаскивают! Какое, к черту, бегство? Ты даже стоять нормально не мог, я все думал — на Ирла свалишься. Ну, это было бы лучше, — он болезненно поморщился при воспоминании о неудавшейся, к счастью, казни. — Короче, пришлось импровизировать. Юан понесся трибуну поджигать, но, видимо, ему это дело понравилось, потому что дворец, как ты видел, тоже загорелся.

– Пути отхода остались же! — Юан вымученно улыбнулся. — Это был наш с Аресом запасной план. Просто мы не знали, сработает ли эта взрывная штука, которую нам дали. Слава богу, сработала. — Он подумал немного и добавил: — Но мне и правда понравилось поджигать.

– Надо будет предупредить Гволкхмэя и Руэдейрхи, когда вернемся, — сказал Рад. — А вот и Ирл.

– Порядок, — сообщил вернувшийся Ирл. — Поедем спокойно, со всеми удобствами. Сигфрид их наголову разбил.

Новость была встречена с облегчением. Никто из них не был трусом, но и Рад, и Юан и даже Балиан понимали, что если бы им пришлось вступить хотя бы в одну серьезную битву, жизнь Сантерила снова оказалась бы под большим вопросом. Рад залечил наиболее серьезные повреждения, но травм было слишком много, и вылечить все за раз не представлялось возможным. Сантерилу могло помочь только обстоятельное исцеление, о котором и речи быть не могло в походных условиях, постоянный присмотр и, главное, время и покой. Поэтому было очень кстати, что ехали они не просто в окружении войска Сигфрида, а еще и в весьма удобной карете. Но даже это не могло особенно улучшить ситуацию.

Все сняли с себя плащи и попытались утратить Сантерилу на скамье как можно более мягкое ложе, но карету все равно сильно трясло, от этого было никуда не деться. У него началась сильнейшая лихорадка; его голова лежала на коленях Рада, и тому приходилось мимолетно прикладывать ко лбу Сантерила руку, чтобы хоть немного улучшить его состояние. Рад озабоченно хмурился, не отрывая взгляда от листка, заполненного Юаном, и никак не мог решить, за какое из повреждений взяться в ближайшее время. Почти со всеми пунктами дела обстояли из рук вон плохо, и большая часть из них в конечном счете могла лишить Сантерила жизни.

Ирл не отрывал взгляда от окна. Юан сидел, спрятав лицо в ладонях. Балиан, хоть и сильно нервничал, поначалу вел себя спокойно, но потом вдруг схватился за голову и откинулся назад так, что с уничтожающим хрустом треснулся затылком о стену.

– Правильно, — вдруг подал голос Сантерил. — А то мало получил.

– Ты бы не разговаривал, — Рад снова приложил ладонь к его лбу.

– А о том, что я узнал, не хотите послушать?.. Пока я хоть немного сообщаю, — у него перехватило дыхание, и он глухо закашлялся, задыхаясь.

Юан торопливо дал ему воды, обтер лицо и шею влажным полотенцем, позаимствованным лично у короля Сигфрида, начал было заверять, что рассказ вполне можно отложить, пока ему не станет лучше, но Ирл сзади дал ему пинка, и Юан, скрепя сердце, умолк. Он понимал, какую цену Сантерил заплатил за полученные знания, и сознавал, что ему необходимо поделиться ими здесь и сейчас, чтобы, случись беда, все не пропало бы впустую. Но Юан просто и мысли не хотел допускать, что Сантерил может умереть.

– Правитель Ретилоса... Реас... Он из Этериола.

Балиан, Юан, Ирл и Рад переглянулись.

– Ты имеешь в виду этого козла Астиона? — уточнил Балиан.

– Нет. Астион никогда не был в Этериоле... На самом деле... — борясь с болью, Сантерил вынужден был умолкнуть на несколько секунд, но потом продолжил: — Астион просто его почитатель. Пока что Ретилосом правит Реас. И он из Этериола.

– Пока? — насторожился Ирл.

– Он градеронец или эндерглидец? — вставил Балиан.

Сантерил неопределенно повел головой и ответил сразу на два вопроса:

– Нельзя сказать. Он слишком стар. Волосы седые... Ему наверняка недолго осталось.

– Так вот откуда у них столько информации, — прошипел Ирл, сжимая кулаки. — Теперь ясно.

– Карты Эндерглида и Градерона есть, — подтвердил Сантерил. — Не очень подробные... Наверное, старые... Они требовали, чтобы я указал на ошибки, их там полно.

– Ты указал? — спросил Юан, пробегая беспокойным взглядом по страшным ожогам на его коже. — Это не страшно, если указал, просто чтоб мы знали, нужно ли что-нибудь...

– Указал, конечно.

– Указал? — одна бровь Рада презрительно приподнялась, и он, казалось, был готов скинуть его с себя.

– Рад, не надо! — Юан в панике всплеснул руками.

– Указал... Но состояние у меня было... Мог и перепутать... Напомните, стену же после нападения отступников не восстанавливали? И Врата ведь теперь вне пределов города? И Главная башня, кажется, уж сто лет как не обитель Гволкхмэя, нет?.. Вот теперь, Рад, можешь меня и сбросить.

Все вздохнули с облегчением, и даже мрачный Рад чуть улыбнулся. Сантерил, как выяснилось, не растерялся, находясь в ужасном положении, и дал Ретилосу заведомо ложные сведения.

– Они поверили? — спросил Балиан.

– Не знаю. Но пометки сделали... Астион бредит Этериолом... А этот Реас, по-моему, просто мстит... А еще, — с усилием проговорил Сантерил, — как мы и думали, у них есть золотой пергамент... От пера почти ничего не осталось, но они делали записи...

Сантерил закрыл глаза и замолчал. Рад положил обе руки ему на грудь и принялся за серьезное исцеление. Он был очень напряжен и тихо предупредил, что, скорее всего, после таких усилий сам потеряет сознание.

Далеких четыре года назад, когда эндерглидцы и градеронцы вместе — немыслимо! — отправились на помощь Дилану, отношения между ними оставляли желать лучшего. Каждый из них пошел по доброй воле — и Руэдейрхи, и Гволкхмэй, выбрав людей по своему усмотрению, не приказали им отправиться в Дилан, а только предложили, объяснив, что миссия специфическая и может занять много времени, а потому отказ от нее никак не скажется ни на служебном положении отказавшегося, ни на доверии. Однако ни один из избранных не колебался ни одной минуты. Робостью воины и стражи не отличались, иначе и не получили бы военный статус, и выбрали в основном тех, у кого не было жен и детей. Исключение составляли Кристиан, обойтись без которого в этой миссии не представлялось возможным, и Балиан, которому пришлось выбирать между еще не родившимся ребенком и братьями. Правда, этот выбор сделали за него, поскольку Гволкхмэй, узнав о беременности внучки, рвал и метал от ярости, а Тристан разумно порешил, что было бы глупо избавлять Балиана от этой миссии, поскольку он один из немногих, кто хорошо знаком с Диланом.

Вынужденное сотрудничество между стражами Рассвета и воинами Заката складывалось совсем не гладко. Стычки происходили по любому поводу, и несмотря на все усилия Ареса, Аргнейр, Рад и Ирл были свято убеждены, что эндерглидцы «слабаки и полные придурки», чем вызвали глубокую симпатию короля Сигфрида. Балиан и Сантерил отвечали им тем же. И хотя дело ограничивалось словесными перепалками и пустыми угрозами, вскоре стал заме-

тен серьезный минус: недоверие. Балиан и Сантерил (Кристиан и Юан держались нейтральной стороны) отказывались рассчитывать на градеронцев и согласовывать с ними свои действия. Аргнейр, Ирл и Рад вели себя точно так же. Однако меньше чем через полгода почти незаметная в Дилане граница между двумя извечными противниками — Градероном и Эндерглидом — немного поблекла, и в конце концов было торжественно заключено временное перемирие. Еще позже, после множества опасных ситуаций, где многие жизни спасла только взаимовыручка, положение и вовсе сдвинулось к, как выразился Аргнейр, «чуть ли не дружбе». Остроты, сыпавшиеся с обеих сторон, все еще имели место быть, но факт оставался фактом — когда выяснилось, что Сантерил захвачен в плен, а это означало только его скорую смерть, градеронцы, все до единого, были потрясены. У Рада, больше других сблизившегося с Сантерилом «на почве мрачности», по меткому выражению Юана, и вовсе стали появляться признаки депрессии, которые стали особенно заметными, когда король Роланд наотрез отказался отправить войско в Ретилос.

– Я не стану рисковать сотнями своих солдат ради одного человека, — отрезал он, и разговор был окончен.

Все ожидали, что Балиан выбьет его согласие, но тот, против обыкновения, не проорол ни слова и, побледнев, молча вышел из зала. Никто не стал его винить: не так давно при дворе короля произошла трагедия, к которой Балиан имел непосредственное отношение. Как бы Роланд ни отрицал это, Балиан был уверен, что его отказ — справедливая месть, на которую король имел полное право.

Но отчаянию Балиан предавался недолго. Через четверть часа он, вскинув голову, заявил, что раз так, то он один отправится в Ретилос и любой ценой спасет Сантерила. Кристиан и Юан согласились, что надо действовать. Но все они понимали: задача поставлена непростая, практически фантастическая, тем более что по ряду причин Кристиан не мог покинуть Асбелию.

Тут-то к их заговору и присоединились градеронцы. Арес сообщил, что ко двору Роланда прибывает для переговоров король Сигфрид, и что для отвлекающего нападения вполне можно использовать его войско. Но Кристиан спустил его с небес на землю, напомнив, что король Галикарнаса скорее умрет, чем выполнит их с Аресом просьбу, в чем бы она ни состояла. Ареса Сигфрид не любил из-за давних счетов, не позволивших ему как следует повоевать, а Кристиана возненавидел после того, как в него без памяти влюбилась его жена, прекрасная королева Дианта.

– А чего сразу вашу? — вмешался в их беседу Аргнейр. — Выискались представители!

Ирл и Рад поддержали его и немедля стали готовиться к предстоящему визиту. Все прошло идеально. Сигфрид с удовольствием поболтал с полюбившимися ему градеронцами и легко согласился напасть на Ретилос забавы ради. Аргнейр, Ирл и Рад, впрочем, не скрыли от него своей истинной цели, и это еще больше понравилось королю. «Так и быть, — сказал он. — Мое дело повеселиться, а вы делайте, что хотите».

Но тут снова встрял Роланд. Узнав о просьбе градеронцев, он категорически запретил Сигфриду нападать на Ретилос из Асбелии. Жители Этериола было упали духом, потому как иным путем добраться до Ретилоса не представлялось возможным. Однако Сигфрид, хмуро проговорив: «Я понимаю тебя, Роланд», дождался, когда король покинет его покои, после чего шепнул градеронцам, что так даже лучше. Как выяснилось, что он любил по-настоящему, так это злить Роланда.

Изначально предполагалось, что Рад и Ирл останутся с Сигфридом и его небольшим отрядом, а Балиан и Юан, как и собирались, вместе рискнут и вдвоем отправятся на поиски Сантерила. Но их приятель Феран, солдат Сигфрида, посоветовал им для начала устроить разведку и подкупить кого-нибудь из дворца Невеона, где держали Сантерила. Балиан и Юан послушались, и не зря. Планы срочно пришлось менять, потому как с помощью Ина, приглядывающего за пленником, выяснилось, что того пытаются, и очень жестоко, а немногим

позже, без сомнения, казнят. Ирл и Рад немедленно решили, что с войском не останутся, а примут самое активное участие в спасении Сантериля. Об этом было сообщено Кристиану, который исполнял роль мозгового центра, и он быстро предложил нехитрый выход из положения: Сантерил должен притвориться умирающим, чтобы приблизить время казни, потому как ждать король Сигфрид был не намерен. Тогда, когда его выведут из темницы, можно будет легко отбить его от солдат. Сообщение с помощью Ина было передано Сантерилу, но слишком поздно. Оставалось только благодарить судьбу за то, что Рад и Ирл решили отправиться с ними. Если бы не своевременная помощь Рада и поддержка Ирла, Сантерил бы, без сомнения, умер.

Вот и сейчас Рад, не жалея сил, взялся за лечение и в конце концов, склонив голову набок, крепко уснул. Исцеление всегда отнимало много энергии.

Спустя полчаса карета остановилась. Была уже глубокая ночь. Бодрствовавшие Балиан и Юан положили руки на мечи, но Ирл, выглянув в окно, сказал, что все в порядке — король, видимо, просто решил сделать привал.

– Нашел время! — возмутился Балиан.

– Да ладно тебе, и так почти весь день ехали без остановки, — осадил его Юан.

Снаружи слышались шаги. Балиан на всякий случай не убрал руку с меча, но пришедшим оказался Сигфрид. Впрочем, от удара ноги дверца распахнулась так резко и с таким грохотом, что Балиан остановил себя лишь в последний момент.

– Правильно, — ничуть не обиделся Сигфрид. — Бдительность — это главное. Ну что, жив ваш? — он скользнул по Сантерилу равнодушным взглядом.

– Куда денется, — буркнул Балиан.

– Как куда? На тот свет, благо вход бесплатный, — хохотнул Сигфрид.

– Если пришел поржать, то вали отсюда! — накинулся на него Балиан, никогда не относящийся к королям — да и вообще кому-либо — с почтением. — Раненый тут, понимаешь?

– Понимаю, понимаю, — примирительно хмыкнул Сигфрид. — Угомонись, — он оттеснил его и с комфортом уселся на скамье. — Нам навстречу выехал посланник из Галикарнаса, так что у меня для вас две новости.

– Начинайте с хорошей, пожалуйста, — попросил Юан.

– А кто тебе сказал, что такая имеется? Обе плохие. Первая — Роланд из-за нашего совместного предприятия в ярости. Лично мне это в удовольствие, а вот вам ничего хорошего не сулит. Глядишь, приговорит всем составом прямо по прибытии.

– Он обещает это сделать регулярно, — сообщил Балиан. — Ну, мне, по крайней мере. И у нас есть несколько поводов для шантажа, если он вдруг решит всерьез.

– В высшей степени благородно, — буркнул Ирл.

– А с его стороны благородно, что ли? — взвился Балиан. — Мы помогли ему в войне, а он... — он не договорил, схватился за голову и с тихим стоном сел обратно.

– Не стоит забывать, что у Роланда сейчас крайне тяжелое время, — напомнил Юан. — И даже если из-за него мы чуть не потеряли Сантериля... Его можно понять. Он должен думать в первую очередь о своей стране, хочется ему того или нет. А какая другая новость?

– Другая куда оригинальнее, — усмехнулся Сигфрид. — Мне сообщили, что через Врата Заката кто-то прошел.

– Что?! — Юан, Балиан и Ирл невольно подались к нему.

– Готов признать, что кто-то пробрался в Галикарнас, — Сигфрид безразлично пожал плечами.

– И ты так спокойно об этом говоришь? — Балиан снова вскочил, схватился за голову и сел.

– Что это с ним? — любопытствовал Сигфрид, с интересом наблюдая за этой необычной реакцией.

– По голове ударили, — пояснил Юан. — Рад сказал, что бессилён.

- Да уж, мозгов его сила никогда не прибавляла, — подтвердил Ирл.
- Я сейчас тебя как...
- Продолжайте, Ваше Величество, — пресек перепалку Юан.
- А чего продолжать? Сообщение послал Юрген. Подробностей не указано. Но, если я правильно понял вашу идиотскую систему, открыть Врата отсюда может только ваш Ключник, — Сигфрид именовал Кристиана исключительно этим словом, — так что это из тех, что с жезлом.
- Все одно к одному, — Балиан сжал кулаки. — Возвращаемся в Этериол. На этот раз — точно.

Глава четвертая. Первая миссия

Кристиан, как и всегда в последние месяцы, находился в одной из самых высоких башен замка Асбеллии. По сути, он был пленником, но положение у него было на порядок лучше, чем у Сантерила. Во-первых, его никто не пытал, и убивать тоже не собирались (во всяком случае, хотелось в это верить). Во-вторых, обстановка вокруг была самая роскошная, он ни в чем не знал отказа. Наконец, в-третьих, заключение было скорее добровольным, чем принудительным.

Он задумчиво смотрел на план, разложенный на столе. Работа, проделанная Лейан годы назад, до сих пор приносила пользу. Нужно было только перенести схему на новое место, но сейчас у Кристиана рябило в глазах от волнения и усталости. Он не спал уже несколько ночей, беспокоясь о Сантериле и о тех, кто выполнял план по его спасению, в особенности, конечно, о Балиане. Его брат еще не пришел в себя после недавних событий и, по мнению Аргнейра, «заимел пунктик» на спасении ближнего. Страшно было представить, что не станет Сантерила, но Кристиана куда больше ужасала перспектива того, что могло стать с Балианом в случае неудачи.

Кристиан провел по карте несколько линий, но потом вернулся к созерцанию замысловатого чертежа, сделанного Лейан. В тот единственный раз, когда Аресу удалось прорваться через Врата Рассвета, он не только передал сообщения всем, кому смог, но и принес этот листок. «Она сказала, что делала это в свободное время, — пожал он плечами в ответ на посыпавшиеся вопросы. — Сказала, что, возможно, это подаст нам какие-нибудь идеи».

Разочарованный Балиан, поняв, что это не ответ на его многострадальное послание, отдал бумагу на растерзание вдруг заинтересовавшимся градеронцам и накинулся на Ареса с расспросами. Но тому нечем было его порадовать. Ребенок еще не родился, Лейан передала короткое «я буду ждать», вот и все.

От невеселых мыслей Балиана отвлекли недоуменные возгласы градеронцев. Изучив послание Лейан, они ни на минуту не поверили, что это сделала семнадцатилетняя внучка Гволкхмэя: чертеж представлял собой замечательный, точно рассчитанный план, благодаря которому стражи Рассвета могли не позволить людям Ретилоса добраться до Врат. Первая попытка следовать этим указаниям увенчалась безусловным успехом, и с тех пор они делали это регулярно, а у людей Астиона все никак не получалось взять в толк их систему. Каждый раз, когда они растерянно замирали перед тем местом, где еще секунду назад высились Врата Рассвета, Юан торжествующе вскидывал голову, да и Кристиан испытывал нечто вроде гордости за Лейан.

Думая об Этериоле, они в первую очередь вспоминали о ней. Все ли в порядке? Родился ли ребенок? Кристиан подсчитал, что, если все прошло благополучно, ему сейчас должно быть почти четыре года. Было ужасно несправедливо, что все обернулось таким образом, и Балиан ничего о нем не знает. Но еще хуже то, что Гволкхмэй не позволил ему жениться на Лейан. Теперь положение у него было самое незавидное. Кристиану приходилось гораздо легче, однако в последнее время сознание того, что Демиану уже одиннадцать, время от времени выбивало его из колеи.

Он тщетно пытался представить, как обстоят дела в Этериоле. Сдержал ли Тристан свое обещание оставить Сату Рейту в Эндерглиде? Как проходит обучение Демиана? И — самое главное — не встретят ли их по возвращении какие-нибудь страшные новости?

Поначалу они не раз и не два пытались устроить так, чтобы, подобно Аресу, хотя бы ненадолго оказаться в Этериоле. Увы, все их стремления потерпели крах. Ретилосу, конечно, было бы выгоднее отправить их, что называется, по домам, но мешали они им словно бы специально.

И вот теперь — новые проблемы. Сантерил в плену, да и он, Кристиан, тоже взаперти. После недавнего яростного боя король Роланд был вынужден попросить временного перемирия. Астион не возражал, тем более что его цель — Врата Рассвета — благополучно поменялась местами с Вратами Заката. Однако на правах победителя в последнем противостоянии он потребовал условий, одним из которых было обязательное заключение Кристиана. Сперва речь шла о его смерти, но этот вариант Роланд отверг так решительно, что настаивать король Ретилоса побоялся. Тем не менее, он продолжил гнуть свою линию. Больше всего на свете Астион боялся Хранителя Ключей.

В конце концов соглашение было достигнуто. Предварительно Роланд переговорил с самим Кристианом, предусмотрительно не пригласив на беседу его братьев.

— У меня связаны руки, — сказал он. — Разумеется, я готов наотрез отказать ему, но тогда они продолжат наступление. Мы этого не выдержим. А если я соглашусь, но не приведу обещанное в исполнение, об этом станет немедленно известно — сам знаешь, вокруг полно шпионов Астиона.

— В таком случае, могу я уйти в Галикарнас? — спросил Кристиан.

— Конечно, ты волен это сделать, и если желаешь, тебя очень быстро доставят туда. Но по-дружески напоминаю, что Сигфрид до сих пор зол на тебя из-за королевы Дианты.

Кристиан, даже если бы постарался, не смог бы об этом забыть. После того, как он отверг королеву Дианту, она представила события в каком-то особенном свете, судя по всему, далеко не правдивом. Потому что сначала Сигфрид преследовал стражей с четким намерением, как он сам потом признался, убить всех до единого, но потом вдруг прекратил погоню, посадил Дианту под замок и продержал ее в заключении почти год, а Кристиану категорически запретил пересекать пределы своего государства за исключением особо оговоренных случаев. Под «случаями» подразумевались только и только переходы в Этериол.

— Да, пожалуй, король Сигфрид не позволит мне коротать время в Галикарнасе, — сделал неутешительный вывод Кристиан. — Уйти в Этериол мы пока не можем, поэтому...

— Поэтому я предлагаю тебе согласиться на заключение, — Роланд встал и, сложив руки за спиной, отвернулся к окну. — Обещаю, ты ни в чем не будешь нуждаться. Препятствовать общению с другими стражами и воинами никто не будет. И, надеюсь, это не продлится долго. Наконец, если вы решите вернуться в Этериол, я беспрекословно позволю тебе уйти.

— И все-таки я должен обсудить это со всеми.

Не оборачиваясь, Роланд кивнул.

Так и вышло, что теперь Кристиан был вынужден безвылазно сидеть в башне и ждать вестей. Поскольку свободного времени у него появилось в избытке, вся деятельность стражей, а заодно и добрая половина управления Асбелией, которой радушно поделились генералы Роланда, стеклась в его руки. Он составлял планы, прокладывал линии войск на картах, рассматривал различные тактики, способные защитить Врата от людей из Ретилоса. Но это было практически бесполезно. Пока в руках Астиона оставался жезл, способный открывать Врата, ни Этериол, ни Асбелия не могли быть в полной безопасности.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Кристиан оглянулся через плечо и увидел на пороге Ареса, счастливого обладателя единственной копии ключа от этой комнаты.

— Вернулись, — сказал он всего одно слово.

— Сантерил?..

— Аргнейр пошел узнать. Если откроешь окно, может, что-нибудь услышим.

Кристиан легко дотянулся через стол до цветного стекла и с силой отодвинул его в сторону. В обитую красным бархатом комнату вместе с потоком холодного ночного воздуха тут же ворвалось множество голосов, приглушенных расстоянием.

— Похоже, Роланд вышел им навстречу, — прислушался Арес.

И в самом деле, когда отряд Сигфрида прибыл в столицу Асбеллии, король Роланд даже не стал требовать их к себе, а сам вышел к ним. Вид его предвещал тяжкие страдания каждому, кто был причиной его гнева, но виновники никакого беспокойства не проявили и приветливо поздоровались.

– Как... Как вы посмели?! Ты, Сигфрид, нарушил соглашение между нашими странами, и...

– И что? Война? — очень обрадовался король Галикарнаса. Его отряд разразился одобрителем гулом.

Роланд побледнел от охватившей его ярости. Как бы ему ни хотелось, он не мог объявить войну Сигфриду, это бы окончательно и бесповоротно истощило ресурсы Асбеллии и отдало ее на растерзание Ретилосу, война с которым, строго говоря, была еще далеко не окончена — наступило лишь временное затишье.

– Ваше Величество, — подал голос Юан. — Бросить нашего друга мы не могли, думаю, вы и сами это понимаете. Что сделано, то сделано. К тому же, вам не о чем беспокоиться — король Сигфрид подтвердит, что он напал без вашего позволения.

– Да, — кивнул Сигфрид. — Слабых надо защищать, — он посмотрел на Роланда с презрением.

Роланд круто развернулся и, не сказав больше ни слова, удалился. Сигфрид громко велел своим людям «отдыхать в темпе», потому что на рассвете они вернутся в Галикарнас. Солдатам повторять дважды было не нужно: они немедленно бросились врассыпную, но примерно в одном направлении — к кварталу, в котором было больше всего трактиров.

– Мы с вами, — сказал Балиан.

– Кто это «мы»? — набычился Сигфрид.

– Мы все! — заорал Балиан. — Я! Юан! Кристиан! Сантерил! Градеронские!.. Мы возвращаемся в Эте!.. — его фраза закончилась рядом проклятий, а руки изо всех сил сжали голову, разрывавшуюся очередной вспышкой тупой боли. Ощущение было кратковременное, но такое, словно он снова получает тот злосчастный удар.

Кристиан и Арес, с интересом прислушивающиеся к происходящему из башни, переглянулись. Даже по тому немногому, что до них донеслось, можно было сделать вывод, что Балиан не шутит. Тем более, после его слов не прозвучало ни одного протеста.

– Надеюсь, — сказал Кристиан, — это не значит, что они потерпели неудачу.

Потянулись бесконечно долгие минуты ожидания. Арес через каждые несколько секунд нервно поглядывал на дверь. Через пять минут он и вовсе открыл ее и встал у самого порога.

– Я бы на твоём месте отошел, — сказал Кристиан. — Что-то подсказывает мне, что первым будет...

Он не успел договорить: дверь распахнулась. Арес отступил, но было поздно — в комнату ворвался Юан и немедленно заключил его в объятия. Арес со страдальческим видом отцепил от себя его руки. За прошедшее время навык высвободиться из его хватки был отработан у него до автоматизма.

Следом за Юаном в комнату вошли мрачный Балиан, сонный Рад и вполне довольный Аргнейр. Ирл внес на руках Сантерила.

Юан торопливо сдернул с кровати Кристиана покрывало, и раненого уложили в постель. Он так и не пришел в сознание, у него не прекращалась лихорадка, но он уже не выглядел таким пугающе бледным, как раньше.

– Что с ним случилось? — склонился над ним Кристиан.

Однако он тут же все понял. Повреждения напомнили ему об Арроне, над которым издевались отступники, только ранения Сантерила были еще ужаснее. «Наверняка потому, что у отступников не было нужных инструментов», — пронеслось у него в голове.

– Спроси лучше, чего с ним не случилось, — буркнул Балиан.

– Главное, что живой, — выдохнул Аргнейр. — А что ты там горланил о возвращении?
– Сигфрид сказал, что через Врата Заката кто-то прошел, — ответил Юан вместо Балиана.

Общими усилиями они в подробностях рассказали обо всем, что произошло, уделив особое внимание словам Сигфрида и Сантериала. Балиан, однако, не пожелал даже выслушать мнение Кристиана и Ареса и поставил их перед фактом: завтра утром они отправляются в Галикарнас.

– И плевать, что Роланд держит здесь Кристиана, как принцессу, — заключил он.

– Какую еще принцессу?

– Обыкновенную. Запер, кто освободит — тому и достанется.

Все сдавленно засмеялись, только Арес словно бы не услышал, а Кристиан послал брату милую улыбку, от которой смех застрял у Балиана в горле.

– Чего это вы, а, капитан? — Аргнейр бесцеремонно пихнул Ареса в бок.

– Реас... — задумчиво проговорил Арес. — Кажется, я где-то слышал это имя. Тебе оно не знакомо?

– Конечно, знакомо! — встрял Юан. — Мы все его знаем. Можно перо, Кристиан?.. Вот.

Он размашисто написал на листе имя Ареса, переставил в нем буквы и получил имя таинственного Реаса.

– Кажется, Тристан называет такое анаграммой.

– Очень остроумно, Юан, — поморщился Арес. — Но мне оно действительно кажется знакомым.

– А мне нет, — сказал Аргнейр.

Все на минуту задумались, но потом каждый сделал вывод, что услышал это имя впервые.

– Ладно, — Кристиан посмотрел на Балиана. — Я думаю, нам действительно следует попытаться вернуться в Этериол. Во-первых, там, возможно, кто-нибудь что-нибудь знает об этом человеке, лишняя информация не повредит. Во-вторых, и это главное, велика вероятность, что тот, кто прошел через Врата Заката, унес с собой жезл. А в-третьих...

– В-третьих?

– В-третьих, это, возможно, наш единственный шанс. Я уже думал об этом. Врата Рассвета пока в Этериоле, до Врат Заката добраться много сложнее, а у Асбелии и Ретилоса временное перемирие. Роланду мы пока здесь только помеха... Во всяком случае, я уж точно.

– А в-четвертых, предприятие затянулось, — добавил Рад.

– Нас просили помочь в войне, мы помогли, — согласился Ирл. — По сути, пока ваши дурацкие Врата в Этериоле, мы вообще не должны тут находиться.

– Сам ты дурацкий, — обиделся Балиан за Врата Рассвета. — Но, в общем, ты прав. Ну что, утром выдвигаемся?

Кристиан молчал. Все терпеливо ждали ответа. Из-за того, что Кристиан долгое время прожил в Градероне, как-то само собой получилось, что последнее слово в их команде всегда оставалось за ним.

– Если состояние Сантериала позволит, — наконец, сказал Кристиан. — И мы должны поговорить с Роландом.

Дело решили не откладывать — если Сигфрид и в самом деле вознамерился двинуться в путь на рассвете, имело смысл присоединиться к нему. Можно было, конечно, добраться до Галикарнаса самостоятельно, тем более что в верховой езде и вообще управлении лошадьми Аргнейру и Ирлу не было равных. Но, учитывая щекотливое положение, в котором оказался Кристиан, рисковать не следовало. Поэтому, пока остальные общими усилиями накладывали новые повязки на раны Сантериала, Юан и Арес отправились к королю Роланду и вскоре вернулись в комнату вместе с ним.

Роланд все еще не справился с гневом, но теперь за внешней мрачностью ясно проглядывались растерянность и невыразимая печаль. Вместе с тем, от него исходила некая угроза. Стражи Рассвета и воины Заката не могли винить слуг и приближенных короля в том, что в последнее время они вздрагивали от любого обращенного к ним слова или даже взгляда. Пока еще в действиях Роланда замечалась нерешительность, а в нем самом — отрешенность и бессилие. Однако чувствовалось, что вскоре король окончательно отойдет от случившегося, и тогда настанет переломный момент, после которого он или станет рассудительнее и снисходительнее, или, напротив, его жестокость потеряет всякие границы.

Но сейчас, когда Роланд вошел в комнату с самым холодным видом и невольно скользнул взглядом по лежащему на кровати Сантерилу, ситуацию разрядил Кристиан:

– Господу было угодно, чтобы он остался жив, Ваше Величество.

– Жаль, что ты этому не поспособствовал, — не удержался Балиан, за что получил тычки сразу с двух сторон.

– Значит, это дело было предназначено вам, — равнодушно проговорил Роланд, усаживаясь в кресло, но лицо его смягчилось. — У меня не так много времени. О чем вы хотели мне сказать?

– Во-первых, Сантерил сообщил, что Ретилосом управляет некий Реас, а Астион всего лишь следует его приказаниям. Вам известно что-нибудь об этом?

– Нет, — новость не произвела на Роланда особенного впечатления. — Но в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Во многих государствах король — всего лишь игрушка в чьих-то руках. Однако, поскольку я лично знаком с Астионом, я почти уверен, что если его покровителя не станет, он будет способен действовать самостоятельно. Не сомневаюсь, Астион так бредит Этериолом, что его намерениям ничто не станет помехой.

– Наверняка, — согласился Кристиан. — И все-таки если этот Реас действительно из Этериола, то именно он вдохновил Астиона на великие деяния. А также на добычу золотого пергамента.

– И чего вы от меня хотите? — спросил Роланд. — Приказать убить его?

– Как вы сами сказали, это практически ничего не даст, — сказал Арес. — Даже если он из Этериола, все, что он знал о нем, давно уже передал Астиону.

– Верно, — согласился Кристиан. — Но информация есть информация, возможно, когда-нибудь она вам пригодится. Вообще-то, мы хотели уведомить вас о том, что возвращаемся в Этериол.

– Все? — спросил Роланд после короткой паузы.

– Все до единого, — сказал Балиан.

В комнате воцарилась тишина. В какой-то момент всем показалось, что Роланд резко заявит, что это невозможно, но когда он заговорил, его голос прозвучал спокойно и даже мягко:

– Жаль это слышать. Но, как и было обещано, — он посмотрел на Кристиана, — воля ваша. Хочу спросить только об одном. Это как-то связано с моим отказом в помощи Сантерилу?

– Нет, — сказал Юан.

– Хорошо, — лицо Роланда приняло задумчивое выражение, но через секунду он взирался на них испытывающим взглядом. — Вернетесь ли вы, чтобы охранять Врата Рассвета? Мне жаль, что все вышло таким образом. На прощание я хотел бы вам сказать лишь то, что если Врата снова окажутся в опасности, я дам вам знать. Но теперь, как вы понимаете, это невозможно.

– Думаю, кто-то из нас так или иначе вернется, когда Врата Рассвета окажутся здесь, — сказал Кристиан. — Чтобы узнать, как обстоят дела.

Роланд медленно кивнул.

– В таком случае, я немедленно велю приготовить все для вашего путешествия.

Он встал и направился к выходу из комнаты, но уже у самой двери вдруг обернулся и отрывисто проговорил:

– Вы должны знать, что, как бы то ни было, я и вся Асбелия очень благодарны вам за оказанную помощь. Если бы не ваша поддержка, мы бы понесли куда большие потери, или, быть может, уже находились под властью Ретилоса. Что бы вы ни говорили о взаимопомощи и опасности для своей страны, Асбелия в долгу у Этериола на многие десятилетия. Прошу вас, передайте это вашим правителям... Впрочем, нет, я напишу им об этом сам.

– Хватит драматизировать! — Балиан взмахнул сразу обеими руками. — Сказали же тебе — мы вернемся. И скоро.

Роланд с минуту смотрел на него, потом, слабо улыбнувшись, кивнул и вышел из комнаты.

Ближе к вечеру Демиан остался предоставлен самому себе: Рилан давно уже был дома и видел десятый сон — зубрежка всегда выматывала его до крайности; Сату Рейта с головой погрузилась в работу. Два года назад, когда им только-только построили дом и они переместились из башни сюда, Тристан, органически не переносивший, когда кто-то бездействовал, предложил ей сделать поправки, а то и попросту переписать медицинские книги Эндерглида. Рейта заручилась согласием Руэдейрхи и с удовольствием взялась за это дело, конца которому не было видно: собраний по медицине в светлом городе хранилось не так уж и мало, хотя большинство из них оставляло желать лучшего, кроме того, Рейта с большим воодушевлением писала собственные труды. Всю проделанную работу проверял Тристан, но он очень редко делал ей замечания, а книги, написанные ей от начала до конца, изучал с большим интересом.

Глядя на мать, Демиан тоже решил углубиться в чтение. Но дело не шло. Голова его была занята совсем не предстоящими экзаменами, а Вратами Рассвета и Ангелором. Ему становилось дурно от того, что, во-первых, его подозревали, во-вторых, что он ушел с дежурства, в-третьих, что Ангелор снова был с Лейан. Демиан невольно представил его отцом Этель и почувствовал, как у него поплыло в глазах. В конце концов он, не выдержав этих терзаний, уже ближе к ночи вознамерился пойти к Лейан.

На улице, несмотря на поздний час, было довольно оживленно. Их дома находились прямо на пути к Главной башне, и теперь все, кому приходилось там бывать, медленно возвращались, вынужденно проходя мимо забора. Демиан давно к этому привык и ничуть не удивился бредущей веренице людей. Однако кое-кто привлек его внимание. Совсем рядом с оградой, словно специально для того, чтобы расшевелить в нем беспокойство, стояли Ангелор и Эгрэндерл. Судя по всему, Ангелор только что вышел из дома Лейан.

Демиан искоса поглядел на них, но подойти не решился. Было бы странно, если бы он, прекрасно зная о калитке между дворами, вышел через главный вход.

К тому моменту, когда Демиан приблизился к крыльцу дома Лейан, Эгрэндерла уже и след простыл. Видимо, он просто справедливо спросил у Ангелора, зачем он тут торчит.

Чувствуя на себе его взгляд, Демиан без стука отворил дверь и негромким криком возвестил Лейан о своем приходе. После ухода Балиана, Кристиана и Юана Лейан и Сату Рейта по-настоящему подружились и такими формальностями, как стук, себя не утруждали. Что касается Демиана, они с Лейан сблизилась еще раньше — ведь именно она часто проводила с ним время в отсутствие его родителей.

– Что-то случилось? — Лейан сидела в гостиной и, когда он вошел, подняла на него встревоженный взгляд.

– Нет... Не то что бы... Я поговорить хотел, — промямлил Демиан, которому вдруг стало страшно неудобно. — Можно?

– Конечно. Садись.

Демиан послушно присел и еще с минуту помялся. У него много чего скопилось на душе, но вот так вывалить все Лейан было нельзя. По идее, вообще не следовало бы заводить этот разговор, раз уж и сама Сату Рейта не стала, но Демиан ничего не мог с собой поделать.

— Я знаю, это не мое дело, — наконец, выдавил из себя он, — но мне не нравится, что ты все время с Ангелором. И моей матери тоже.

Демиан с облегчением увидел в глазах Лейан улыбку. Его слова ее ничуть не расстроили и не разозлили, скорее, позабавили.

— Он опять был здесь, да? — продолжил он уже чуть увереннее. — Я видел его у дома...

— Да, был. Я понимаю ваше беспокойство, Демиан, — Лейан немного помолчала, думая, рассказать ему истинное положение вещей или все-таки не стоит. Хоть Демиану и было всего одиннадцать, она доверяла ему безоговорочно. Вдобавок, Лейан прекрасно понимала, что сокрытие некоторых деталей может сыграть злую шутку. Все-таки дети в таком возрасте горазды на инициативу, особенно если у них в друзьях есть Рилан.

— Я понимаю ваше беспокойство, — повторила она, — но не стоит. Да, Ангелор некогда предал Эндерглид и, если честно, я подозреваю, что виной этому был отнюдь не страх перед Эриданом. Но что было, то прошло... Ты давно видел Астериона? — вдруг спросила она ни с того ни с сего. — Он никого тебе не напоминает?

— Ну-у, — Демиан немного растерялся. — Я толком не смотрел. Но, кажется, на Ангелора похож.

— Не на Ангелора, а на Эридана. Они оба на него похожи. Астерион — всего лишь ребенок, но даже рядом с ним... Представь себе, я его боялась. Эридан — самый страшный человек, который мне когда-либо встречался... — взгляд Лейан остекленел. — Так неужели ты думаешь, что если даже Астерион доводил меня до такого одним своим видом, то я бы захотела общаться с Ангелором?

— Так он тебя преследует?

— Не совсем. Все гораздо сложнее. Видишь ли, в последнее время его то и дело повышали. И теперь я обязана с ним работать.

— Но он же архитектор! — удивился Демиан.

— Да, но после смерти Деренлина он ответственен буквально за все. А еще меня обязали выступать его проверяющим, — Лейан вздохнула. — Он тоже делает карты. В общем, поводов для общения хоть отбавляй. Но я его ни в чем не могу упрекнуть, — заметила она справедливости ради. — Мне просто не по себе рядом с ним. Хотя я понимаю, что так нельзя. Все-таки, Эридан — это Эридан, а Ангелор — это Ангелор...

— А Астерион? — полюбопытствовал Демиан.

— А с Астерионом мы поговорили об этом, и он меня простил, — Лейан засмеялась, но потом помрачнела: — Он наверняка сын Эридана. Чем больше времени проходит, тем меньше я в этом сомневаюсь. Да и Альдеран тоже.

— Поэтому он его усыновил? — догадался Демиан.

— Скорее всего.

Они немного помолчали. И Лейан, и Демиан вспомнили о том дне, когда Юан принес в Эндерглид маленького, едва живого ребенка отступников, который, и без того будучи тяжело больным, смог — никто до сих пор не мог понять, как — вернуться с Запретной территории. Теперь Астерион рос в одном из самых уважаемых родов Эндерглида и готовился стать стражем Рассвета. Несмотря на всеобщие опасения, он пока не проявил никаких жестоких наклонностей, не пытался сбежать из города и вообще не был замечен ни в чем дурном.

— Ну ладно, Демиан, — первой отреагировала от воспоминаний Лейан. — Тебе лучше идти домой и отдыхать. Завтра у тебя будет тяжелый день.

— Правда? Почему?

Лейан загадочно улыбнулась и ничего не сказала.

Демиан вернулся домой. Но предупреждение возымело эффект, прямо противоположный желаемому: он полночи ворочался без сна, ломая голову, что же его ждет. В конце концов, он решил, что, как и говорил Нилендер, ему просто назначат новое дежурство у Врат Рассвета. И оказался близок к истине.

Утром, едва он проснулся, Сату Рейта сказала ему, что его ждут в Главной башне. Демиан торопливо оделся, прихватил меч и побежал со всех ног. Ему хотелось поскорее исправиться после неудачного дежурства.

Демиана приняли в той же самой комнате, что совсем не обнадеживало. Но на сей раз за столом сидели только Гволкхмэй, Тристан и Нилендер, а перед ними в полной боевой готовности стояли Рэвенлир и Аррон.

– Твое дежурство у Врат отменяется, Демиан, — сходу сообщил Тристан.

Сердце Демиана больно екнуло. Он уже собирался любыми путями отстаивать право на второй шанс, но Тристан продолжил:

– Вместо этого пойдешь на миссию с воинами.

Демиан обомлел. Настоящая миссия под руководством самого Рэвенлира, лучшего воина Эндерглида?

– Как ты знаешь, очень часто, особенно сейчас, воины и стражи вынуждены выполнять обязанности друг друга. Ты в любом случае обязан пройти подобную подготовку. Предполагалось, что это случится несколько позже...

– Решили, что Рилана на миссиях лучше держать подальше от отца, — пояснил Гволкхмэй. — Так что сейчас твоя очередь.

– Но, в любом случае, — посуровел Тристан, — на снисхождение не рассчитывай. С начала и до конца миссии ты должен подчиняться Рэвенлиру. Любая ошибка, неповиновение приказу и прочее — все это будет сообщено мне, не сомневайся.

Демиан, стараясь не выказать своего волнения, молча кивнул. Предостережение его немного удивило. Рассчитывать на снисхождение Рэвенлира, будь ты хоть его родным сыном, никому бы и в голову не пришло.

– Теперь — суть задания, — Тристан перевел взгляд на Рэвенлира и Аррона. — Обследуйте земли вплоть до Запретной территории. Исходите из того, что кто-то все-таки прошел через Врата Заката и покинул Эндерглид. Поскольку с вами будет ученик, соблюдайте осторожность и не ввязывайтесь в сражения ради сражения, — при этих словах Тристан сердито посмотрел на Аррона. Тот не обратил на это никакого внимания.

Три года назад ему удалось поразить экзаменаторов своим необычным стилем ведения боя, и, невзирая на множество протестов, у Тристана не оставалось иного выхода, кроме как присвоить Аррону статус воина Рассвета. Сперва за ним следили с преувеличенным вниманием: после того, как Аррон чудом спасся от отступников и отказался от статуса преследователя, он сильно изменился. Стал замкнут, ни с кем не разговаривал, пропускал мимо ушей почти все, что ему говорили, да и вообще вел себя странно, но, тем не менее, задался целью стать воином. Балиан и Герион усиленно тренировали его и смогли повысить его уровень до такой степени, что во время нападения отступников Аррона выпустили на поле боя, хотя у него не было статуса. Он показал себя с неплохой стороны, однако при встрече со своим мучителем, Эриданом, устроил такое, что Герион, ныне муж Силты, старшей сестры Аррона, еще долго изрядно нервничал и в конце концов все-таки рассказал обо всем Тристану, надеясь, что тот поймет правильно и не станет лишать его подопечного возможности получить статус, а просто проявит к нему должное внимание. Тристан так и поступил. Вскоре выяснилось, что Аррон никогда не нарушает приказов, но с удовольствием вступает в бой и проявляет необоснованную жестокость. Дошло до того, что кое-кто из отступников умолял его о пощаде, но тщетно. Даже если противник был уже мертв, он продолжал вновь и вновь вонзать в него меч.

Из-за этого на счету Аррона было уже около десятка выговоров, однако, согласно законам, лишить его статуса пока не представлялось возможным. Поэтому Тристан и смотрел сейчас на него с уничтожающей строгостью, обещая самые тяжелые последствия, если Демиан станет свидетелем подобной сцены.

По дороге к выходу из города Рэвенлир говорил ему о правилах:

– Ни шагу от меня. В сражение без разрешения не вступать. Исключение — самозащита. Если я вступлю в бой, остаешься с Арроном. В случае моей смерти действуешь по его приказу.

– Я не верю, что вас кто-то может убить, — вырвалось у Демиана.

– Особо не надейся, конечно, — хмыкнул Рэвенлир. — Но предупредить тебя я обязан. Запоминай дорогу. В случае смерти обоих немедленно возвращайся в Эндерглид. Главное для тебя в этой миссии — сохранить свою жизнь. Не сможешь — статус, как понимаешь, не получишь.

Демиан, несмотря на такую мрачную перспективу, едва сдержал улыбку.

Впереди замаячили Врата Рассвета, у которых стоял на посту Герион, и сердце Демиана забилося устрашающе быстро. До выхода из города оставалось совсем немного. Они прошли мимо Врат (Герион пожелал им всем удачи, а Демиану с нарочито серьезной миной отвесил почтительный поклон) и приблизились к массивной белой стене, окаймляющей город. Поверху с важным видом расхаживал тринадцатилетний Деонтар, получивший статус в прошлом году и с тех пор непередаваемо гордый — в таком возрасте успеха добивались совсем немногие, особенно сейчас, когда экзамены стали гораздо жестче. Демиан даже с такого расстояния заметил, как Деонтар бросил на него презрительный взгляд.

Но проблем у него хватало и без него. Демиану уже приходилось бывать за пределами города, но это было целых пять лет назад, и воспоминания у него сохранились не самые лучшие. Тогда за ним охотились отступники и даже вполне законопослушные градеронцы, потому что на нем лежало проклятие, сулившее непобедимое оружие тому, кто прольет его кровь. Несколько раз он чудом избежал смерти. Кто знает, может, найдутся те, кто вспомнит о давней истории и решит попытать счастья? Демиан не испытывал страха — он остался в далеком детстве, — но все равно не мог не думать об этом.

Деонтар по знаку Рэвенлира спустился и отворил им массивные двери. Демиан прошел мимо него и услышал за спиной доброжелательное «тебя наверняка убьют, Розенгельд». Но это не вызвало у него ровно никаких чувств. Пожалуй, если бы Деонтар ничего не сказал, Демиан даже забеспокоился бы за него: он ненавидел их с Риланом и Латиором за то, что им удалось дорваться до экзаменов в более раннем возрасте, и молчание с его стороны было бы как минимум странным.

– Ну что ж, вперед, — сказал Рэвенлир.

Демиан молча кивнул и, сжав кулаки, решительно сделал первый шаг навстречу пустоши Этериола.

Глава пятая. Встреча

— Этель, немедленно прекрати!

Этель в растерянности замерла. Она бы и рада была послушаться матери, но деревце, высившееся перед ней, лишало всякой воли. Казалось, она умрет, если хотя бы не попробует на него взобраться. Невозможно было даже глаз отвести от двух выступающих прямо на уровне ее крохотного роста крепких — во всяком случае, с виду — веток. Не удержавшись, Этель подняла руки и уцепилась за одну из них, но в этот момент Лейан потеряла терпение, подошла к дочери и, схватив ее за плечо, попыталась оттащить в сторону. Раздался треск — ветка осталась у Этель в руках.

— Ух ты! — глаза девочки засветились восторгом. — Я сильная.

— Лучше подумай о том, что сломала ни в чем не повинное дерево, — грустно проговорила Лейан. — Пойдем, иначе я отведу тебя домой и пойду одна.

Не дожидаясь ответа, она вернулась на дорогу и лишь через десяток шагов обернулась. Этель шла следом, и, нахмурившись, наблюдала за ней — не обиделась, а, должно быть, почувствовала ее настроение. Это случалось довольно часто. Следовало объяснить, что все хорошо, или и вовсе остановиться и немного поиграть с ней, но Лейан только подумала об этом — и тут же забыла. Она всем сердцем любила дочь, однако быть хорошей матерью у нее толком не получалось. Возможно, потому, что не с кого было брать пример: Лейан никогда не видела собственной матери, она росла в Главной башне под присмотром Гволкхмэя и Тристана. У Этель был схожий образ жизни, большую часть времени девочка была предоставлена самой себе. Поэтому она очень обрадовалась, когда Лейан взяла ее с собой, хотя Тристан был от этого не в восторге. Она получила очередное задание, несложное, но все-таки требующее внимания. Нужно было проверить караул у Врат Рассвета и у стены. Дело на первый взгляд пустяковое, но ввиду последних событий небезопасное — так и не удалось узнать, кто открывал Врата и имело ли это последствия. Город тщательно проверили, но никаких чужаков не обнаружили, хотя сказать наверняка, конечно, было нельзя. Ничего из ряда вон выходящего не происходило, никого, по счастью, не убили и не ранили, да и вообще все было спокойно. С нетерпением ждали возвращения воинов и каких-нибудь известий. Рэвенлира, Аррона и Демиана не было уже третий день, и хотя воинам Рассвета приходилось задерживаться и на целую неделю, все начали изрядно нервничать, особенно, конечно, Сату Рейта.

— А зачем проверять Врата? — спросила Этель, подбежав к Лейан. На ходу она помахивала отломанной веткой.

— Ну, вдруг что-нибудь случилось, — объяснила Лейан. — Или страж уснул, — чуть улыбнулась она.

— А они не спят? — поразилась Этель.

— На посту? Нет, конечно!

— Ужас! — пискнула Этель. — Тогда буду воином.

— Приехали, — засмеялась Лейан.

Трехлетняя девочка, рьяно жаждущая получить статус — такое создание могло быть только ребенком Балиана. Все вокруг поразились ее воинственности и заявлениям касательно статуса, которые она начала делать, едва научившись как следует говорить. Лейан сознавала, что Этель еще ничего толком не понимает, но при этом и брать пример ей было не с кого. Лейан в последнее время и на посту стояла редко, и обсуждать это не любила, Сату Рейта к военным делам не имела никакого отношения, а с Демианом и Риланом Этель пересекалась не так уж и часто.

— Балиан! — вдруг вскричала Этель. — Это Балиан!

Лейан невольно вздрогнула и обернулась. Ее улыбка снова стала вымученной и грустной, когда она увидела, как Этель со всех ног бросается к рыжему коту, который почему-то последовал за ними.

Вздыхнув, Лейан остановилась и стала наблюдать, как Этель безжалостно хватается за хвост и настойчиво выпрашивает у него, почему он не остался дома. Балиан объясниться не пожелал и стал отчаянно вырываться. Завязалась самая настоящая битва, обещающая Этель несколько новых царапин, а коту — избавление от стольких же усов. Просто удивительно, думала Лейан, что после такого они как ни в чем не бывало спят в обнимку.

– Лейан!

Крик не вывел ее из задумчивости, потому как в нем не было ни малейшего отголоска паники. Лейан рассеянно оглянулась. И едва удержалась на ногах — на нее буквально налетели и прижали к себе прежде, чем она успела что-либо сообразить и тем более сказать.

В голове все смешалось; недавний крик Этель и его причина прочно встали между Лейан и реальностью. Сердце бешено колотилось, разум находился в полном смятении. Взгляд оказался прикованным к длинной пряди золотистых волос, и Лейан тщетно пыталась понять, что происходит.

– Лейан? — Балиан отстранил ее от себя и заглянул ей в глаза тревожным взглядом. — С тобой все в порядке?

Лейан тряхнула головой, стараясь привести мысли в порядок и провести грань между действительностью и иллюзией.

– Нет, — прошептала она, чувствуя, как глаза против воли наполняются слезами радости. — Не в порядке.

– Да ну тебя! — ответил Балиан в своей неподражаемой манере и снова привлек ее к себе. Но Лейан чуть отстранилась и внимательно посмотрела на него, все еще слабо веря собственным глазам.

За прошедшие годы Балиан вымахал больше, чем на голову, и теперь был гораздо выше нее. В плечах он стал значительно шире, волосы здорово отросли. На его губах застыла улыбка, совсем не такая, как раньше. Без малейшего оттенка воинственности, добрая, спокойная и, пожалуй, даже ласковая.

Лейан силилась что-нибудь сказать, однако найти слова, чтобы выразить хотя бы маленькую толику того, что она чувствовала, было гиблым делом. В конце концов она просто улыбнулась сквозь слезы.

– Эй! Ты чего это делаешь?!

Голосок Этель неожиданным басом прервал волшебный момент. В следующий миг Балиан получил удар веткой по ноге и вынужденно выпустил Лейан из объятий.

– Это еще что? — возмущенно воззрился он на Этель.

– Прекрати! — Лейан вырвала ветку из рук девочки и отбросила грозное оружие подальше.

– А чего он тебя трогает! — Этель была возмущена не меньше Балиана, обнаруживая поразительное сходство с ним.

– Хочу и трогаю, — набычился Балиан.

Лейан решила, что самое время прояснить ситуацию и, стараясь не думать о том, какую реакцию вызовут ее слова у обоих, сказала:

– Это Этелиан. Этель — это твой отец, так что веди себя...

– У Балиана дочь?!

Юан выпрыгнул из-за спины Балиана с такой стремительностью, что Лейан отступила, и даже Балиан отпрянул. Но ему тут же пришлось отступить обратно: с другой стороны появился Кристиан. Оба склонились над Этель. Девочка, польщенная таким вниманием, гордо вскинула голову.

– То есть как это дочь? — оторопел Балиан, до которого, казалось, только сейчас дошли слова Лейан.

– Это когда рождается девочка, а не мальчик, — услужливо разъяснил ему Юан. Лейан отметила, что он тоже здорово вырос, но все-таки был на несколько сантиметров ниже Балиана.

– И такое бывает, — добавил Кристиан.

– Да без вас знаю! — огрызнулся Балиан и снова уставился на Этель.

Та показала ему язык. Незнакомец, без разрешения хватаящий маму, не понравился ей с первого взгляда.

– Вылитый Балиан! — рассмеялся Юан. — Надо же, дочка! Максимилиан бы обзавидовался — до сих пор помню, как он меня угрожал девочкой сделать. Привет, я Юан! — радостно улыбнулся он племяннице. — А это — Кристиан.

Этель перевела взгляд с него на Кристиана, и ее глаза вдруг засияли. Она схватила его за край плаща.

– Ты мой отец? — спросила она с широкой улыбкой.

– Нет, — ответил Кристиан. — Вот твой отец, — указал он на Балиана.

– Жаль, — разочаровалась девочка.

– Что за дела? — Балиан упер кулак в ее золотистую макушку, и Этель возмущенно замахала руками, отчаянно ругаясь одной ей понятными ругательствами. Силы были неравные, и она уже готова была призвать на помощь мать или стоящего рядом красавца — Кристиан поразил ее до глубины души, — но Балиан вдруг схватился руками за голову и отшатнулся.

– В чем дело? — встревожилась Лейан.

– По голове немного вдарили, — пояснил Юан, выпуская ее из объятий. — Кристиан, бегом к Рейте! У вас есть минут десять до того, как мы втащим к ней Балиана.

– Я лучше к Тристану, — поднял руки Балиан. — Все равно отчитаться надо.

Тут Лейан вспомнила о своих обязанностях, но ограничилась тем, что спросила у братьев, как обстоят дела. Те заверили ее, что стражи бдят, и даже более того: потребовалось минут десять споров и угроз, чтобы они пропустили градеронцев, которые и лишней секунды не пожелали задерживаться в светлом городе. Также братья сообщили, что Сантерил сразу отправился к родителям, которые жили ближе к окраине.

Все вместе они, провожаемые изумленными взглядами перешептывающихся прохожих, направились к Главной башне. Этель, насупившись, крепко держала Лейан за руку и поминутно поглядывала на Балиана, который шел с другой стороны, недружелюбным взглядом. Они шли молча; Лейан ни о чем не спрашивала. И Балиан, и Юан, и Кристиан выглядели обрадованными и немного растерянными. Им, видимо, еще не до конца верилось, что они действительно вернулись. Поняв это, Лейан сделала себе выговор за собственные мысли. Как она могла думать, что они остаются в Дилане по собственному желанию? Балиан нет-нет да и бросал взгляд на нее и на Этель, и в эти моменты на его повзрослевшем лице едва заметно отражалось облегчение, а рука чуть сильнее сжимала руку Лейан. Он боялся, что не увидит их. Что старая история, которую ему пришлось пережить, вновь повторится...

Незадолго до того, как они достигли цели, Лейан остановилась и объяснила Кристиану, как ему дойти до нужного дома. Он поблагодарил ее и, махнув братьям рукой, быстро скрылся из виду.

– Как Демиан? — спросил Юан.

– Готовится к экзаменам. Ох, я не сказала Кристиану... Его сейчас нет в Эндерглиде.

– То есть как это нет? — встрепенулся Балиан.

– Ему дали пробную миссию, — объяснила Лейан.

– А, это ладно, — успокоился Балиан. — Я-то думал, он опять в Градерон намылился...

Кто вас тут знает!

– А вас? — в голосе Лейан послышался упрек.

— А чего мы? Повоевали и хватит! — Балиан, поморщившись, коснулся рукой затылка. — Кто ж знал, что все так выйдет... Затянется... Сантерила вообще чуть не убили... В общем, потом, — вдруг смешался он.

— Мы пытались вернуться, Лейан, — тихо проговорил Юан. — Но нам не давали. Они так близко подбирались к Вратам... А когда мы пытались добраться до Врат Заката, то они, словно специально, усиливали натиск на Асбелию. Без Ключей Кристиана Ретилос бы давно смел и ее, и Галикарнас.

— Не сейчас, — покачала головой Лейан. — Вам все равно придется рассказывать это Тристану. Я не виню вас. Просто... Просто мы вас так ждали. Кое-кто уже перестал надеяться.

— Ты замужем? — вдруг спросил Балиан.

— Очень хотелось бы ответить на это в твоих выражениях, — сказала Лейан. — Совсем, что ли?

Юан поперхнулся от смеха. Балиан снова улыбнулся, на этот раз с огромным облегчением.

— Самый страшный кошмар Балиана не сбылся! — весело проговорил Юан. — Все, гуляем на сочетании! Правда ведь? Правда?

— Правда? — посмотрел Балиан на Лейан.

— Правда, — Лейан залилась краской.

Балиан очень изменился внешне и, судя по всему, характер его тоже претерпел перемены, но это был все тот же человек, которого она любила. Она чувствовала, как внутри нее все дрожит, опасаясь поверить в то, что все происходящее — не очередной сон, которых было так много за минувшие годы.

Едва они вошли в башню, как их окружила толпа народа. Лейан пришлось срочно взять Этель на руки, чтобы ее не сшибли: каждому хотелось первым добраться до стражей Рассвета, которых некоторые уже успели похоронить. Сыпались бесконечные вопросы, звучали восторженные и испуганные возгласы — не увидев Кристиана и Сантерила, многие запаниковали.

Наконец издали послышался спасительный голос Гволкхмэя. Он буквально смел собой толпу и мигом оказался в первых рядах.

— Живые! — гремел он. — Наконец-то! А где Кристиан? А Сантерил?

Гволкхмэй почти в точности повторял уже прозвучавшие вопросы, но ответов дождался только на самые главные, а именно, куда девались еще два стража. После этого он оглушительным ревом велел всем посторонним идти по своим делам и повел братьев, Лейан и Этель за собой в кабинет Тристана.

— Тристан! Смотри, кто тут у нас!

— Балиан! — Тристан встал так резко, что чернильница чудом не полетела на пол. — Юан!

Еще с четверть часа прошло в неразборчивых радостных возгласах, обрывочных репликах и угрозах — без последнего общения у Гволкхмэя и Балиана попросту не получалось. Когда же суматоха первых минут встречи после долгой разлуки спала, Гволкхмэй с видом единоличного собственника посадил Этель к себе на колени и велел:

— Рассказывайте, где шлялись.

— В городе, — буркнула Этель.

— Э, нет, у них история поинтереснее! — прогремел Гволкхмэй, но правнучка ничуть не испугалась. С ним у Этель установились самые доверительные отношения, правитель даже, к ужасу Тристана, зависти подданных и удовольствию самой девочки, любил сажать ее на эндергидский трон, когда ему требовалось куда-нибудь отойти.

— Расскажем! — заверил Юан. — Только пусть Тристан сначала Балиана посмотрит? — тот в очередной раз схватился за голову.

— Конечно, — Тристан торопливо подошел к Балиану и положил руку ему на лоб. — Тебя ранили?

– Немного, — сказал Балиан.

– Н... Немного? — ошарашенно проговорил Тристан. — Давно ты так ходишь?

– Месяц, наверное, — подсчитал Балиан. — Нет, больше. Два? Юан, не помнишь?

– Точно не помню, но да, давно, — согласился Юан.

Тристану потребовалось около двух минут, чтобы прийти в себя. Положив руку себе на грудь, он глубоко и размеренно дышал, собираясь с силами, чтобы, во-первых, складно объяснить, в чем проблема, и найти ее решение, а, во-вторых, чтобы не последовать примеру Гволкхмэя и не раскричаться в голос.

– Что с ним, Тристан? — встрепенулся Гволкхмэй. — Нет, ну вечно с этими Розенгельдами что-то творится!

– Вы еще Сантерила не видели, — сказал Юан. — Да не бойтесь, он уже более или менее нормально, но все равно надо будет основательно подлечить... Так что с Балианом?

– Скажи честно, что это было, — наконец, выговорил Тристан, снова касаясь лба Балиана пальцами, осененными синим свечением.

– Ну... Хм... — Балиан покосился на Лейан и постарался как можно тише сказать: — Ну, каменная колонна.

Лейан прекрасно его услышала, но от ужаса онемела. Гволкхмэй изумленно распахнул рот, Юан, которому Балиан этой подробности не сообщил, испуганно охнул, а Тристан после этого шокирующего признания приложил ладонь уже к своему лбу.

– О Господи, — только и вымолвил он.

– Лечи давай! — потребовал Балиан. — Мне уже надоело за голову хвататься. Я не хочу! — оглядел он всех. — Это само собой происходит. Вот так раз, а чертовы руки уже у чертовой головы.

– И тот градеронец-целитель, что был с вами, — Тристан всеми силами старался сохранять спокойствие. — Он ничего не говорил тебе об этом ранении? Или ты не дал ему себя осмотреть?

– Дал, конечно, — сказал Балиан. — Я же не самоубийца, наверное! Он сказал, что я должен это... Лежать в постели. Я сказал, чтобы шел он знаешь, куда? Он тогда сказал, что бессилен.

– Что? — вскочил на ноги Юан. — Ты этого не говорил! Ты сказал, что Рад бессилен, и все!

Балиан пожал плечами.

– Не мог же я в постели лежать, как дурак какой-нибудь.

– Не хочешь — не лежи, — Тристан посмотрел на него очень тяжелым взглядом. — В таком случае, у тебя есть недели полторы, чтобы привести в порядок свои дела и с достоинством покинуть этот свет.

– Спятил, что ли?

– Это не шутка, Балиан.

Балиан некоторое время тупо смотрел на него. Все были уверены, что он протестующе раскричится, и были готовы наброситься на него с угрозами и угрозами, однако, ко всеобщему удивлению, Балиан только хмыкнул и, встав на ноги, проворчал:

– Ладно, тогда я к себе в комнату...

– У тебя больше нет комнаты, — любезно сообщил ему Гволкхмэй.

– Как это нет? — опешил Балиан.

– А вот так. Кто там у нас теперь, Тристан?.. В общем, занято.

– Вот так, Юан, — разобиделся Балиан. — Воюешь, Врата защищаешь, каждый день на грани смерти, а потом возвращаешься — и живи на улице.

– Комната Юана по-прежнему закреплена за ним, — уточнил Тристан.

В любое другое время Балиан бы разразился возмущенными воплями. Он уже запасся силами для этого, но вдруг мысли его, как часто бывало в последнее время, устремились в совсем другом направлении. Ему захотелось как можно скорее лечь и закрыть глаза.

– Ладно, мне все равно. Где можно лечь?

Тристан и Гволкхмэй обеспокоенно переглянулись. Лейан вопросительно посмотрела на Юана, но тот только пожал плечами. Это было совсем не похоже на Балиана.

– Пойдем, — сказала Лейан.

– Тогда сам все расскажешь тут, Юан. До завтра.

Лейан забрала у Гволкхмэя протестующую Этель, и они втроем, провожаемые взволнованными взглядами, вышли из кабинета.

Демиан не смог сдержать облегчения, когда увидел впереди белую стену Эндерглида. В его глазах плыло, голова кружилась, правая рука отяжелела. Повязка из плаща, которую пришлось наложить от плеча до запястья, уже давно пропиталась кровью. Так как Демиан всю жизнь прожил с Сату Рейтой, медицинские познания у него были куда богаче, чем у других учеников, и он прекрасно понимал, что потерял слишком много крови. Не так много, чтобы умереть в ближайшие часы, но достаточно, чтобы каждый шаг давался огромным трудом. Рэвенлир уже предлагал взять его на руки или понести на спине, но Демиан в ответ на это воззрился на него почти умоляющим взглядом. Он должен был дойти сам. Должен! Он и без того переживал, что его первая миссия завершилась так скверно. Так же плачевно, как и дежурство у Врат.

Демиан стиснул зубы, пытаясь сфокусировать взгляд. Ну нет, он дойдет. Дойдет и доложит о выполнении миссии по всей форме, как и положено стражу Рассвета.

– Осталось совсем немного, — рука Рэвенлира ободряюще сжала его плечо. — Дойдешь?

Демиан кивнул. Рэвенлир был необычайно строг с ним во время миссии, но теперь, на подходе к Эндерглиду, стал куда мягче. Однако Демиана это только пугало. Что, думал он, если Рэвенлир пытается утешить его перед тем, как ему откажут в допуске к экзаменам?

– Открывай! — крикнул Рэвенлир стражу, стоящему на стене.

Тот исчез так быстро, что можно было представить, как он буквально скатился вниз. Вскоре двери отворились.

– Вы не поверите! — сходу набросился на них юноша. — Стражи Рассвета! Они вернулись! И твой отец, Демиан, тоже!

Демиан обомлел.

– В самом деле? — улыбнулся Рэвенлир. — Это замечательно. В таком случае, Демиан, тебе лучше...

– Нет, — глухо проговорил Демиан. — Отчет...

Не дожидаясь Рэвенлира и Аррона, он первым пошел вперед. На белую площадь с его перевязанной руки капала кровь.

Известие оглушило Демиана, ошарашило, потрясло до глубины души. Но его отец ушел слишком давно, чтобы так легко поверить в его возвращение. Прошли годы, и теперь он, Демиан, уже не был ребенком. Его отправили на миссию, ему позволили проявить себя, и сейчас он должен не вприпрыжку мчаться домой, а присутствовать на отчете о задании. И, кроме того, в глубине души он все-таки мечтал о том, что до возвращения отца чего-нибудь добьется. Поэтому Демиану было жизненно необходимо знать, чем обернется для него провал миссии.

Рэвенлир постучал в дверь кабинета Тристана. Ему разрешили войти, и он отворил дверь.

– Демиан! — Юан подлетел к нему с такой скоростью, что тот невольно отступил. Он хотел обнять его, но вовремя увидел наспех перевязанную руку. — Тристан, он ранен!

– Как следует помочь тут может только Сату Рейта, — сказал Рэвенлир. — А сейчас нужно наложить нормальную повязку. Вот ты и займись, пока мы будем рассказывать Тристану, что произошло.

– Ты мог отпустить его домой, — сказал Тристан. — Тем более что вернулся его отец.

– Я предлагал, но он отказался. Так что давай поскорее с этим закончим, не то он ночевать здесь будет. Дело, видишь ли, важнее всего.

Юан тем временем осторожно снял с руки Демиана ослабшую повязку. У него вырвалось изумленное восклицание, и Тристан, не выдержав, подошел к ним. На его лице тоже застыло удивление. За свою жизнь он видел множество ранений, но такое — впервые.

Руку Демиана покрывало несколько глубоких ран, соединенных между собой плавно изгибающейся цепочкой менее серьезных ранений. Демиану и самому стало не по себе: он уже успел подзабыть, как выглядят повреждения.

– Юан, немедленно промой раны и перевяжи, как можно быстрее. Что это было? — Тристан резко повернулся к Рэвенлиру и Аррону.

– Никогда не видели такого оружия, — сказал Рэвенлир. — Что-то вроде цепи из колец, через каждые несколько сантиметров мощный шип. Как видишь, обездвижить таким противника проще простого.

– И что, никак нельзя было этого избежать? — спросил Тристан почти сердито.

Демиан напрягся. От слов Рэвенлира сейчас зависело все. Сочтет ли он, что всему виной была глупая ошибка Демиана?

– Мы с Арроном были заняты другими отступниками, — сказал Рэвенлир. — Что касается Демиана, согласишься, ни он, ни мы не могли предполагать, что у кого-то окажется подобное оружие. Я видел не все, но, уверен, Демиан вполне мог увернуться. Однако у его противника вдобавок был еще и меч, — он помолчал, потом продолжил: — Ход отчаянный, но, по моему, правильный. Демиан специально подставил ему руку, и этим нейтрализовал главную опасность. Другой рукой сражался мечом. Отбивался успешно, потом подоспел Аррон.

– Претензии? — подумав, спросил Тристан.

– Когда напали, растерялся, — безжалостно проговорил Рэвенлир. — Пару приказов пропустил. Хотя нет, будем считать, что один. Все-таки я велел отойти, а это не так просто, когда твоя рука в этой жуткой цепи.

– Ты чего расстроился, Демиан? — спросил Юан, перетягивая его руку бинтом. — Рэвенлир без претензий не может. Меня он вообще завалил по полной программе.

– Да, в общем и целом миссию можешь считать успешной, — кивнул Демиану Тристан, и тот заметно приободрился. — Но запомни, что когда решаешься на подобные шаги, нужно делать расчет на тех, кто с тобой. Если бы Аррон не подоспел, все могло кончиться хуже.

– Я делал, — тихо проговорил Демиан. — Их было всего трое, они не могли их надолго задержать...

– Хорошо. Теперь я слушаю непосредственно отчет, — Тристан снова сел за стол и взялся за перо.

– Есть основания полагать, что кто-то все-таки вышел из Эндерглида, — сказал Рэвенлир. — Отступники напали на нас за горой Солфорджа. Сам знаешь, в последнее время они предпочитают там не появляться, а тут целых четверо. Демиан считает, что тот, с цепью, и был тем, кто пришел из Дилана.

– Почему?

– У нас же теперь стена... — Демиан еле ворочал языком от усталости и боли. Рука стала совсем тяжелой и онемевшей. — Он не мог просто выйти... А я видел, у него туника... Как у стража, но темнее...

– В общем, версия здравая, — сказал Рэвенлир. — Если он подготовился к переходу, то обзавестись одеждой, похожей на нашу форму, это неплохая идея. Он мог подать знак снизу, страж бы открыл.

– Но такая система была разработана уже после бегства отступников. И это возвращает нас к мысли, что в Эндерглиде снова есть предатель.

— Конечно, есть! — бросил Аррон. — Никто не поднял тревогу, когда открылись Врата! Это этот Эгрэндерл!

— Не стоит бросаться такими обвинениями, Аррон, — нахмурился Тристан. — Мы проверили всех, кто стоял у Врат последние дни.

— И как можно было проверить, кто отступил в нужный момент, а кто нет? — хмыкнул Аррон.

— Проверять — наше дело, а не твое, — отрезал Тристан.

— Что касается отступников, — вернулся к главной теме Рэвенлир, — мы с Арроном опознали тех троих, с кем сражались. Приходилось встречаться прежде. А вот этот, с цепью... Насчет него я не уверен.

— Он ушел?

— Да. Аррон его ранил, но он сбежал на Запретную территорию. Мы не стали его преследовать.

— И правильно. Только конфликта с Руэдейрхи нам не хватало. Ладно. Ты останься, нужно составить план и послать преследователей и воинов на поиски... У того, кто вернулся в Этериол, вполне может быть жезл, нельзя это так оставлять. Демиан, Аррон, вы можете идти.

Юан помог Демиану подняться и повел его к выходу из башни. Демиана слегка шатало, но он здорово держался, учитывая, сколько крови потерял и как долго шел.

— Вы все вернулись? Все?..

— Все, все! — весело проговорил Юан. — Кристиан тебя очень ждет. Правда, не уверен, что он тебя узнает. Я сам насили узнал. Ты так вырос! — он потрепал его по волосам и удивился, какими густыми они стали.

Демиан с трудом улыбнулся. В голове было мутно: мелькали размытые воспоминания об отце и его братьях, перед глазами изредка вспыхивали фрагменты минувшей битвы, его первого серьезного сражения... Лицо отступника с цепью в руках прочно въелось ему в память.

Он был уверен, что видел его прежде.

Пока принимали отчет Рэвенлира и оказывали Демиану медицинскую помощь, Балиан с восхищением осматривал дом Лейан. Она не решилась сказать ему, что это, собственно, их общее жилище. И уж тем более она ни за что на свете не смогла бы рассказать, как вероломно поступил Гволкхмэй: заявив, что Балиан «законченный мерзавец», и что он «должен заплатить», правитель Эндерглида велел списать огромные средства на постройку дома исключительно с его счета. А вот сам дом лично записал в собственность Лейан. Она отчаянно возражала, требовала, чтобы хозяином был Балиан, но тщетно. Предусмотрительный Гволкхмэй сообщил ей о своем решении уже когда все закончилось.

Потом разыгралась небольшая драма. Маленькая Этель ни в какую не желала мириться с наличием в доме Балиана и закатила самую настоящую истерику. Девочка не понимала, почему ее мать так тепло относится к этому незнакомцу. Слова о том, что этот незнакомец — ее отец, насколько ее не тронули.

— Это наш дом! — бушевала малышка. — Наш! Твой и мой! Пусть уходит! Уходи, уходи, уходи! — она с громким криком набросилась на Балиана и стала бить его крепко сжатыми кулачками.

Лейан пыталась ее успокоить, но куда там! Этель трясло от злости и обиды, и в конце концов она расплакалась. Такие сильные эмоции было не под силу сдержать ни одному ребенку на свете.

Балиан, как ни странно, на эту бурю отреагировал довольно спокойно. Ни расстройства, ни злости на его лице не отразилось. Когда Этель отступила от него и, сев на пол, оглушительно разревелась, он нагнулся и несильно стукнул ее по макушке. Этель от удивления икнула и притихла.

– Вот научишься меч держать — тогда поговорим! — заявил Балиан и, возмущенно фыркнув, стал подниматься по лестнице на второй этаж.

Этель смотрела вслед Балиану, приоткрыв рот. Лейан подхватила ее на руки. Следовало дать понять, что подобное поведение неприемлемо, но Лейан знала, что сейчас это бесполезно. После такого плача Этель, без сомнения, провалится в сон и не запомнит ни одно из наставлений.

Около четверти часа ушло на то, чтобы приготовить ее ко сну. Этель уже не плакала, но, не переставая, сонно бормотала «пусть уйдет, пусть уйдет». Лейан уложила ее в кровать с тяжелым сердцем. Умом она понимала, что Балиан для Этель сейчас совершенно чужой человек, но столь сильная реакция заставляла думать о самом плохом. Что, если так будет всегда?

Когда Лейан вошла к себе в комнату, Балиан лежал на кровати с закрытыми глазами, но не спал. На его лице застыло нечто вроде тревоги, и это чувство явно не имело никакого отношения к Этель. Балиан был напряжен, казалось, он с минуты на минуту ожидает нападения и только притворяется безмятежным. Или что его что-то терзает, и он боится вопросов. Лейан не решилась спрашивать, в чем дело. К ней подкралось пока еще совсем робкое, неясное предчувствие, но оно было немедленно отогнано прочь. Слишком долго она ждала Балиана, чтобы в чем-нибудь сомневаться.

– Балиан?..

– Ты учишь ее обращаться с мечом? — спросил он, приоткрывая глаза и глядя в потолок.

– Еще нет, но она сама делает успехи. Особенно с ветками, — добавила Лейан, вспомнив, как браво Этель бросилась сегодня на ее защиту.

Балиан усмехнулся.

– Мы Юана с двух лет обучали... Надо заняться... Нет, это ж надо! — недоумевал он. — И в голову не залетало, что может...

– Никому не залетало, — улыбнулась Лейан. — Если верить записям, в роду Розенгельд никогда не рождалось девочек. Но что насчет вас, Балиан? — перевела она тему. — В Дилане теперь все в порядке? Как король Роланд? Артур, Ричард?

– Да чего им сделается, — проворчал Балиан. — У Артура еще один сын родился. Ричард все носится где-то, поручения Роланда выполняет... А Роланд, у него... Лейан, — вдруг без перехода сказал он. — Помнишь связующий пергамент? Ты никогда не думала о том, почему мы ничего не пишем?

Лейан села за стол и с силой сцепила руки.

– Конечно. Но что мы могли сделать? Оставалось только надеяться на лучшее. Я думала, вы слишком заняты и находитесь вдали от замка. Я была уверена, что если бы с вами что-то случилось, нам непременно сообщили бы об этом.

– Вообще-то, — Балиан приподнялся на локте и посмотрел в окно, — мы очень даже часто были в замке. А последние месяцы Кристиана вообще там заперли. Долгая история, потом расскажу... — он оглянулся, увидел побледневшую Лейан, снова плюхнулся на кровать и торопливо закончил: — Короче, мы не виноваты. Этот дурацкий пергамент давно украли.

– То есть... То есть как это украли?

– Откуда я знаю, — проворчал Балиан. — Но украли, так что плакала наша связь с Диланом. Надеюсь, Гволкхмэй на своем ничего не писал? Эй... Лейан?

Лейан расширенными глазами смотрела в одну точку. Первым ее порывом было бежать в Главную башню и предупредить Гволкхмэя или Тристана. Но она вспомнила о том, что они за эти годы написали на связующем пергаменте всего пару строчек, и обе эти строки были вопросами о военных действиях в Дилане, на которые спустя день исправно появились ответы. Значит, ничего страшного произойти не могло. Да и сообщения были только о том, что происходило между Асбелией и Ретилосом. Однако если пергамент был украден у Роланда, кто мог передавать эту информацию?

– Но надписи появлялись, — прошептала Лейан едва слышно. — Появлялись все это время.

Глава шестая. Происшествие в библиотеке

Пробираться через горы было тяжело. Даже на самом краю Запретной территории на любого дерзнувшего переступить заветную черту сваливалось множество самых пренеприятных ощущений, терзающих душу и тело. Вдобавок к этому, все вокруг завалило почти непроходимыми сугробами. Это было одной из особенностей Запретной территории: в независимости от того, что происходило в двух шагах от ее границы, здесь очень часто шел снег и стоял дикий холод.

И все же человеку в темно-красной тунике удалось пробраться через кромку этого ада и выйти в пустошь далеко от того места, где состоялась битва с воинами Рассвета. Получилось как нельзя удачно: там, где он, выбившийся из сил, пересек границу Запретной территории, как раз расположились трое отступников, двое из которых были ему хорошо знакомы.

– Посмотрите-ка! — один из них немедленно вскочил на ноги. — Фелир?

– Он самый, — невесело усмехнулся вновь прибывший.

Зажимая рукой кровоточащее плечо, он приблизился к ним вплотную. Со всех сторон в него впились любопытные взгляды.

– Присаживайся, — гостеприимно пригласил все тот же отступник. — Я, честно говоря, не поверил, что ты вернулся. Эй, ну и одежда у тебя! Заделался стражем Рассвета?

Фелир присел рядом, морщась от боли.

– Я думал, ты, Лигренд, всем все расскажешь, — кивнул он другому изгнаннику, с которым они имели несчастье напороться на Рэвенлира.

– Не успел, — пожал плечами старый приятель. — Пришлось добираться обходными путями. Эй, ты, исцели его!

Третий, щуплый и бледный черноволосый юноша лет семнадцати, послушно протянул руку к Фелиру. Полыхнуло яркое синее свечение, и в следующий момент раны как не бывало.

– Ну ты даешь! Новенький?

– Можно и так сказать, — хохотнул Лигренд.

Фелир посмотрел на юношу с любопытством. Ему доводилось испытывать на себе силу исцеления — среди отступников ее обладателей было не так уж и мало, только вот использовать дар умели далеко не все. Но даже среди двух умельцев, владеющих медицинскими познаниями, не было уникамов, способных вот так просто, без видимых усилий заживить серьезное ранение.

Уникум, однако, не обратил на его пристальный взгляд никакого внимания.

– Фелир дешево отделался, Сендергран, — поделился Лигренд. — Решил позабавиться, на свою голову, с мальчишкой-учеником... Что поделать, отсутствовал, не знал, как тут теперь дела обстоят.

– Если ты, Фелир, собираешься сказать, что тебя так ученик, то убирайся, — хмыкнул Сендергран — самый старший из группы, ему было уже за сорок.

– Очень смешно, — фыркнул Фелир. — Признаюсь, я недооценил полоумного воина Рассвета. Принял в расчет только Рэвенлира, Лигренд его не пропускал, так с чего бы мне было опасаться того, хилого?

– Это был Аррон, — хихикнул Лигренд. — Помнишь, Фелир, мы с Эриданом поймали мальчишку-преследователя? Эридан тогда еще его заживо разделал.

– И?

– Чего «и»? Это он и был! И твое счастье, что он нас в упор не помнит. Говорят, он из трупа Эридана сделал то еще месиво!

Лигренд залился смехом. Ему представлялось крайне забавным, что юный мальчик, который дожидаться не мог, когда Эридан смилостивится над ним и наконец убьет его, умудрился выжить и превратиться в самое настоящее чудовище. Счастливого спасение, жажда мести, ее свершение и падение отомстившего, — что и говорить, среди отступников трагедии такого рода происходили совсем не часто.

– Эридан мертв? — Фелиру было не до смеха.

– Ну да, — пожал плечами Сендергран. — Его убили в той битве у Эндерглида. Но черт с ним! — он подался вперед. — Рассказывай, зачем вернулся. Что, Ретилос оказался не так хорош, как говорили?

– Напротив, — Фелир блаженно улыбнулся. — Напротив... Конечно, слухи не ввали, в Дилане почти постоянно войны, но куда мы на нападающей стороне, нам это в одно удовольствие. Их правитель и в самом деле бредит Этериолом. Вы бы только послушали, как этот Астион перед нами рассыпался. Мы ни в чем не знали отказа! И цена за все это — всего лишь пара-другая слов об Эндерглиде или Градероне! Он даже не заставлял нас участвовать в войне, мы сами захотели.

Лигренд и Сендергран удивленно переглянулись. Черноволосый юноша, казалось, не слушал и недвижимым взглядом смотрел в танцующее пламя костра.

– Но тогда почему ты вернулся? — спросил Сендергран.

Фелир почему-то снова покосился на сидящего рядом целителя и медленно проговорил:

– Надо проверить кое-какие дела... После этого вернусь обратно в Дилан.

– Как у него все просто! — Лигренд поцокал языком, который Эридан в былые времена частенько угрожал вырезать. — Ты думаешь, тех, кто наступал с вами на Эндерглид, всех перебили? А вот и нет, как видишь, мы тут. И, между прочим, на Врата напасть пытались. Но теперь, черт возьми, даже тяжелее, чем раньше. Эндерглид, если не заметил, обзавелся стеной. Ума не приложу, как ты выбрался оттуда.

– Он обзавелся не только стеной, но и предателями, — откликнулся Фелир. — Так что это было не так уж и сложно. А благодаря этим тряпкам, — он дернул полу своей темно-красной туники, — местные не обратили особого внимания.

– Зато шум подняли! — возразил Лигренд. — Рэвенлир неспроста ошивался там, помни мое слово.

– К чертям твое слово, я и так знаю, что подняли шум. Но я все равно пройду. Это точно.

Говоря, Фелир разложил на земле свою устрашающую цепь и неспешно стал оттирать ее от крови. Его охватило легкое чувство досады при воспоминании об ученике, попавшемся в этот капкан. Золотистые волосы, серые глаза. Велик был шанс, что раненым был Розенгельд, на которого некогда объявили охоту — ходили слухи, что тот, кто прольет его кровь, сделает свое оружие непобедимым. Если бы только это случилось раньше! Теперь, раз уж его выпустили на поле боя, проклятие снято.

– Занятная у тебя штукавина, — вывел его из задумчивости голос Сендерграна. — Объяснишь, как сделать такую?

– Легко, — Фелир любовно погладил один из шипов. — И покажу, как обращаться — очень полезная вещь, даже в Дилане застает врасплох. Ну а вы взамен подсобите мне кое в чем. Идет?

– Давай, — не имел ничего против Лигренд. — Все равно тут скука смертная.

– Отлично! Для начала кто-то должен подойти к Эндерглиду. Мне нельзя, Рэвенлир мог меня узнать. Эй, нечего так на меня смотреть! — Фелир усмехнулся и тряхнул гривой вьющихся светлых волос. — Только и нужно, что узнать, что там сейчас происходит... Ну и попросить карты Этериола, Эндерглида, Градерона...

– А они существуют?

— Не знаю, не моего ума дело. Не существуют, и ладно. Глупость одна, — скривился Фелир. — Что толку от карт, если городов всего два? Пришли, смели то, что рядом — пошли дальше... Но Реас уперся. Подавай ему карты. Мы поймали одного из рассветных, попытали как следует, но что-то не верится, что он говорил правду.

— Кто такой Реас? — спросил Лигренд.

— Да сбежал из Этериола в незапамятные времена и подает Астиону идеи по поводу захвата, — Фелир пожал плечами. — Не знаю, чего конкретно он добивается, но с его помощью я здесь быстро управлюсь.

— Ты же сказал, что он сбежал, — наморщил лоб Сендергран. — Он вернулся с тобой?

— Нет. Но все мое путешествие... — Фелир вынул из-за пояса какой-то предмет, и по маленькому кругу отступников прошелестел изумленный вздох, — ...заранее прописано на пергаменте. — Он провел золотым пером по подбородку и убрал его обратно. — Ну что, кто исполнит волю написанного и отправится в Эндерглид?

Лигренд и Сендергран, ошарашенные, молчали. Черноволосый юноша продолжал неотрывно смотреть на костер, однако его лицо заметно побледнело.

Балиана мучили кошмары. Случись с ним это года два назад, он возроптал бы против собственного организма и из чистого упрямства не ложился бы спать. Но теперь многое изменилось.

Юан был не прав, когда назвал предполагаемое замужество Лейан его самым страшным кошмаром. Балиан всерьез из-за этого переживал, но уж если говорить о кошмарах, то Лейан, к счастью, ему никогда не снилась. К счастью — потому что его сны были полны крови. Для него, человека, которому обычно никогда ничего не снилось, это было тяжелым испытанием, хотя он и не хотел признаваться в этом самому себе. По ночам Балиана терзал самый настоящий бред, он просыпался в холодном поту, чувствуя в горле ком, и первые несколько секунд после пробуждения никак не мог сообразить, где находится. Не так давно, во время одного из привалов на пути к Вратам Заката, у него окончательно сдали нервы, и он спросонья ударил Юана, который пытался убедить его, что все кончено и следует успокоиться. Когда Балиан, наконец, понял, что к чему, то всерьез испугался своих действий. Ударить неосознанно, это, как сказал Кристиан, уже показатель.

Братья отнеслись к этому понимающе, зато Аргнейр без обиняков заявил, что если Балиан выкинет такой номер в отношении него, то расправа последует незамедлительно. Остальные градеронцы с ним согласились. Балиан их, конечно, не боялся, однако все равно чувствовал себя не лучшим образом. Кто мог поручиться, что в следующий раз он не бросится на Юана или Кристиана с мечом?

С тех пор Балиан спал еще тревожнее, а сны, как назло, становились все хуже. Одно и то же событие обрастало новыми кровавыми подробностями. Только поэтому Балиан на этот раз почти безропотно согласился лечь в кровать, полагая, что всему виной проклятая голова. Но если и так, пока это не помогло.

Он проснулся среди ночи, часто и прерывисто дыша. Руки дрожали. Тело колотил болезненный озноб. Такая слабость — хоть от кошмаров, хоть от чего, — была ему совершенно не свойственна. Что еще хуже, раньше это вызвало бы раздражение. Но теперь его затмевало иное чувство, больше походившее на отчаяние.

Балиан сел, отер со лба холодный пот и постарался вникнуть в обнадеживающую действительность. Он не на поле боя среди упавших колонн и разрушенных памятников, а в Эндерглиде. Он дома. Но что лучше всего — рядом Лейан. Балиан с минуту всматривался в ее умиротворенное лицо и даже немного позавидовал ее крепкому сну.

Решив еще раз попытать счастья, он лег и закрыл глаза, но буквально через полчаса снова вскочил. Он толком не помнил, что ему приснилось на этот раз, но его пробирал липкий, цеп-

кий ужас. Балиан с опаской покосился на Лейан, не толкнул ли он ее во сне — но нет, она мирно спала.

Балиан испытал двойственные чувства. С одной стороны, очень хотелось ее разбудить, но с другой — он боялся, что она спросит, что с ним творится. Врать Балиан не умел и не хотел, а рассказать правду был пока не в силах. Просто удивительно, думал он, каким слабым может сделать пребывание в Дилане. Хотя, случись подобное здесь...

Балиан тряхнул головой. Об этом было лучше не думать. И уж тем более не упоминать.

Не желая снова мучиться полудремой, он осторожно встал и, не одеваясь, вышел из комнаты. Сам не зная почему, свернул налево, без колебаний открыл соседнюю дверь и переступил порог.

Мебели в комнате было немного, но достаточно, чтобы найти по крайней мере два спальных места. Этель, однако, этим не удовлетворилась и вместе с одеялом и огромным рыжим котом в обнимку свернулась калачиком прямо на полу.

Балиан присел перед ней. Что делать, он понятия не имел. Вроде и нужно положить девочку в кровать, но ему бы, например, не понравилось, если бы его тащили с пола, спать на котором порой гораздо удобнее. Поэтому он просто устался на Этель в попытке примириться с мыслью, что это его дочь. Не то чтобы сознание этого было для него недопустимо, но за эти годы он почти не думал о ребенке. Десятилетний сон во льду многому его научил. Сейчас Балиан понимал, что это неправильно, но все произошло само собой: разум самовольно закрылся от предположений и надежд.

И все-таки, имея двух братьев и плюс к тому Демиана, Балиан даже в самых безумных фантазиях не мог вообразить рождение девочки. «Хотя, это ничего особенно не меняет», — думал он, глядя на разметанные по светло-синему ковру мягкие золотистые пряди. Лейан права, с веткой Этель обращается более чем хорошо, значит, при должной подготовке будет махать мечом не хуже него.

– Балиан?

Балиан встал и обернулся. На пороге комнаты стояла Лейан.

– Это не я, — поднял он руки.

Лейан улыбнулась, подошла к ним, подняла Этель и положила ее в кровать. Кот остался на полу, и это ему совсем не понравилось. Приоткрыв глаза, он лениво поднялся, недовольно фыркнул, запрыгнул на ложе к своей маленькой хозяйке и растянулся поперек нее.

– Это еще что? — оторопел Балиан, который как-то не подумал, что кот живой — пока Этель прижимала его к себе, он походил на игрушку.

– Кот. Зовут Балианом.

– Это шутка такая? — возмутился Балиан.

Этель пробормотала во сне что-то, похожее на «лапы». Лейан прижала палец к губам, и они вернулись в спальню. Там Балиан вкратце узнал историю появления в доме своего тезки, однако это трогательное повествование его не смягчило, а вызвало целую бурю ревности и негодования. Излить ее помешал только очередной приступ головной боли — впрочем, как и всегда, он был кратковременным.

– Почему колонна упала? — спросила Лейан, когда он лег в постель. — У них было кольцо преследователя?

– Нет... А может, да... Не знаю, — не хотел вспоминать об этом Балиан. — По собственной глупости, в общем, попал. Да.

Это признание еще больше встревожило Лейан. Чтобы Балиан так отзывался о себе? Совсем на него не похоже.

Но Лейан ничего не сказала. Возможно, всему виной было ночное время, а утром все предстанет совсем по-другому. Во всяком случае, хотелось на это надеяться.

Демиан тоже проснулся среди ночи, чего с ним обычно не случалось. Это было тем более странно потому, что, учитывая, сколько он потерял крови и сил, беспробудный сон должен был длиться, по самым оптимистичным расчетам, часов двенадцать. Но Демиан почему-то проснулся и некоторое время не мог уснуть, вспоминая прошедший день.

Еще вчера Демиан помнил отца лишь смутно. Помнил, что он был очень высоким, красивым и величественным, и у него были длинные-предлинные золотистые волосы, которые он по возвращении в Эндерглид сильно укоротил, что почему-то просто взбесило Балиана. В Главной башне, правда, висел портрет троих братьев Розенгельдов, но Демиан категорически отказывался признать своего отца в восемнадцатилетнем Кристиане. Конечно, сходство было, но характер, кроющийся в этом мягком взгляде и милой улыбке? Нет, он был совсем не таким.

Демиану стоило больших усилий не провалиться в сон до того, как он добрал до родного дома. Но вот, наконец, показалась знакомая калитка... Восторги Юана по поводу дома слышались ему очень смутно, мысли Демиана были уже внутри.

Порог...

– С возвращением, Демиан.

Демиан поднял глаза. Глупо было думать, что он не узнает своего отца. Воспоминания, спящие в нем, всколыхнулись потрясающим вихрем. Да, в них было немало грустного, но так много ценного.

Демиан удивился, когда голос не дрогнул — говорить с отцом для него всегда было нелегким испытанием — и эхом откликнулся, передав теплоту, которую он ощутил:

– С возвращением, отец.

Он уже совсем плохо осознавал, как, смеясь, Юан бросился обнимать счастливую Сату Рейту, как Кристиан обнял его за плечи и куда-то повел; как, заметив его перебинтованную руку, мать запаниковала и торопливо принялась за исцеление. Кажется, они сидели внизу и все вместе требовательно подгоняли Демиана, чтобы он выпил выданное ему вино. Демиан изо всех сил старался не ударить в грязь лицом, но его буквально вырубало, и, сколько он ни повторял себе, что вино — это крововосполняющее средство, и что он обязан осушить кубок, окончания вечера ему не вспомнилось. Должно быть, все-таки потерял сознание, и теперь встреча с отцом казалась сновидением, пришедшим на смену ночному кошмару о битве с отступниками. Однако рука все еще была в бинтах, и она твердо свидетельствовала о том, что по крайней мере битва — это чистая явь.

Демиан перевернулся на другой бок — рука предательски заныла, Сату Рейта не смогла исцелить ее полностью, ран было слишком много, — и стал в деталях вспоминать битву. Он тщательно фиксировал свои ошибки, старался придумать способы защиты от страшной цепи, перебирал все возможные и невозможные варианты, пытаясь ответить на вопрос, откуда ему известно лицо отступника.

Напряженные раздумья прервал тихий стук в окно. Демиан приподнял голову. Стук повторился.

Демиан тихонько вылез из-под одеяла и, накинув поверх рубашки тунику, босиком спустился вниз. На крыльце его ждал Рилан. Он подкидывал на ладони мелкую гальку, которой кидался в окно второго этажа, но стоило Демиану выглянуть, как друг бросил все и накинулся на него с упреками. Еще бы — мало того, что раньше него отправился на миссию (и с кем, с его отцом!), так еще и был геройски ранен. В глазах Рилана это приравнивалось к серьезному преступлению. Демиану стоило немалых трудов успокоить его.

– Ладно! — Рилан, переведя дух, плюхнулся на крыльцо. — Рассказывай. Испугался? Когда тебя ранили, — он с любопытством посмотрел на его забинтованную руку.

– Да... Наверное. Честно говоря, я тогда не думал об этом, больше всего боялся миссию провалить. А потом да, испугался.

– А я бы не испугался! — никак не мог отойти от обиды Рилан. — Нет, это форменное издевательство! Ты хочешь стать стражем, я воином, и что? На воинскую миссию отправляют сначала тебя!

– Ты прав. Но знаешь, Рилан, — взгляд Демиана немного затуманился. — Я очень рад, что так вышло... Все-таки мой отец вернулся, и я к этому моменту хоть чем-то отличился. Пусть меня и ранили, я все же не совсем проиграл...

– Ты вообще не проиграл! — Рилан ободряюще хлопнул его по плечу. — Мой отец, между прочим, очень тобой доволен, я подслушал. Говорил, что не должен одобрять подобного, но что ты совершенно правильно поступил, и если бы не это, закончиться могло бы в сто раз хуже. Для тебя, конечно, а не для них. Но какая разница? Отец редко кого-то хвалит. Но я в следующий раз так!.. Вот увидишь! Ну, рассказывай все подробно.

Демиан послушно поведал о встрече с отступниками. Пока он описывал детали столкновения, его снова посетило странное впечатление, что он где-то видел отступника с цепью. Он сказал об этом Рилану. Тот отнесся к его словам очень серьезно.

– Давай подумаем, — сказал он. — Он отступник. Где ты мог его видеть? Первое — в Градероне. Ну, я имею в виду, тогда, давно.

– Нет, точно нет, — сразу отмел этот вариант Демиан. — К тому же, у него светлые волосы.

– Значит, второе — в Эндерглиде, — продолжал Рилан. — Скажем, ты его видел, а потом его изгнали. Могло такое быть?

– Могло, но ведь в последние годы вроде бы не изгоняли таких...

Рилан был вынужден признать его правоту. За прошедшие четыре года изгнанию подвергли всего двух человек, и обоим было лет двадцать. Демиан же утверждал, что отступнику с цепью никак не меньше тридцати.

Некоторое время они молчали. У Демиана слегка закружилась голова, его стало клонить в сон. Все-таки он сильно недоспал. Он уже собирался сказать Рилану, что хорошо бы отложить беседу до утра, но тот вдруг вскочил на ноги и готов был заорать, однако, по счастью, вовремя вспомнил, что на дворе глубокая ночь, и зажал себе рот обеими руками.

– Слушай, я знаю, откуда ты его знаешь! — прошептал Рилан, кое-как справившись с эмоциями. — Пошли!

– Прямо сейчас? Но...

– Пошли! — Рилан топнул ногой.

Спорить в таких случаях с ним было бесполезно, а уж требовать объяснений — тем более. Кроме того, Демиану и самому не терпелось узнать ответ на мучивший его вопрос. Поэтому он сделал над собой усилие, заглянул ненадолго в дом, чтобы обуться — а заодно и убедиться, что его пробуждение не заметили, — тихо вернулся на крыльцо, и они с Риланом вышли со двора.

– Куда мы, Рилан?

– Увидишь!

Ночь выдалась очень солнечная, но холодная. Несмотря на то, что темноты в Эндерглиде никогда не бывало и почти всегда ярко светило солнце, в ночные часы почему-то было куда холоднее, чем днем. Демиан не взял плаща, и уже через пять минут пожалел об этом. Но вслух ничего не сказал.

Белые улицы были совершенно пустынные: в такой час люди, конечно, крепко спали. Демиану очень редко приходилось ходить по городу ночью, и картина была для него непривычной, завораживающей и вызывающей беспокойство. Казалось, они делают что-то запретное, хотя такого понятия, как комендантский час, в Этериоле не существовало. Рилан же, напротив, шагал очень бодро, и по дороге с удовольствием вспоминал, как сражался с «градеронским Розенгельдом» — так он называл отца Демиана. Под сражением подразумевался случай, когда Рилан с воинственным ором бросился на Кристиана, споткнулся, растянулся перед ним, и тот

тут же сказал, что сдается. Рилану тогда было всего шесть, но он до сих пор очень ценил эту «победу».

– Правда, я тогда упал немного, но все равно! Все боялись, а я так... Демиан, ты чего такой белый?

– Я слушаю, Рилан. Просто мне очень хочется спать. Это из-за руки... Из-за крови... Не страшно.

Рилану стало не по себе. Он вдруг понял, что друг действительно плохо себя чувствует и даже отдохнуть как следует не успел из-за его прихода. А теперь, не ровен час, и сознание на улице потеряет.

– Точно? — пробормотал Рилан с виноватым видом. — Ты это... Тут недолго... Дойдешь?

Демиан кивнул.

Рилан ускорил шаг, на всякий случай ухватив его за здоровую руку. Они уже прошли Главную башню и двинулись дальше. Демиан догадался, что они идут к библиотеке. Он удивился, но ничего не сказал. Рилан крайне редко шел этой дорогой по своей воле, поэтому не приходилось сомневаться, что идут они туда не просто так. Но сколько Демиан ни старался, никак не мог сообразить, чем библиотека может быть полезна в этом случае — тем более глубокой ночью.

Однако, как это ни странно, в библиотеке явно кто-то был. Охранник отсутствовал, но дверь была не заперта. Рилан без колебаний вошел внутрь. Демиан — за ним.

– Эксентар наверняка тут! — прошептал Рилан. — Я слышал, Тристан говорил, что...

Послышался стук. Демиан и Рилан машинально прильнули к стене, и вовремя — мимо почти пронесся Ангелор с охапкой книг. Он их не заметил.

– Не спится! — возмущенно прошипел Рилан, как только хлопнула входная дверь. — Что он тут делает в такой час?

– Да ладно тебе, — когда Демиан узнал, что вернулся Балиан, его душа успокоилась за Лейан, и он уже не испытывал былого беспокойства.

– Ты, Демиан, вообще... — Рилан хотел высказаться по поводу его мягкости, но в этот момент снова раздался стук.

Рилан прижал Демиана к стене. Буквально через секунду мимо почти на той же скорости, что и Ангелор, пролетел Нилендер.

– Ну, точно, не спится! — возмутился Рилан. — Этому-то чего? Ладно, пошли скорее, пока еще кто-нибудь не вышел...

Они быстро дошли до конца коридора и не без опаски заглянули в зал. Там царило полное запустение. Стол Эксентара, как всегда, был завален книгами, и на нем горело несколько свечей, но самого библиотекаря нигде не было.

– Спятил он, что ли? Сгорят его любимые книжонки дотла! И дверь открыта — заходи, не хочу...

Демиан аккуратно задул свечи, оставив только одну. Свет с улицы слабо освещал зал, и одного слабого огонька было достаточно для того, чтобы читать — если, конечно, Рилан пришел сюда именно за этим.

– Наверное, вышел в другие залы, — тихонько сказал Демиан. — Или уснул где-нибудь. Рилан, мне не по себе... Мы не должны тут находиться. Ночь же. Это против правил.

– Но мы же не вломились! — Рилан пожал плечами. — Дверь была открыта. И Ангелор с Нилендером тут были, значит, и нам можно. Ой! — встрепенулся он. — Ты присядь. Сейчас я тебе принесу твоего отступника!

Он схватил свечу и куда-то умчался. Ошарашенный таким обещанием Демиан опустился в кресло Эксентара. В любое другое время он бы остановил друга, но сейчас ему было худо. Очень хотелось спать.

Рилан вернулся быстро. В руках, кроме свечи, он держал пухлую книгу, из которой тут и там торчали закладки и какие-то листки. Демиану этот том показался знакомым. Присмотревшись, он понял — очередной сборник отчетов. Они с Риланом немало просмотрели их, готовясь к экзаменам.

— Вот, — Рилан бухнул книгу на стол. — Смотри! Описания отступников. Ищи своего!

Преодолев усталость, Демиан здоровой рукой принялся лихорадочно листать страницы. Вот почему ощущение, что отступник ему знаком, было таким странным и порождало такую неуверенность! Он никогда не видел его прежде, просто, видимо, представил по описанию... Этот том они с Риланом изучали довольно давно — Рилан тогда читал вслух, а Демиан фиксировал наиболее важные моменты, и именно поэтому, судя по всему, не смог вспомнить об этом при встрече с отступником.

Сердце Демиана забилось чаще. Описаний внешности отступников было не так и много, все они были занесены сюда скорее по случайности: вести подробный учет преступников никому и в голову не приходило. Демиан скользнул взглядом по общему списку, зашелестел листами... Вот и они, «Ушедшие в Дилан». И буквально вторым пунктом, сразу после неизвестного Торгрерда, значился некий Фелир. Краткое описание его внешности и впрямь в точности соответствовало тому человеку, с которым встретился Демиан.

— Это он, Рилан!

— Я же говорил! Ушедшие в Дилан? Врата все-таки открывались! — восторжествовал Рилан, очень гордый тем, что помог прояснить этот момент. — Это он! Он вернулся в Этериол!

— Но как... Надо сказать Тристану... Хотя... — Демиан растерялся. — Неужели они сами не проверили?

— Может, и проверили. Давай утром осторожно мысль подкинем, а то вдруг нам влетит, — Рилан неожиданно засуетился. — Слушай, не сможешь поставить эту штуку на место? Это с тех дурацких полок, где все по Святому языку расставлено...

Демиан улыбнулся и не без труда поднялся на ноги. Рилан поддержал его под руку, и они направились в одну из комнат, пройти в которые можно было только через главный зал. Там было темно, но слабого огонька свечи вполне хватало, чтобы разобрать таблички на полках.

— Так... Это следующий ряд, — легко определил Демиан. Способности к языкам у него были удивительные, а уж Святой язык он, начавший свое обучение в Градероне, знал лучше, чем кто-либо другой в Эндерглиде, за исключением, конечно, Сату Рейты, Эксентара и Тристана.

— Не может быть! — нахмурился Рилан. — Я взял его вот с этой полки или с этой, забыл просто, с какой именно. Не подумал запомнить.

— Значит, книга стояла не на том месте, — сказал Демиан. — Она должна быть в следующем ряду, точно. Видишь? Тут совсем нет отчетов. Здесь только история и словари.

— Может, ее Ангелор этот взял и сунул не туда? — предположил Рилан. — Ладно, умник, давай поставим на место, а то он на нас все потом свалит... Так куда там?

Демиан с семи лет был завсегдатаем библиотеки и легко ориентировался среди стеллажей. Он повернул налево и метров через пять завернул за первый ряд. Там стояла крошечная тьма. Но Демиан чувствовал себя здесь как дома и, не дожидаясь, пока Рилан посветит, направился вперед. Нужный стеллаж был совсем рядом. Шаг, еще...

Вдруг нога Демиана наступила на что-то живое. Раздался дикий визг. Демиан, споткнувшись, рухнул на пол. Чтобы не закричать, пришлось до крови прокусить себе губу: он не сумел упасть должным образом и приземлился прямо на раненую руку.

— Господи, Демиан! — Рилан, перепуганный до смерти, склонился над ним. — Что за... Черт, да это кошка!

Порядком взъерошенное пушистое создание недобро мяукнуло и принялось шумно вылизываться.

– Все Эксентар со своими кошками! — бесился Рилан. — Как будто им тут место! Демиан, ты как?

– Нормально, — Демиан утер кровь с подбородка тыльной стороной ладони. — Эксентар не пускает кошек в библиотеку, наверное, слу... Рилан! — вдруг вскрикнул он. — Посвети!

Не дожидаясь, пока растерявшийся друг выполнит его просьбу, Демиан здоровой рукой выхватил у него свечу. Внутри у него все похолодело.

На полу лицом вниз лежал Эксентар. Рядом сидели еще две кошки. То одна, то другая трогала библиотекаря лапой.

Демиан с трудом справился с ужасом. Он вернул свечу Рилану и дрожащей рукой прикоснулся к Эксентару. У него вырвался облегченный вздох: библиотекарь был жив.

– Что с ним?

– Не знаю. Крови, кажется, нет... Но надо срочно позвать медика! Беги, Рилан!

Рилан исчез с поразительной быстротой. Демиан, стиснув зубы от боли — бинты на руке после падения медленно, но верно стали пропитываться кровью, — постарался как можно осторожнее перевернуть Эксентара на спину. Демиан тронул его за плечо и позвал по имени. Ноль реакции.

Кошки около него тоскливо замяукали.

– Тише вы, — тихо сказал им Демиан. — Очнется... Должен очнуться...

Он прислонился к стеллажу, перехватывая здоровой рукой раненую. Ему совсем поплохело, во многом от страха за Эксентара. Демиан очень любил управляющего библиотекой. Он всегда был добр к нему и его матери, несмотря на то, что до смерти боялся градеронцев...

Боль усилилась. Демиану стало грезиться, что перед ним лежит не Эксентар, а Руэдейрхи. Во время затяжных приступов лихорадки у него бывало точь-в-точь такое же лицо.

– Демиан!

Демиан тряхнул головой, отделяясь от наваждения. В комнате уже горела далеко не одна свеча, а над Эксентаром склонилась его мать. Рядом изводился Рилан. Изумленный Демиан открыл рот, чтобы заявить, что, когда он говорил о медике, то имел в виду Тристана, но вовремя осекся. Рилан сделал правильный выбор. Если у Эксентара все-таки есть серьезные повреждения, спасти его сможет только Сату Рейта: Тристан почти никогда не пользовался своей силой для исцеления, у него просто не хватало энергии на это.

– Что с ним?.. — еле выговорил Демиан. Губы, как и все остальное, слушались плохо.

Сату Рейта не успела ответить. В комнату стремительно вошел Тристан. Кристиан и Элидон, пришедшие с ним, остановились на пороге.

– Вляпались, — вырвалось у Рилана.

– Не то слово, — подтвердил Элидон со своей извечной улыбкой, которая сейчас была особенно не к месту.

Сату Рейта выпрямилась, сказала Тристану несколько слов и подошла к Демиану. Ее взгляд пробежал по его руке, и лицо болезненно дрогнуло. Она положила ладонь на налитые кровью бинты. Пальцы полыхнули синим свечением, кровотечение остановилось. Боль прошла.

– Что с Эксентаром? — снова спросил Демиан. Голос у него предательски сорвался.

– Все будет нормально, не волнуйся. Иди домой. Тебе нужно лечь.

Демиан, опершись рукой о стеллаж, с трудом поднялся на ноги и неверными шагами направился к выходу из комнаты. Рилан знаками показал ему, что останется и попытается что-нибудь выяснить, а потом даст знать.

– Только, будь добр, не стучом в окно, — сказал Кристиан, легко распознав нехитрый шифр. — И не раньше полудня.

Рилан несколько смутился и пообещал соблюсти эти инструкции. Кристиан, пожалуй, один из всех людей на земле вызывал у него чувство робости, и он даже в ступор впал, когда

именно он открыл ему дверь. В раннем детстве все воспринималось как-то по-другому, но теперь сознание того, что этот человек хранит у себя оба Ключа, да еще воюет в Дилане, заставляло Рилана вести себя сдержаннее и особо не нахальничать, хотя очень хотелось.

Кристиан положил руку на плечо Демиана и повел его домой. Из его слов можно было заключить, что он прекрасно знал о его отлучке еще до того, как Рилан прибежал к ним и забарабанил в дверь, но когда Демиан посмотрел на него, в его взгляде не было ни малейшей тени вины или страха, только сомнение. Кристиан не удивился. Демиан во многом изменился — что и говорить, он вырос. Если прежде он был измученным, напуганным и очень несчастным ребенком, которому страшно не хватало отцовского внимания, то теперь все было иначе. Когда Демиан смотрел на Кристиана, в нем больше не появлялось ни намек на робость, а на его лице не читалось ни восторга, ни горького понимания того, как он далек от него. Демиан любил его, уважал и ценил, как и положено сыну — ни больше ни меньше.

Кристиан подумал о том, что его вынужденное отсутствие пошло мальчику на пользу. Было немного тяжело сознавать это, но будь он всегда рядом, Демиан вряд ли смог бы стать таким — живым, вполне уверенным в себе и более чем готовым получить воинский статус.

– Надеюсь, с Эксентаром все будет хорошо, — пробормотал Демиан. Он был подавлен.

– Уверен в этом. Сату Рейта никогда не обнадеживает зря. Демиан, причины вашей с Риланом ночной прогулки не заинтересовали бы меня, если бы она не закончилась в библиотеке... Не хочешь сказать мне, что вы там делали?

– Отступник, который меня ранил, показался мне знакомым, — проговорил Демиан немного рассеянно. — Я никак не мог понять, где его видел. Тогда Рилан сказал, что знает, где, и привел меня в библиотеку. Оказывается, в одном из отчетов было описание внешности... И тот, кого я видел, вернулся из Дилана! — вдруг встрепенулся он. Когда Демиан увидел Эксентара, лежащего на полу, эта важная деталь начисто вылетела у него из головы.

– Кто это был? Там указано имя?

– Фелир.

Кристиан сжал плечо Демиана сильнее, и он невольно дернулся от боли. Пальцы Кристиана разжались.

– Прости, Демиан.

– Ничего. Я знаю, все... серьезно...

Демиана сильно качнуло, но прежде, чем Кристиан успел поддержать его, он восстановил равновесие и ускорил шаг. Представать перед отцом бессильным и беспомощным ему совсем не хотелось.

Дома он даже не нашел в себе сил подняться на второй этаж и почти рухнул на диван в гостиной. Кристиан стал снимать с его руки окровавленные бинты, чтобы наложить новую повязку, но это Демиан ощущал уже крайне смутно.

– Отец?... — успел сонно проговорить он до того, как окончательно отключиться. — Я так рад, что ты вернулся.

Глава седьмая. Загадочный визитер

Сделав шаг через порог и оглядев большую комнату, Тристан невесело усмехнулся:

– Кажется, в Дилане такое называют госпиталем?

Рейте оставалось только развести руками. Картина и впрямь была безрадостной: на диване, завернувшись в одеяло, примостился бледный Демиан, глаза которого то и дело норовили закрыться, в одном кресле полулежал с кислой миной Балиан — Рейта как раз заканчивала его осмотр, — а в другом сидел Сантерил. Сату Рейта успела немного ему помочь, но все равно на него нельзя было смотреть без ужаса и сострадания из-за огромного количества устрашающих шрамов.

– Я, конечно, сказал тебе, что мне все равно и пусть само заживает, — сказал Сантерил в ответ на пристальный взгляд Тристана. — Но по дороге домой меня пять раз пытались схватить и отвести обратно к тебе. А потом моя мать сделала вывод, что тебе на меня наплевать, и разрыдалась.

– Буду знать, как заставлять вас лечиться, — ответил Тристан. — Как Эксентар, Архаил?

Архаил, старший сын Рэвенлира, в свои тринадцать лет уже был хорошим помощником медиком. Он несколько лет учился у Тристана, а в последние годы частенько заходил к Рейте, которая некогда спасла его от смертельной болезни и вернула ему голос, и пополнял свое образование ценными градеронскими познаниями. Однако пока Тристан не доверял ему ничего больше, чем присматривать за теми, кого он уже осмотрел.

Эксентара доставили к Сату Рейте ночью, он спал в гостевой комнате.

– Никаких изменений, — сказал Архаил.

– Понятно.

Тристан опустился на свободное место и оглядел присутствующих. Архаил, Демиан, Балиан, Кристиан, Юан, Рейта, Лейан и Сантерил. Тристан и Гволкхмэй были полностью уверены, что среди них нет предателей. В круг доверенных входило еще несколько лиц, но, если подумать, их было не так много, как хотелось бы.

– Нилендер и Ангелор допрошены, — сказал Тристан. — Подозревать их нет веских оснований.

– Что?! — Балиан было взвился на ноги, но Кристиан на полпути вернул его на место.

– Знаю, выглядит странно. Но если брать их под подозрение, с тем же успехом можно добавить в список подозреваемых Демиана и Рилана. Ходить в библиотеку ночью не запрещено, по крайней мере, если там есть Эксентар, что, понятно, бывает редко. Нилендер был занят правительственными делами, ему понадобились кое-какие документы — вот он и попросил Эксентара помочь ему. Важность данных документов лично подтверждена мной, я сам велел заняться этим как можно быстрее. Что касается Ангелора, у него тоже были причины для позднего визита. Кроме того, — жестом остановил он готовящиеся возражения, — в последнее время Ангелор часто помогал Эксентару и смог указать, что именно пропало из библиотеки. Мы спросили еще нескольких человек — они подтвердили слова Ангелора.

– Как вы вообще допустили этого козла до власти! — вспыхнул Балиан.

– Его отец уже давно занимает видное место и ни разу не дал повода в себе усомниться. Конечно, когда Эридана приговорили к изгнанию, это стало тяжелым ударом для их семьи. Потом — предательство Ангелора. Не в чем упрекнуть Альдерана, он постарался сделать все возможное, чтобы по мере возможностей вернуть роду прежнее положение. И, уверяю, это забота именно о роде, а не об Ангелоре. Альдеран не верит ему. Поэтому, несмотря на высокое положение, власти Ангелор не имеет ровным счетом никакой, да и к правительственным делам имеет отношение лишь косвенно.

– А что пропало из библиотеки? — спросил Демиан. — И что с Эксентаром?

– Думаю, его отравили, — ответил Тристан. — Никаких физических повреждений нет. Из библиотеки взяли старые наброски карт. Ничего особенного важного.

– Для вас — ничего, — откликнулся Сантерил. — Для отступников, наверное, тоже. Многие и так помнят, как здесь и что. Зато Ретилос давно бредит картами Эндерглида, Градерона и Этериола в целом.

– Это правда, — подтвердил Юан.

– И все же, — Тристан сохранял спокойствие. — Пусть они узнают точное расположение башен и так далее, как это им поможет? Если им удастся пройти через Врата, так или иначе будет битва. А карты — это просто предусмотрительность.

– И все-таки из-за них Сантерила знаешь, как! — сжал кулаки Балиан.

Все взгляды тут же устремились на Сантерила. Тот, не меняясь в лице, показал далеко не приличный жест, подхваченный в Дилане. Всеобщее внимание порядком его раздражало.

– Сейчас я тебе пальцы переломаяю, — пригрозил Балиан.

– Скажи это своей дочери, — сказал Сантерил, указывая вперед: Этель, подглядывающая за происходящим из коридора, смотрела на свою ладошку, старательно складывая пальцы так же, как Сантерил.

Балиан, недолго думая, вынул из-за спины подушку и с размаху запустил ей в девочку. Этель с визгом метнулась в сторону.

– Балиан, так нельзя! — немедленно вмешался в воспитательный процесс Тристан.

– А по мне, это самое... — Балиан не договорил: подушка вернулась к нему, попав точно в голову.

Все засмеялись. Этель прошла мимо с победоносным видом, и Кристиану и Юану пришлось хорошенько постараться, чтобы удержать Балиана от мести.

– Так или иначе, — сказал Тристан, когда все успокоились, — сейчас главное — привести Эксентара в чувство и выслушать его. Мы с повелителем полагаем, что из библиотеки могло пропасть еще что-нибудь. Но даже если все это связано с Ретилосом, главной нашей задачей было и остается охранять Врата Рассвета.

На этом разговор завершился.

Следующие дни прошли без особых происшествий, разве что атмосфера в Главной башне стала еще более гнетущей. Однако Балиан, Кристиан и Юан этого не заметили. Балиан был освобожден от дежурств из-за травмы, Юан, вытребовав себе право на одиночную разведку, умчался, как подозревали братья, к Градерону, ну а Кристиан давно разучился обращать внимание на подобные вещи.

Зато Лейан приходилось совсем несладко. Помимо всего прочего, она очень беспокоилась из-за Эксентара, рассеянность Балиана и его видимая отстраненность вызывали самые нехорошие подозрения, и, кроме того, его возвращение Ангелора совсем не смутило, он продолжал заступать ей дорогу всякий раз, как только выдавался случай. Он стал заметно настойчивее, а имя Балиана всегда пропускал мимо ушей. Когда Лейан после подобных разговоров возвращалась домой и видела Балиана, равнодушно сверлящего взглядом стену, настроение падало сразу на несколько градусов.

Прошло больше недели после возвращения, и теперь можно было совершенно точно сказать: что-то не так. Балиан действительно был сам на себя не похож. Раньше бы он, презрев запреты Тристана и Рейты, попытался схватиться за меч, отвечал бы на выходки Этель возмущением, вел бы себя оживленно. Но он делал лишь робкие попытки, встречал поражение и тут же сдавался — вставал с намерением поймать Этель, которая терроризировала его в надежде, что он оставит ее и Лейан и уберется куда-нибудь подальше, но, вдруг изменившись в лице, снова ложился в кровать и затуманенным взором созерцал стену или окно. Вскоре даже неугомонной Этель это надоело, и она стала, как прежде, убегать на улицу или в гости к Демиану.

Балиан вспоминал о ней, когда ловил себя на мысли, что вокруг слишком тихо, а это бывало редко.

В конце концов Лейан не выдержала и втайне ото всех спросила Кристиана:

– Что творится с Балианом? В Дилане что-то случилось... Да?

Кристиан некоторое время молчал, глядя в сторону. Потом перевел взгляд на Лейан и мягко, понимающе улыбнулся.

– Да. Но я ничего не скажу. Об этом он должен рассказать сам.

– Он не собирается, — сердце Лейан екнуло — что же такого могло случиться?

– Ему нужно время. А потом, уверен, он все тебе объяснит. Пойми, ему тяжело — помимо прочего, он, оказывается, все это время был серьезно ранен и умудрился скрыть это от нас. Неудивительно, что сейчас он в прострации.

– Это как-то связано с Розеттой?

Это вырвалось у Лейан само собой, и ее рука невольно рванулась к губам, но было поздно.

Кристиана вопрос удивил.

– Ты о любовнице Роланда?.. Ну да, в какой-то мере.

Он хотел добавить, что хорошо бы Лейан все-таки дождаться обстоятельного рассказа, но она торопливо поблагодарила его и почти бегом рванула прочь.

В тот же вечер Кристиан спросил у Балиана, не собирается ли он прояснить ситуацию, но тот пробормотал нечто невнятное в том смысле, что не хочет об этом думать.

– Где твое мужество, Балиан? — упрекнул его Кристиан.

– Где-то в Дилане, — пробурчал Балиан и уточнил: — На кладбище.

– А где твоя дочь?

Балиан рассеянно огляделся и сделал вывод:

– Не знаю, — после чего снова уставился в стену.

– Балиан, посмотри на меня.

Балиан перевел взгляд на Кристиана, вздрогнул и вдавился в спинку кресла. Старший брат давно не улыбался ему своей страшной улыбкой, и это вмиг его отрезвило.

– Пойдем, поищем, — улыбаясь, предложил Кристиан. — Лейан расстроится, если к ее приходу она не будет дома.

Балиан враз стал многим живее и послушно поднялся на ноги, но всю дорогу до сада, где Кристиану почему-то вздумалось искать Этель, непрерывно ворчал, что девчонке все равно нет до него никакого дела и она его не послушает. Кристиан на это логично заметил, что ребенок своенравный, и в такой реакции нет ничего удивительного.

Они дошли до сада и побрели по знакомым дорожкам. Народу было достаточно, многие подходили к ним поздороваться. На все приветствия отвечал только Кристиан, а Балиан только недовольно морщился и прикладывал руку ко лбу. Раньше он бы непременно рявкнул на тех, кто подходит просто поболтать и получить долю внимания легендарных стражей Рассвета, но теперь у него просто не было на это сил. Несколько ночей он почти не спал, мучаясь кошмарами, голова по-прежнему частенько побаливала, а в мыслях царил полный сумбур. С каждым днем в нем словно бы что-то угасало.

Балиан и Кристиан направились к маленькому озерцу, которое за время их отсутствия превратилось из крохотного чистейшего водоема в довольно большой пруд, затянутый тиной.

– И куда смотрели? — поморщился Балиан, недовольный этой переменой.

– Тут, наверное, случилось что-то глобальное.

Зеленая мутная вода кругом огибала небольшой островок с несколькими молоденькими деревьями. К нему вели каменные плиты, или, точнее, столпы, вонзенные в дно и образующие своеобразные ступени, по которым можно было добраться от берега до островка. На одной из них, почти в середине озера, стояла Этель. На следующей ступени, нервно подергивая хвостом, сидел огромный рыжий кот.

– Чем занимаетесь? — вдруг встрял между Кристианом и Балианом Юан.

– А мы думали, ты переместился в Градерон, — хмуро бросил Балиан.

– Да нет, зачем, я только Ареса повидал — и обратно... Так что тут творится? — Юан поглядел на берег и нахмурился.

Кристиан и Балиан проследили за его взглядом. Они не обратили внимания на то, что на берегу пруда, у самой первой ступени, сидели двое мальчишек лет шести и с любопытством следили за Этель. Время от времени то один, то другой выкрикивал что-нибудь вроде «все равно не достанешь!»

– Затащили туда этого дурацкого кота, — первым сообразил Балиан.

Юан заметно успокоился и хотел уже криком обнадежить Этель, что кот не пропадет и при желании легко доберется до берега, но в этот момент девочка, решив, что без помощи ее верный друг не справится, прыгнула вперед. Мальчишки на берегу захохотали, однако в следующий момент их смех резко оборвался, и оба испуганно вскочили на ноги: Этель не рассчитала расстояния, приземлилась на самый край опоры, опасно качнулась и стала падать. Она инстинктивно попыталась за что-нибудь схватиться, но на ступени был только кот. Она задела его и вместе с ним упала в воду, подняв фонтан брызг.

– Идиоты! — заорал Балиан. — Убей их, Кристиан! Юан, хватай кота!

Сам он, на ходу скинув плащ, с разбегу прыгнул в пруд. Юан последовал его примеру. За время, прошедшее в Дилане, они оба научились плавать. У Юана это получалось гораздо лучше, но и Балиан мог удержаться на плаву. Кристиану же это умение не далось ни в каком виде.

Вода была устрашающе мутной и полной водорослей. Балиану удалось найти Этель достаточно быстро, но несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы вырвать ее из зеленых зарослей, которые тянулись от дна к самой поверхности. Балиан хотел тут же выбраться на одну из ступеней и уже по ним добраться до берега, но его голову в очередной раз пронзила боль. От неожиданности он дернулся и сам чуть не ушел с головой под воду. Этель, кашляя, вцепилась в него с испуганным криком.

До берега пришлось добираться вплавь, в противном случае Балиан рисковал приложить Этель об камни, если боли вздумается накрыть его в самый неподходящий момент. К счастью, расстояние было совсем небольшим, и через минуту Балиан с Этель на руках благополучно выбрался на берег. У него уже звенело в ушах от воплей девочки — та голосила на всю округу, требуя достать из воды кота.

– Да тут твой кот! — рявкнул Балиан.

Юан и впрямь выбрался на берег в обнимку с котом. Спасение утопающего досталось ему куда большей ценой, чем Балиану: кот спастись решительно не желал и жестоко исцарапал лицо и руки своего спасителя.

Этель тут же заключила в объятия своего отчаянно мяукающего любимца и оглушительно разревелась.

– Ладно, хватит, сейчас весь Эндерглид сбежится, — проворчал Балиан, заворачивая ее в протянутый Юаном сухой плащ. — Кристиан, я не понял, где трупы?

– Излишне, — сказал Кристиан. — Поверь, больше они и не подумают подразнить кого-нибудь, — и он улыбнулся.

– Милосерднее было бы убить, — ухмыльнулся Балиан. — Чего это с ней?

Этель на его руках закрыла глаза и обмякла. Кот с мурчанием потерся о ее лицо. Девочка слабо что-то пробормотала, но глаз не открыла.

– Перепугалась и вымоталась, — легко определил Юан, потирая саднящие царапины на щеках. — Нужно побыстрее отнести ее домой, а то здесь довольно ветрено, вдруг простудится? Да и мы тоже.

К моменту их прихода Лейан уже вернулась из Главной башни. Вид у нее был совсем невеселый, а когда она узнала, что произошло с Этель, то еще больше взволновалась и расстроилась. Вдобавок, Балиан как-то незаметно растерял нахлынувшее было воодушевление и вернулся в прежнее состояние. Он лишь изредка встряхивался и спрашивал, как Этель — Балиан совершенно искренне переживал, но ему было сложно постоянно держать при себе мысли о девочке. Контроль мыслей теперь вообще давался ему с огромным трудом.

На следующий день после происшествия у пруда очнулся Эксентар. Все с нетерпением ждали его рассказа, и даже Гволкхмэй, на дух не переносивший библиотекаря из-за схожести с Руэдейрхи, пришел навестить его.

Однако Эксентар не смог ничего толком объяснить. Он очень удивился и испугался, обнаружив себя в скверном состоянии, да еще в доме Сату Рейты.

— Не знаю, что произошло... — с трудом выговорил он необычно низким, хриплым голосом, когда ему в общих чертах объяснили, что стряслось. — Помню, приходил Нилендер... За...

— Мы знаем, за чем, не тяни! — потребовал Гволкхмэй.

— И Ангелор, кажется... Не помню, что он просил... Я был занят... Просматривал перечень для Нилендера и разрешил Ангелору самому поискать, что нужно... Кажется, он принес мне книги... На проверку, можно ли взять. Одну я не разрешил...

— Что это была за книга? — спросил Тристан.

— Отчеты последнего времени, — пробормотал Эксентар и кивнул в сторону Демиана, который, уже полностью исцеленный Сату Рейтой, тоже в волнении прислушивался к нему. — Я давал их Демиану...

— Да, я видел, — сказал Тристан. — Ученики в подобных случаях приравниваются к имеющим статус, — объяснил он порядком смущенному Демиану. — Во всяком случае, если дело касается обычных отчетов.

— Они ушли, а я пошел отнести отчет обратно... — язык у Эксентара заплетался, он, тяжело дыша, откинулся на подушку.

— Как? — вырвалось у Демиана.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — вмешался Тристан.

— Там был Балиан... — пробормотал Эксентар с закрытыми глазами.

— Что?

— Он бредит, — первым пришел в себя Тристан.

Но Эксентар вдруг распахнул глаза и запротестовал:

— Нет!

— Должно быть, ты видел Демиана? — спросил Кристиан. — Это он нашел тебя.

— Нет, это был Балиан! — повторил Эксентар неожиданно твердо. — Я бы мог перепутать его... С вами... Но вы носите темную одежду, а ваш младший брат забирает волосы в хвост... И я видел его до того, как... Я стоял на ногах!

— Что Балиан делал в библиотеке? — спросил Тристан, сделав остальным знак молчать.

— Спрашивал... Где карты...

Эксентар снова сомкнул веки и не то провалился в сон, не то потерял сознание, оставив слушателей в полном недоумении.

— Это невозможно! — потрянул головой Демиан.

— Разумеется, — спокойно проговорил Кристиан. — Балиан в библиотеке даже в дневное время — это из рода еретических сказаний, в которых, как утверждает король Роланд, нет ни слова правды.

Все усмехнулись. По общему мнению, в словах Эксентара многое не сходилось — например, если предположить, что некто действительно зашел в библиотеку и спросил Эксентара о картах, он должен был сделать это до того, как библиотекарь ушел возвращать на место отчет,

иначе Демиан и Рилан увидели бы его. И все же Кристиан решил спросить Балиана, что он думает по этому поводу.

Сату Рейта осталась присматривать за Эксентаром, Гволкхмэю пришлось вернуться в Главную башню, а Кристиан, Тристан и Демиан, получивший на то разрешение, перешли в соседний двор и вскоре уже были в доме Балиана и Лейан.

Настроение в уютной обители царило далеко не приподнятое. Этель все-таки простудилась, причем достаточно серьезно, а Балиан, по заведенному обыкновению, был погружен в мрачное, отчужденное молчание. Это было так странно, что Тристан, осмотрев Этель и дав Лейан ряд указаний и рекомендаций, направился напрямик к нему и, сев напротив, настойчиво спросил:

– Что с тобой творится, Балиан?

– Ничего.

Брови Тристана свелись к переносице: он ни на секунду ему не поверил и был намерен добиться ответа.

– Придется сказать.

– Спится плохо, — бросил Балиан, чтобы отвязаться от расспросов.

На этот раз не верить ему причин не было: у него и впрямь был измученный вид.

– Сейчас — понимаю, ты тревожишься из-за Этель... — Балиан пробормотал что-то о «маленьком чудовище», — ...однако, судя по всему, бессонница у тебя началась задолго до вчерашнего дня. Так в чем же дело? Болит голова?

– Нет у меня бессонницы.

– Кошмары? — продолжал расспросы Тристан.

Балиан насупился и ничего не ответил. Встревоженный таким нехарактерным для него поведением, Тристан с трудом удержался от того, чтобы переглянуться с Лейан или Кристианом. Но Кристиан и сам был удивлен, а Лейан и без того знала, что сны Балиан видит отнюдь не радостные. Ночуя с ним в одной комнате, это сложно было не заметить. Но что конкретно он видел, оставалось тайной: во сне Балиан не разговаривал, а делиться впечатлениями по пробуждении, понятно, не спешил.

– Лечи мелкую! — наконец заявил он, и на мгновение снова стал похож на прежнего себя. — А меня не трогай, со мной порядок.

– Ну хорошо, — Тристан поудобнее устроился в кресле, мысленно отложив беседу с ним до лучших времен. — В таком случае, к делу. Что ты делал ночью в библиотеке?

Балиан уставился на Тристана с таким видом, словно тот вдруг заговорил на совершенно нелепом, неизвестном науке языке.

– Что? Где-где?

Тристан в подробностях рассказал им с Лейан о том, что они узнали от Эксентара.

– Отвечай же, Балиан, — с улыбкой сказал Кристиан. — Не то возьмут — и обвинят.

– Да это идиотизм какой-то, — проворчал Балиан. — Я бы туда и днем не пошел.

– В любом случае, велик шанс, что в библиотеке был еще кто-то, — кивнул Кристиан. — Тем более что вопрос был именно о картах. Эксентар сказал, что мог перепутать Балиана — ну или кого он там увидел — только со мной, значит, этот кто-то был довольно высоким, с длинными распущенными волосами.

– В Эндерглиде не так много людей с похожим оттенком волос, — задумчиво проговорил Тристан. — Действительно, надо поразмыслить на этот счет. Когда Эксентару станет лучше, расспросим его поподробнее...

– Расспросить нужно, — сказал Демиан.

– Чтобы мы делали без твоего одобрения! — Балиан дружелюбно толкнул его локтем. Когда он увидел Демиана впервые после долгой разлуки и узнал, что тот вот-вот попытает

счастья в получении воинского статуса, то пришел в восторг и пригрозил страшной карой в случае неудачи.

– Да нет, — Демиан слабо улынулся. — Просто Эксентар сказал, что пошел возвращать тот отчет...

– И?

– Отчет не мог стоять в той комнате, — уверенно проговорил Демиан. — Эксентар не мог перепутать.

– Ты точно знаешь, что не в той? — Тристан внимательно посмотрел на него.

Демиан подумал, прежде чем ответить, но когда заговорил, голос его звучал твердо:

– Да, точно. В той комнате стоят книги, которые классифицировали по Святому языку. А на том отчете пометки не было, значит, она должна стоять в другом месте.

Тристан некоторое время молчал, обдумывая его слова. В происшествии появлялось все больше странных деталей.

– Ладно, нужно ждать, когда Эксентару станет лучше и он сможет вспомнить более точно. А теперь мне бы хотелось поговорить с Балианом.

Балиан не отреагировал. Лейан очень хотелось остаться при этом разговоре — о чем он мог быть? — но, едва она сделала шаг к креслу, Тристан строго посмотрел на нее. Лейан не оставалось ничего иного, кроме как уйти с Кристианом и Демианом.

– Не волнуйся, Лейан, — сказал Кристиан. — Я уверен, что Тристан просто хочет подробнее обсудить состояние Балиана.

– Мне бы и самой хотелось знать, что с ним творится. Он сам на себя не похож...

– Я заметил. Кажется, когда он сражается, все замечательно. Он был не в лучшем состоянии, но когда они отправились спасать Сантерила, показалось, что с ним все в порядке... Да и когда мы пошли искать Этель...

– Значит, дело все-таки не в ранении, а эмоциях, — грустно проговорила Лейан. Она уже не знала, что думать по этому поводу.

Балиан не заметил, как ушли Кристиан, Лейан и Демиан. Когда Тристан заговорил, он вздрогнул и заозирался, словно вдруг удивился, где это он находится, а потом тупо воззрился на советника.

– Балиан, ты осознаешь, что странно себя ведешь?

– Я? Нет, — возразил Балиан без особого энтузиазма. — Просто мне пока того... Плохо. Не спится!

– Ты уже говорил. То есть, кошмары?

– А хоть бы и так, — огрызнулся Балиан, счастливый, что его не слышит Лейан. Ему было невдомек: она знает о почти каждом его пробуждении.

– Ты сам на себя не похож. Всему виной война в Дилане?

Балиан с минуту смотрел на него мутным взглядом. Война... Должно быть, она и впрямь была ужасной, но он точно не знал. Для него обе войны, в которых он участвовал, сводились только к сражениям. Он забывал обо всем на свете, когда держал в руках меч.

– Война тут почти не при чем, — сказал он, когда Тристан уже потерял надежду услышать хоть какой-нибудь ответ.

– Почти?

– Ну да. Как-то раз они дошли до столицы... Роланд ушел со своим войском, он и не знал, его предали... Кристиан сказал, ложную информацию подсунули... И мне пришлось сидеть в замке с...

Черты его лица вдруг дрогнули, он плотно сжал губы и больше ничего не сказал. Тристан решил не спрашивать дальше.

– Хорошо, — сказал он. — Помни одно, Балиан. Если почувствуешь необходимость, немедленно обращай ко мне. Что бы там с тобой ни стряслось, нельзя забывать и о том, что

ты перенес серьезное ранение. К тому же, учти, что эмоциональные раны лишь немногим безопаснее, а иногда и... В общем, ты должен отнестись к этому серьезно. Запомни это. Кристиан и Юан знают, в чем дело?

– Угу.

– Что ж, раз они не смогли тебе помочь, то, наверное, никто не сможет. Или, может, тебе стоит рассказать Лейан?

Балиан помотал головой. Ему не хотелось даже думать об этом. Казалось, что с последними фразами, из которых сложится эта невеселая история, исчезнет и любовь Лейан к нему. А если и не исчезнет, то причиной тому будет только жалость.

– Как знаешь, — Тристан нахмурился. — И последний вопрос. Не кричи и подумай, прежде чем ответить. Из-за того, что с тобой творится, я просто обязан допустить такой вариант... Ты не страдаешь провалами в памяти?

Балиан удивленно моргнул и рассмеялся — прежним смехом, какой часто можно было слышать до того, как они с братьями отправились на первую миссию в Дилан.

– Если бы и страдал, в библиотеку вашу дурацкую не пошел бы, — кое-как успокоившись, фыркнул Балиан. — Но если серьезно, это ты зря, — с обидой добавил он. — Я в полном порядке. Мне просто не спится.

И он озадаченно коснулся пальцами виска, будто бы размышляя над тем, что творится в его голове и почему мысли с каждым днем все больше отказываются его слушаться.

Глава восьмая. Планы Ретилоса

Золотое перо аккуратно выводило на пергаменте ровные строки. Каждое написанное слово вспыхивало неярким светом и тут же гасло. Свободное место стремительно убывало.

Реас раздраженно откинул с лица длинные седые волосы и, скрипнув зубами, понижая склонился над записями. Он выполнял поистине ювелирную работу, стараясь уместить свой замысел на оставшемся пространстве. Свиток с золотым пергаментом на первый взгляд всегда казался внушительным, но на деле хватало его ненадолго, да и перо заканчивалось быстрее, чем можно было исписать пергамент. Однако в руках у Реаса было уже далеко не первое перо, как и пергамент, поэтому остатки золотого стержня рассыпались в прах лишь после того, как он вывел в уголке последнее слово своего очередного сочинения.

Реас внимательно перечитал написанное и нахмурился. Он представлял себе, как должна выглядеть идеальная запись, и был очень недоволен тем, что у него получалось. И, увы, он понимал, что дело не совсем в нем. Для идеальной записи правильно составленных предложений было мало... Да, мало. Чтобы все прошло именно так, как задумано, нужно еще кое-что, и отчасти именно поэтому почти все похитители пергамента терпели сокрушительные неудачи. Насколько просто все было, и никто, никто за все эти годы даже не подумал о столь очевидной детали! Только он, Реас, сумел разгадать эту тайну и найти ее подтверждение, которое, к сожалению, несколько лет назад украли. Впрочем, это было не так и важно, ведь слабаки из Этериола давно отказались от использования пергаментов и перьев, а те, кто рвался завладеть сокровищами, были единичными оборванцами, возомнившими себя черт знает кем. Реасу не прибавляло гордости, что он знает то, чего не знают они. Строго говоря, он вообще не считал их за людей.

В дверь постучали условным сигналом. Астион. Но Реас на всякий случай спрятал пергамент и лишь после этого разрешил войти. Достаточно было того, что эндерглицкому мальчишке помогли сбежать, а он мог рассказать своим приятелям немало интересного. Астион уверял его, что пленник не имел никаких шансов выжить, что он был фактически мертвым, когда его приволокли к виселице, но Реас только морщился, поражаясь его тупости. Сам он с ранней юности был свято уверен: никогда нельзя утверждать таких вещей, пока лично не увидел окоченевший труп. Поэтому он исходил из того, что этериольцы, по крайней мере, знают его имя и то, что у него есть пергамент и перо. Не слишком много, но все равно неприятно.

Астион вошел в маленькую, роскошно отделанную комнату, закрыл за собой дверь и смущенно замялся. Реас, глядя на него, хмыкнул. Король Ретилоса во всей своей красе! Что бы случилось со страной, если бы не его участие?

– На твоём месте я бы снова подкрасил волосы, — проговорил Реас с саркастической усмешкой. — Пока Роланд не принял тебя за дьявола и не воспытал жадной борьбы.

– Ему сейчас не до этого, — пробормотал Астион, но краем глаза все-таки глянул в зеркало. С его губ слетело несколько неразборчивых ругательств — он с сожалением понял, что Реас прав. Среди черных волос совершенно отчетливо выделялась фиолетовая прядь. Будь у Астиона выбор, он бы никогда в жизни не стал пускаться на такую унижительную вещь, как покраска, тем более что в Дилане не существовало действенных средств для этого, но не было здесь и людей с таким цветом волос. Астиону с детства внушили, что не стоит зря привлекать внимание подобной деталью, и даже теперь, когда существование Этериола почти ни для кого не было секретом, совсем не хотелось провоцировать народный бунт. А ну как кому-то вздумается заявить, что он не имеет права на престол, потому что не принадлежит этому миру? Тогда доказывать, что он, Астион, никогда не был в Этериоле, будет бессмысленно. Силу народного гнева Астион уже не раз познал на собственной шкуре и, учась на этих горьких уроках, развил

в себе завидные интуитивные способности, которые в том числе подсказывали ему, что лучше хранить в тайне.

– Ладно, — сказал он и опустился в кресло, которых здесь стояло всего два — гости у Реаса были редким явлением, но оно и неудивительно, мало кто вообще знал о его существовании. Всего несколько человек, включая самого Астиона и сбежавшего пленника, которого брал в расчет только Реас, потому как все остальные мальчишку давно похоронили.

Именно о нем и думал сейчас Реас. Он скользнул взглядом по картам и в очередной раз почувствовал: здесь что-то не то.

– Мальчишка соврал нам, — проскрипел он, указывая на карту Эндерглида. — Я почти уверен в этом.

– Нужно было отрубить ему пару пальцев, — сказал Астион. — Я предлагал, но ты же запретил...

– Ты не знаешь стражей и воинов Этериола! — усмехнулся Реас. — Поверь, если коснуться их драгоценных ручек или ножек, они предпочтут смерть такому унижительному существованию. Это тебе не здешние солдаты... Жизнь без возможности исполнять свой воинский долг для них бессмысленна. Поэтому надо до конца оставлять им возможность надеяться, что все может быть вполне нормально, если они заговорят.

– Но это не помогло! — возразил Астион почти сердито. — А ведь мы с таким трудом его захватили! Да еще самого юного.

– Меня больше огорчает то, что ему удалось сбежать. И не смей мне говорить, что он мертв. Сегодня утром мне доложили, что все стражи Рассвета еще две недели назад пересекли границу Галикарнаса с раненым на руках. Очень сомневаюсь, что они всю дорогу тащили с собой труп только для того, чтобы похоронить его в Этериоле! — Реас хохотнул, представив, во что превратились бы останки умершего к моменту перехода через Врата. — В твоих интересах наказать людей за их промашку.

– Хорошо, — Астион несколько раз кивнул. — Но что с твоими картами? Ты не можешь обойтись без них?

– Нет, но помощь уже в пути... Я не хотел прибегать к этому, но пришлось... Я извел последние пергамент и перо и доверился — доверился, можешь себе это представить? — этому идиоту Фелиру. Зато так я достигну успехов не только в том, что касается карт... Да... — Реас откинулся на спинку кресла и с наслаждением расслабил руки. Кости и суставы в последние годы ощутимо побаливали даже после незначительных усилий, требовавшихся для письма. — Все равно мне нужны перо и пергамент. Вот он мне их и принесет. И еще кое-что необходимое.

– Точно? — осторожно поинтересовался Астион.

– Конечно, — Реас ухмыльнулся и кивнул на один из ящиков стола, в котором лежал исписанный пергамент.

– Хорошо, — у Астиона отлегло от сердца. — Но вообще-то я пришел вот зачем... Раз этого Хранителя Ключей, — его пробрала дрожь, — больше нет в нашем мире... Роланд, во всяком случае, передал мне именно это, и твои слова это подтверждают... Я тут выяснил кое-что, — он с силой потер переносицу. — Видишь ли, у Роланда, помимо сына, есть дочь.

– Неужели? И что же ты от меня хочешь? Совета, как правильно поздравлять в таких случаях или благословения, если она уже взрослая?

– Судя по всему, ей лет пять. И я просто хотел узнать, не может ли она нам понадобиться потом... В общем-то, жениться на ней было бы неплохим ходом, чтобы управлять Асбелией, тогда никто не сможет выдвинуть никаких протестов... Но решать это нужно сейчас.

– К чему такая спешка? — Реас внимательно посмотрел на него.

Он отметил, что Астион был растерян слишком сильно даже для самого себя. Многие в Ретилосе, да и вообще в мире, считали его сущим тираном, но Реас знал его совсем с другой

стороны. Астион сам не раз и не два принимал решения о военных походах и многочисленных убийствах, давал указания к пыткам и так далее, однако относился ко всему этому без малейшего удовольствия, просто как к необходимой работе. Инициатором особенно глобальных и жестоких замыслов был в основном Реас. Астион всегда слушал его чуть ли не с восторгом и беспрекословно подчинялся, почти не думая о вынужденных человеческих жертвах — они были всего лишь ступенями к желаемой цели. Но с тем же Роландом ему было не сравниться, чему Реасу сейчас и предстояло лишний раз получить подтверждение. Астион был немного наивным, не очень уверенным в себе человеком, привыкшим опираться на его советы.

— Я узнал, — пробормотал Астион, — что Роланд приговорил ее к смерти.

Реас некоторое время молчал, обдумывая услышанное. Потом жестом велел Астиону налить вина — на маленьком столике у стены стояли золотой, украшенный драгоценными камнями кувшин и такой же кубок. Астион послушно налил и поднес ему вино, и только пригубив его, Реас проговорил:

— Приговорил?.. Мне казалось, ты сказал, что ей пять лет или около того. Что поделаешь, старость.

— Нет, ты не ослышался! Ей и в самом деле четыре или пять. Я тоже сначала не поверил. Но мне сказали, что в Асбелии все шумит по этому поводу. Я отправил гонца к Роланду, и он уже вернулся. Роланд сам подтвердил, что это правда.

— Похоже, он малость не в себе? — любопытствовал Реас. — Или девчонка успела в таком возрасте совершить парочку-другую смертных грехов? Я думал, после войны с Галикарнасом Роланд стал несколько мягче в этом вопросе.

— Он заявил, что ребенок рожден вне брака, как и его сын, и поэтому должен умереть. Похоже, он счел, что именно за это его наказывает Бог, — на лице Астиона появилось некоторое удивление ходу мыслей Роланда. — И что именно это причина всех его несчастий.

— Дочь Роланда... Хм. И когда приговор будет приведен в исполнение?

— В ближайший месяц, именно поэтому нужно решать как можно скорее, — взволнованно проговорил Астион. — Пока есть время! Можно поставить это как дополнительное условие мира...

— Это тебе не поможет, — отрезал Реас. — Приговоренный Роландом обречен. Ни на какие уступки он не пойдет, тем более что это его родная дочь, а не наш шпион. Единственный выход — похитить девчонку.

— Значит, стоит? — уточнил Астион.

— Необходимости нет, но не помешает, — Реас зашелся долгим, тяжелым кашлем. — Королевская кровь никогда не бывает лишней, — продолжил он, когда приступ утих, — уж это я здесь усвоил более чем хорошо. Тем более что других детей у Роланда, насколько я знаю, нет, и может и не быть. Странно, кстати, что он решил убить дочь, а не женщину, которая его искусила, — Реас хрипло расхохотался.

— И в самом деле, очень странно! — закивал Астион. — Я вот, например, приговорил жену, а не сына.

— Чуть ли не единственное здоровое твое решение, — проворчал Реас и осушил сразу половину кубка.

Астион испытал смешанные чувства — с одной стороны, он очень дорожил редкими похвалами Реаса, но, с другой, ему немного взгрустнулось. Вскоре после того, как его жену казнили за измену по его же приказу, их единственный сын заболел и скоропостижно умер, ему не было и шести.

— А что в Этериоле грозит за измену? — спросил он, заметив, что Реас внимательно на него смотрит, наверняка отмечая его внезапную печаль.

— Брак в Этериоле нерасторжим... — вяло проговорил Реас, покачивая в руке кубок. — За измену грозит изгнание, но последнее слово остается за тем, кому, собственно, изменили.

— Довольно сурово, — заметил Астион. — Все современные государства — ну кроме Асбелии, разумеется, — уже вполне признают развод. Может, в Этериоле теперь тоже так? Ты ведь сколько лет назад оттуда ушел!

Реас посмотрел на него сердито, уязвленный тем, что Астион посмел сомневаться в его словах.

— Законы Этериола нерушимы! — отрезал он. — Они такие от его сотворения, и такими останутся до скончания времен.

— Но это невозможно! — воскликнул Астион. — Рано или поздно правители придут к соглашению хотя бы по одному поводу, и тогда...

— Правители! — Реас захохотал так сильно, что хриплый смех перешел в кашель. Встревоженный Астион подлил ему еще вина. — Правители... Глупый мальчишка! Причем здесь правители? Впрочем, ладно, не так уж часто ты спрашивал меня о законах Этериола... Так знай же: его законы написаны в незапамятные времена на золотом пергаменте! Это первое, что было написано на них... И последнее. Насколько мне известно, последняя запись, сделанная пророком — так называли тех, кто делал записи, — гласила, что пользоваться пергаментом отныне запрещено. Конечно, со сменой правителя могут происходить уступки... Записи не гарантируют исполнения этих законов... Но с помощью пергамента и пера эти слова впечатаны в самую сущность Этериола, и с этим ничего не поделать.

Астион с интересом покосился на ящики стола, где хранились золотые пергаменты. Реас исписал их не так и много, но сколько точно и чем именно, Астион не знал. Иногда ему становилось сильно не по себе, когда он думал о том, что, быть может, и его рождение было спровоцировано этим пергаментом.

— Ну, ладно, — Реас отставил пустой кубок в сторону. — Не было вестей о Гилдиане? Настроение у Астиона упало еще на один градус.

— Да... Совсем забыл... Он погиб. Еще тогда, в той битве в Асбелии... У замка.

— В той *резне* у замка, — поправил Реас. — Очень жаль. Впрочем, я так и думал. Такие, как он, без уважительной причины надолго не исчезают. Но хотелось верить в лучшее. Досадно, столько пергамента было испорчено зря.

— Я говорил, чтобы ты использовал его на мне! А ты дал эту силу Гилдиану. И вот теперь ни того, ни другого...

— Я не давал эту силу Гилдиану. Я *испробовал* эту силу на Гилдиане. Как вижу, она его не спасла, да и не особо помогла выполнению его миссии.

— Это все этот страж, Балиан! — Астион ударил кулаком по столу. — Мне доложили, что это он убил Гилдиана. Более того, он убил его так, что его и узнать было нельзя! Его просто оттащили в сторону и похоронили, как какого-то рядового солдата. Немыслимо! Будь он проклят, этот Балиан!

Реас молчал. События последнего года вспыхивали в его разуме, одно за другим. Он вспомнил все с самого начала, затем обдумал отсеянную информацию. Не удовлетворившись этим, Реас знаком приказал Астиону проверить, не забыл ли он закрыть дверь на замок, и после этого достал из ящика законченный сегодня лист пергамента. Впрочем, его интересовали не новые записи, а старые. Он внимательно изучал слово за словом, закрывал глаза и представлял себе битву у замка, унесшую столько жизней. Уже много лет Реас не покидал этой комнаты, но в его памяти краски внешнего мира и, особенно, яростных сражений были такими свежими, словно затворником он стал только вчера. Поэтому он легко вообразил, как перепуганные люди снуют по разрушенной площади, заваленной упавшими колоннами, не успевают скрыться и, обливаясь кровью, падают наземь... Солдаты отчаянно сражаются друг с другом, и среди самых заметных воинов — Балиан и Гилдиан... Несмотря на неоспоримое мастерство стража Расвета, битва должна завершиться его поражением, но все происходит иначе. Почему?

Ответ не заставил себя долго ждать. Реас представил, как Балиан в бешенстве бросается на Гилдиана и вонзает в него меч. Мог ли он это сделать, не коснувшись его? Маловероятно.

Реас, чрезвычайно довольный, открыл глаза.

– Я не верю, что смерть Гилдиана была напрасной. Не верю. Он был неплохим воином и достаточно хорошо усваивал мои указания... Да, я уверен, все дело в том, что пергамент опять истолковал написанное несколько иначе. Это моя вина, я сделал недостаточное количество уточнений. Но поверь мне, Астион, я все-таки не так глуп. Балиан Розенгельд и в самом деле будет проклят!

Астион улыбнулся ему с робкой надеждой. Гилдиан был его другом, и такой исход для Балиана его вполне устраивал.

Но, несмотря на печальный конец своего товарища, прежде чем уйти, Астион обернулся и пробормотал:

– А если... Когда тебе принесут пергамент... Ты не можешь написать про меня то же самое, что и про Гилдиана?

Реас молчал так долго, что Астион успел порядком приуныть и был готов быстро попрощаться и уйти. Однако стоило ему отвернуться, как до него донеслось:

– Не раньше того момента, как мы узнаем о судьбе этого Балиана. — Реас усмехнулся. — Ставить эксперименты над собственным сыном я не собираюсь.

Астион просиял, словно ребенок, хотя ему уже было под сорок, скосил глаза на зеркало и на этот раз с удовольствием увидел в отражении фиолетовую прядь.

– Пойду узнаю новости из Галикарнаса, — сказал он. — Кто знает, вдруг стражи все же решили вернуться до смены Врат.

И Астион, пряча довольную улыбку, вышел из комнаты.

Демиан старался пройти через гостиную со всеми предосторожностями, чтобы ненароком не разбудить уставшую мать. Раньше это не составило бы для него особо труда, но после того, как к ним перенесли бессознательного Эксентара, путь до выхода был уже далеко не таким простым: дом наполнили кошки. Выпроваживать их было совершенно бесполезно. Не помогали ни запертые двери, ни закрытые окна — в попытке добраться до Эксентара коты проявляли небывалую изобретательность, например, один раз кошка запрыгнула на плечо Демиана ровнехонько перед тем, как он закрыл за собой входную дверь. Эти незваные гости действовали на Рейту удручающе, хотя вели себя вполне прилично. В Градероне, откуда она была родом и где прожила большую часть своей жизни, кошки были далеко не безобидными животными. Они часто бросались на людей, особенно детей, и наносили им серьезные повреждения, потому как их единственной целью было вырвать кусок плоти себе на ужин. Иногда им это удавалось. Поэтому Рейта опасалась и эндерглитских кошек, хотя здесь они были милыми и мирными животными скромных размеров, которых многие держали в доме. Демиан привык к ним гораздо легче и совсем их не опасался, но и ему было не по себе с тех пор, как появился Эксентар. На кошек он наткнулся буквально всюду.

Внимательно глядя себе под ноги, Демиан обошел кота, растянувшегося прямо посреди комнаты, прошел мимо дивана, заметил на подоконнике котенка и, вздохнув, наконец выбрался на улицу. Было очень пасмурно, накрапывал дождик; Демиан подумал, что, похоже, сегодня ему предстоит вымокнуть.

Вдруг он заметил отца. Тот стоял у самой ограды и напряженно вглядывался куда-то. Демиан совсем не ожидал увидеть его и немного растерялся. Надо бы хоть слово сказать, но было похоже, что он сосредоточенно наблюдает за кем-то, и отвлекать его не следует.

Однако дилемма легко разрешилась: Демиан сделал всего пару шагов, и Кристиан обернулся.

– К Вратам? — спросил он.

– Да, — кивнул Демиан.

– Удачи, — сказал Кристиан и снова посмотрел в сторону. Демиан проследил за его взглядом. Выходило, его отец созерцал двор Лейан, но там никого не было.

Кристиан заметил, что Демиан за ним наблюдает, и объяснил:

– Хотел навестить Балиана, но увидел, что к ним кое-кто пришел.

– Ангелор? — вырвалось у Демиана.

– Точно, — Кристиан посмотрел на него с интересом. — Знаешь, в чем дело?

– Он преследует Лейан, — почти сердито ответил Демиан. — Я думал, что хотя бы сейчас перестанет! Но Лейан говорит, ей приходится с ним работать, — признался он. — Его повысили, и это почему-то необходимо.

– Вот оно что... Понятно. Ладно, иди, Тристан не прощает опозданий.

Демиан кивнул и торопливо направился к калитке. Он уже приоткрыл ее, когда услышал за спиной голос Кристиана:

– Когда у тебя будет свободное время, можем устроить бой, если хочешь.

Демиан ушам своим не поверил: он втайне мечтал об этом с того самого момента, как окончательно оправился после ранения, но предлагать сам опасался. Он понимал, что будет глупо, если он напросится на битву, а потом с первого же удара потеряет меч. Тревога не безосновательная: Демиан хорошо помнил, что Кристиан не щадил его даже когда он впервые взялся за оружие.

Обрадованный предложением, Демиан со всех ног побежал к Вратам, но очень скоро вспомнил, что времени у него еще целая куча, и повернул обратно. Он вышел раньше положенного на добрых два часа, чтобы встретиться с другом — Рилан получил свою первую пробную миссию и вернулся только вчера, но поговорить с ним толком не удалось.

– Наконец-то! — Рилан уже поджидал его. — Ну, пошли, что ли, к садам! Тебе скоро на дежурство?

– Да еще часа через полтора.

– Отлично, а я пойду в библиотеку, — поморщился Рилан. — Никак мне этот дурацкий Святой язык не дается! А отец угрожает, что по нему очень строго будут спрашивать. Хорошо тебе, ты его вон как знаешь!

Демиан только вздохнул. Ему вспомнилось, как, когда он только-только стал учеником и кое-как влился в ряды остальных ребят, им задали на дом написать сочинение о Святом языке. Демиан задание прилежно выполнил и принес. Синдергрилл, старый и суровый учитель, едва глянув на работу Демиана, поперхнулся, затем насупился и молча сунул исписанные листки зашедшему за чем-то Тристану. Тот просмотрел их и не сдержал улыбки. Оказалось, никто из ребят еще не умел писать на Святом языке, и задание не подразумевало, что использовать нужно именно его. Кроме того, Демиан попытался припомнить все, что знал, а знал он немало, — в Градероне эти знания вообще были куда обширнее. Поэтому и для Синдергрилла, и для Тристана половина написанного стала новостями, и несколько этих новостей после серьезного обсуждения пришлось вписывать в учебники.

Случай еще забавнее произошел спустя месяц. Рилан, сидевший с Демианом за одним столом, настойчиво его отвлекал, не давая ему сосредоточиться на уроке, так что Демиан в конце концов прямо попросил друга перенести разговор на потом. Рилан обиделся, и когда Синдергрилл рявкнул на Демиана, чтобы тот читал вслух (в первый раз мальчик не услышал, потому что именно в этот момент просил Рилана повременить с беседой), подсунул растерявшемуся Демиану книгу на Святом языке, перевод с которой они пытались сделать. Собственно, читать нужно было перевод. Но Демиану это и в голову не пришло. Перепуганный сложными знаками в книге, он изо всех сил старался прочесть их, сбиваясь от охватившей его паники. С грехом пополам у него получилось. У несчастного Синдергрилла буквально отвисла челюсть.

Устный Святой язык уже много столетий считался безнадежно мертвым. Использовались только его знаки, а как их произносить, никто не знал. Но жители Эндерглида не подозревали об истории, произошедшей в Градероне. В подземельях нашли мальчика, который ни слова не понимал из того, что ему говорили, и нес полную околесицу. Руэдейрхи велел привести его к себе и первым догадался, что мальчик говорит на вымершем Святом языке. Понять его знающему знаки не составляло особого труда, нужно было только разбивать на них незнакомый говор. Правителю Градерона это удалось, и Кристиан и Арес, Демиан знал, тоже смогли его понять, когда усвоили принцип. Найденного мальчика звали Рагнар; его усыновила мать Сату Рейты. Помимо того, что он говорил и писал на Святом языке, Рагнар оказался выдающимся целителем, равных ему не было во всем Этериоле. Именно он в последний момент спас жизнь Демиану, когда тот заболел неизлечимой болезнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.